

Юджин Маккарти

ПОСЕТКИ ВЪ АМЕРИКУ

СПУСТЯ 150 ЛЕТ ПОСЛЕ ПУ
ТЕШЕСТВИЯ А. ДЕ ТОКВИЛЛА ■ СПУС
ТА 150 ЛЕТ ПОСЛЕ ПУТЕШЕСТВИЯ А. ДЕ
ТОКВИЛЛА ■ СПУСТЯ 150 ЛЕТ ПОСЛЕ ПУ
ТЕШЕСТВИЯ А. ДЕ ТОКВИЛЛА ■ СПУС
ТА 150 ЛЕТ ПОСЛЕ ПУТЕШЕ
СТВИЯ А. ДЕ
ТОКВИЛЛА
СПУСТЯ 150 ЛЕТ ПОСЛЕ ПУТЕШЕ
СТВИЯ А. ДЕ ТОКВИЛЛА ■ СПУС
ТА 150 ЛЕТ ПОСЛЕ ПУТЕШЕСТВИЯ
А. ДЕ ТОКВИЛЛА ■ СПУСТЯ 150 ЛЕТ
ПОСЛЕ ПУТЕШЕСТВИЯ А. ДЕ ТОКВИ
ЛЛА ■ СПУСТЯ 150 ЛЕТ ПОСЛЕ ПУ
ТЕШЕСТВИЯ А. ДЕ ТОКВИЛЛА
СПУСТЯ 150 ЛЕТ
ПОСЛЕ ПУТЕШЕ
СТВИЯ А. ДЕ ТОК
ВИЛЛА

СПУСТЯ 150 ЛЕТ ПОСЛЕ ПУТЕШЕСТВИЯ А.
ДЕ ТОКВИЛЛА ■ СПУСТЯ 150 ЛЕТ ПОСЛЕ ПУ
ТЕШЕСТВИЯ А. ДЕ ТОКВИЛЛА ■ СПУСТЯ 150
ЛЕТ ПОСЛЕ ПУТЕШЕСТВИЯ А. ДЕ ТОКВИЛЛА
СПУСТЯ 150 ЛЕТ ПОСЛЕ ПУТЕШЕСТВИЯ
А. ДЕ ТОКВИЛЛА ■ СПУСТЯ 150 ЛЕТ ПО
СЛЕ ПУТЕШЕСТВИЯ А. ДЕ ТОКВИЛЛА
СПУСТЯ 150 ЛЕТ ПОСЛЕ
ПУТЕШЕСТВИЯ
А. ДЕ ТОКВИЛЛА

СПУСТЯ 150 ЛЕТ ПОСЛЕ ПУТЕШЕСТВИЯ
А. ДЕ ТОКВИЛЛА ■ СПУСТЯ 150 ЛЕТ ПОСЛЕ ПУ
ТЕШЕСТВИЯ А. ДЕ ТОКВИЛЛА ■ СПУСТЯ 150 ЛЕТ
ПОСЛЕ ПУТЕШЕСТВИЯ А. ДЕ ТОКВИЛЛА ■ СПУС
ТА 150 ЛЕТ ПОСЛЕ ПУТЕШЕСТВИЯ А. ДЕ ТОКВИ
ЛЛА ■ СПУСТЯ 150 ЛЕТ ПОСЛЕ ПУТЕШЕСТВИЯ
А. ДЕ ТОКВИЛЛА ■ СПУСТЯ 150 ЛЕТ ПО
СЛЕ ПУТЕШЕСТВИЯ А. ДЕ ТОКВИЛЛА
СПУСТЯ 150 ЛЕТ ПОСЛЕ ПУТЕШЕСТВИЯ А. ДЕ ТОКВИ
ЛЛА ■ СПУСТЯ 150 ЛЕТ ПОСЛЕ ПУТЕШЕСТВИЯ А. ДЕ ТОКВИ
ЛЛА ■ СПУСТЯ 150 ЛЕТ ПОСЛЕ ПУТЕШЕСТВИЯ А. ДЕ ТОКВИЛЛА
СПУСТЯ 150 ЛЕТ ПОСЛЕ ПУТЕШЕСТВИЯ А. ДЕ ТОКВИЛЛА

Юджин Д. Маккарти — известный американский политический деятель и писатель, в прошлом сенатор и претендент на пост главы Белого дома. В своей книге автор сопоставляет нынешние Соединенные Штаты с теми, какими их почти 150 лет назад увидел французский юрист А. де Токвилль и описал в своей книге «Демократия в Америке». Ю. Маккарти своеобразно трактует различные общественно-политические явления в жизни страны — от буржуазной демократии и президентских полномочий до положения черного населения Америки.

Публицистические заметки Ю. Маккарти, отражающие реальности США в их различных проявлениях, несомненно, представляют интерес для советских читателей.

Джон Маккарти **ВНОВЬ
ПОСЕТИВ
АМЕРИКУ...**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРОГРЕСС»

Eugene J. McCarthy

America Revisited. 150 Years after Tocqueville

NEW YORK, 1978

ВНОВЬ

Юджин Маккарти **ПОСЕТИВ**
АМЕРИКУ...

*Спустя 150 лет
после путешествия
А. де Токвилля*

Общая редакция
и предисловие
Р. Ф. Иванова

Москва «Прогресс» 1981

Перевод с английского *С. П. Пшенникова*
(вступление и главы I—III) *В. И. Бомкина*, (гл. IV—XI)
Редактор русского текста *Д. Б. Петров*

Редакция литературы по международным отношениям

© E. McCarthy. *America Revisited. 150 Years after Tockville.* Doubleday & Company, Inc. Garden City, New York, 1978

© Предисловие. Примечания. Перевод с сокращениями на русский язык. издательство «Прогресс», 1981

М $\frac{11105-700}{006(01)-81}$ 29—81

0904000000

США: НАСТОЯЩЕЕ В КОНТЕКСТЕ ПРОШЛОГО

Предисловие

Великий гражданин Америки Авраам Линкольн говорил, что он критикует свою родину, потому что любит ее и хочет, чтобы она стала лучше.

На наш взгляд, книга Юджина Д. Маккарти, предлагаемая советскому читателю в переводе на русский язык, во многом написана с таких же позиций. Платформа убежденного приверженца американского общественно-политического строя одновременно сочетает в себе критичность по отношению к его институтам. Это характерно для политиков, обладающих здравым смыслом и реалистическим взглядом на американскую действительность.

Советскому читателю, интересующемуся внутренним положением и внешней политикой США, достаточно хорошо знакомо имя автора. У себя в стране Юджин Маккарти известен как политический и общественный деятель, политолог, публицист и журналист. В течение двенадцати лет — до 1970 года — он был сенатором от штата Миннесота. Маккарти делал попытки пробиться в высший эшелон власти: трижды он пытался добиться выдвижения своей кандидатуры в президенты страны, в 1976 году стремился занять место главы Белого дома в качестве независимого кандидата.

Особую популярность — и это известно советскому читателю — имя Маккарти приобрело в связи с массовым движением общественности США против грязной войны американской военщины во Вьетнаме. Он проявил себя одним из наиболее убежденных и последовательных противников этой военно-политической авантюры, неоднократно указывая на неизбежность провала интервенции против вьетнамского народа. Притом здраво предугадывал политические потрясения, которые она вызовет в самих Соединенных Штатах. Отказ Линдона Б. Джонсона выдвинуть свою кандидатуру в президенты США на второй срок во многом был связан с теми успехами, которых добился Маккарти на первичных выборах 1968 года. Тогда он упорно настаивал на необходимости прекратить американское военное вмешательство во вьетнамские дела.

Юджин Маккарти представляет те круги американской общественности, для которых характерно негативно-критическое отношение к военно-промышленному комплексу. С их стороны раздаются голоса в пользу ограничения гонки вооружений, урегулирования путем переговоров спорных международных проблем.

По вопросам внутренней политики, как и по внешнеполитическим проблемам, Маккарти занимает леволиберальные позиции. Он сторонник

социальных реформ, известной модернизации государственного управления, предоставления равных прав национальным меньшинствам, в первую очередь черным американцам, удовлетворения неотложных нужд подрастающего поколения. Во всем этом может убедиться читатель, ознакомившись с книгой.

Ныне бывший сенатор уделяет много внимания педагогической и лекционной работе, к тому же он является политическим обозревателем нескольких американских газет. Помимо этого, Маккарти консультирует издательскую фирму «Хар-куорт Брэйс Джованович», которая выпустила в свет в США книгу «Л. И. Брежнев о мире, разрядке и советско-американских отношениях», чему немало способствовал ведущий консультант. Перу Маккарти принадлежат девять книг, одна из них — стихотворный сборник.

Предлагаемая вниманию советского читателя книга «Вновь посетив Америку... Спустя 150 лет после путешествия Токвилля» выпущена в свет в Нью-Йорке издательством «Даблдей» и с любезного согласия автора и издателей с некоторыми сокращениями печатается на русском языке. Этот труд, несомненно, вызовет интерес у советской читательской аудитории уже потому, что в нем нашли отражение настроения широких слоев американской общественности, их отношение к кардинальным проблемам внутренней и внешней политики США.

Автор в жанре историко-политической публицистики рассказал, какими увидели Соединенные Штаты и их институты в 30-х годах XIX века французский юрист, мировой судья Алексис де Токвилль и его коллега Густав де Бомон, совершившие длительное путешествие по стране. Из многообразных наблюдений в итоге возникла книга «Демократия в Америке» — главное сочинение Токвилля. В этом труде, переведенном на многие языки, в том числе и на русский, содержатся глубокие характеристики Соединенных Штатов 1831—1832 годов.

Юджин Маккарти, следуя за французскими путешественниками, как бы вновь посетил Америку. При этом им приведены в ретроспективном плане меткие сопоставления наблюдений Токвилля и собственных суждений. Проблемы, вызвавшие интерес французского юриста, заново пересматриваются или дополняются. Прошрое предстает в контексте настоящего. В итоге получился параллельно-сдвоенный, весьма реалистичный и емкий портрет Америки наших дней в сравнении с ее обликом 150-летней давности. Круг проблем, как убедится читатель, многообразен — от положения индейцев, до изъянов президентской власти и «американской демократии». Автор относится к правоверным представителям своего класса. Точнее, той его немногочисленной части, для которой характерна трезвая оценка американских внутри- и внешнеполитических проблем. Реалистический подход ко многим из них аналитичен и убедителен. Но, разумеется, не приходится ожидать от респектабельно-ортодоксального политика совпадения точек зрения с принятыми у нас представлениями. Читатель легко уяснит себе, в каких аспектах у автора на первый план выступает именно буржуазное осмысление происходящего. Маккарти, в частности, скептически относится к социализму, полагая, что за этой формацией последует некий корпоративный феодализм(?). Однако важно, что автор, в отличие от «ястребов», не допускает антикоммунистических домыслов, трезво судит о возможностях советско-американского сотрудничества. В целом его позиция —

несколько левее центра — позволяет по достоинству оценить лучшие разделы этой работы.

Для книги показательно отсутствие фрагментарности, что нередко присуще работам, в которых рассматривается столь широкий круг проблем, как в книге Маккарти. Читатель почерпнет немало поучительного, познавательного, в том числе из удачных исторических экскурсов, позволяющих дать более полную оценку нынешним явлениям в жизни американского общества.

Вслед за Токвиллем автор переносит читателя в Америку 150-летней давности, где тринадцать миллионов цивилизованных европейцев потихоньку захватывают эти плодородные территории, а тысячи солдат прогоняют с родных мест кочующие племена.

Токвилль в своем сочинении с полным основанием отмечал ограниченность «американской демократии». Это нашло свое проявление, в частности, в политике правящих кругов США в индейском вопросе. Капитализм еще на заре своего развития прошелся огнем и мечом по бескрайним просторам Америки, безжалостно истребляя индейцев. Остается фактом, что США — единственная в мире великая держава, которая в процессе своего становления совершила чудовищную акцию геноцида по отношению к коренному населению страны, в большинстве своем уничтоженному, а частично загнанному в резервации. А в них, отмечает Маккарти, — «нищета и безработица». Это не может не тревожить совесть честных американцев. Авторский раздел «Индейцы: „стать свободными“» лишний раз напоминает о кровавой истории «американской демократии», ее расистской сущности.

И во времена Токвилля Соединенные Штаты были страной, насквозь пропитанной духом наживы, лихорадкой личного преуспевания. Столь вдумчивый наблюдатель, как Токвилль, не мог пройти мимо этой характерной черты «американского образа жизни». Юджин Маккарти знакомит нас со многими оценками Токвиллем «деловой активности» XIX века, рассматривая ее сквозь призму современных, весьма болезненных проблем в области экономики. В книге приведены слова Токвилля о том, что, когда рабочий занят постоянно и исключительно изготовлением одной и той же детали, он приобретает удивительную сноровку. Он становится «все более ловким и все менее вдумчивым... в то время, как рабочий в нем совершенствуется, человек — деградирует» (с. 109). Это очень типично — разрушение личности в условиях Америки с ее бездушным отношением к людям труда.

Токвилль, подметил Маккарти, сделал обширные и в некоторых случаях пророческие выводы. Он, в частности, предрекал, что вслед за индейцами, которых «растопчет прогресс», та же судьба постигнет людей темнокожей расы. И действительно, на протяжении всей двухвековой истории Соединенных Штатов негритянская проблема была и остается сложнейшим расовым социально-экономическим и общественно-политическим вопросом. Токвилль обратил внимание на обстоятельство, мимо которого прошли многие профессиональные историки, позднее исследовавшие рабство негров США. Он писал, что отмена рабства на Севере заставила бы владельцев невольников отправить своих рабов на Юг. «В результате этого, — делал вывод Токвилль, — рабы Севера не обрели бы свободу; они попросту стали бы рабами-южанами» (с. 50). Токвилль вскрыл полную несостоятельность утверждений историков, будто после уничто-

жения рабства северные штаты стали землей обетованной для черных американцев. К чести Маккарти, он полностью разделяет резко критическое отношение Токвилля к жесточайшей дискриминации негров после отмены рабства. Юджин Маккарти также акцентирует внимание читателей на том, что Токвилль в конечном итоге не видел пути разрешения проблемы рабства.

На протяжении последних лет американская реакция взяла на вооружение провокационный лозунг «защиты прав человека» в СССР и в других социалистических странах. Развернувшаяся под этим лозунгом кампания стала важнейшей составной частью идеологических диверсий американских правящих кругов, новейшим средством «психологической войны» против стран социалистического содружества. Кампания «в защиту прав человека» побила все рекорды ханжества власть имущих в Америке. И потому Генеральный секретарь Коммунистической партии США Гэс Холл, вскрывая лицемерие американских правящих кругов, заявил: «Те, кто представляет в своем лице самый жестокий за всю историю человеческого общества расистский гнет, осмеливаются с видом праведников говорить миру о равенстве»¹. Поистине нет предела фари-сейству!

Прогрессивные круги американской общественности отмечают: проблема прав человека, и в первую очередь это относится к черным американцам, достигла в самих США исключительной остроты. Юджин Маккарти, замечая, что положение афро-американцев в американском обществе за последние годы в целом улучшилось, тем не менее делает вывод: «Равные права перед законом являются для черных, как и вообще для бедных, скорее мечтой, нежели реальностью» (с. 54).

Права человека—многогранная проблема, включающая в себя не только равенство перед законом, но и равное право на труд, на материальное благополучие, на уважение человеческого достоинства. Этого нет и не может быть при империализме. В. И. Ленин делал вывод, что «капитализм не может «вместить» иного освобождения, кроме правового, да и это последнее всячески урезывает»². Это типично для США наших дней. В соответствующих разделах работы Ю. Маккарти приводятся многочисленные факты, свидетельствующие о том, что «страна равных возможностей», как называют США апологеты «американского образа жизни», в действительности являет собой огромный заповедник расовой дискриминации. Читатель найдет в книге суровые факты американской действительности. Если в 1976 году средний доход белой семьи в США составлял 15 537 долл. в год, то черной—9242 долл. В том же году около 25 млн. американцев располагали доходом ниже официального уровня бедности, 8 млн. из них—цветные. В октябре 1977 года общий уровень безработицы в стране составлял 7 процентов, а для черных—почти вдвое выше; среди молодых белых рабочих насчитывалось 14,8 процента безработных; среди черных—37,9 процента. Подобные факты не нуждаются в комментариях. Приведя эти данные, Маккарти сделал вывод: «Как и предполагал Токвилль, расизм продолжает оставаться самой серьезной и трудноразрешимой задачей в жизни Америки» (с. 55).

¹ Цит. по: Иванов Р. Черные пасынки Америки. М., 1978, с. 11.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 345.

Приводимые в книге сведения опровергают широко распространяемые утверждения, будто «проблема черных» объясняется антипатией белых к черным как представителям низшей расы и что белые американцы в своем большинстве заражены расистскими предрассудками по отношению к афро-американцам. На деле возникновение и развитие американского расизма в первую очередь связано с факторами социально-экономического характера. В новой программе Коммунистической партии США зафиксировано: «Вся сложная система угнетения афро-американского народа построена таким образом, что ее главная цель — обогащение гигантских монополий, владеющих производственными ресурсами нашей страны и управляющих ими. Черный народ живет в нищете из-за капитализма, из-за того, что расовое угнетение приносит колоссальные прибыли»¹.

Общая тенденция развития капитализма, присущая всем историческим этапам этой общественно-экономической формации, свидетельствует о быстром процессе накопления богатства на одном полюсе и пауперизации — на другом. И это подметил Токвиль. Большое внимание уделяет данному вопросу Маккарти. Он приводит, в частности, интересные факты о том, как распределение акций среди мелких держателей порождает иллюзии о сопричастности непосредственного создателя материальных благ к сфере большого бизнеса. В действительности, как об этом свидетельствуют данные Маккарти, тысячи, сотни тысяч мелких держателей акций никогда, ни при каких обстоятельствах не заменят одного Рокфеллера или Форда: контрольный пакет акций и командные посты в экономике всегда находятся в руках монополистов.

В разделах книги, посвященных хозяйственным проблемам современной Америки, сквозит глубокая озабоченность за будущее огромной, громоздкой и очень неустойчивой экономической системы страны. Автор указывает на хроническую и быстро возрастающую безработицу, которая во время кризиса 1975—1976 годов составила 8 процентов всего самостоятельного населения страны, а число безработных в гражданских отраслях производства достигло тогда 8 млн. человек.

Юджин Маккарти пишет об американской экономике как об огромном, ненасытном чудовище, которое не знает никакой меры потребления и уничтожает колоссальные ресурсы без какой-либо пользы для своего не самого лучшего здоровья. К 1975 году, отмечал он, США превратились в величайшего, если не сказать самого чрезмерного, потребителя в истории. В 1975 году население США составляло 5 процентов мирового населения, однако страна потребляла $\frac{1}{3}$ мирового производства топлива и 40 процентов — алюминия и марганца. В оценках Маккарти звучит обоснованная тревога за судьбы американской экономики в условиях перманентного энергетического кризиса, проявляющего тенденцию перерасти в кризис сырьевых ресурсов. Эта проблема тем более сложна для США, что значительная часть полезных ископаемых капиталистического мира находится в развивающихся странах. И США стоят перед сложной задачей: как сохранить доступ к этим природным богатствам, продолжая проводить неокOLONиалистский внешнеполитический курс по отношению к странам, освободившимся от гнета колониализма.

¹ Цит. по: «США — экономика, политика, идеология», 1970, № 12, с. 78.

Юджин Маккарти неоднократно возвращается к вопросу о необходимости прекратить расточительную и чреватую серьезнейшими последствиями гонку вооружений. В книге приводятся факты, свидетельствующие о том, что в США миллионы людей заняты в сфере военного производства и служат в вооруженных силах, быстро растут «оборонные» расходы. «Американские военные базы, американский военный персонал размещены на всех континентах...» — заявляет автор. Опасность бесконтрольной гонки вооружений заключается в том, что в условиях перенасыщенности планеты оружием массового уничтожения это может привести к непоправимой катастрофе.

Маккарти справедливо указывает на то, что даже столь мощная экономика, как американская, испытывает тяжелейшие перегрузки, вызываемые гонкой вооружений. Милитаризация всей жизни страны ложится тяжелым бременем на плечи трудящихся: никому и никогда не удавалось иметь и пушки, и масло.

Помимо вопросов войны и мира, Юджин Маккарти, как и Алексис де Токвиль, который был судьей, большое внимание уделяет рассмотрению юридических проблем США. Подробно проанализировав американскую правовую систему, он приходит к выводу: «Древние римляне были более честными или более объективными, чем мы. Они признавали, что имели две правовые системы: одну — для граждан римского государства, вторую — для других проживавших в империи людей. Мы же настаиваем, что имеем только одну систему...» (с. 136). И автор на многочисленных примерах показывает всю неприглядную сущность американской правовой системы. Она беспощадна по отношению к тем, кто не имеет возможности и средств защититься от ее произвола или осмеливается протестовать против существующих порядков. Юджин Маккарти имеет в виду заведомую двойственность американской судебной системы, когда пишет: «Она существует и действительно функционирует для многих американцев, которые имеют положение, деньги... Вторая правовая система предназначена для бедных, расовых меньшинств, молодежи...» (там же).

Посвятив свою работу американской демократии, Токвиль не мог не поставить в центр внимания такие важные вопросы, как свобода слова, печати. Маккарти приводит многочисленные критические оценки французским юристом американской прессы 30-х годов XIX века. Токвиль писал, что три четверти объема газет заполняют объявления. «И он, — отмечает Маккарти, — приходил в ужас от низкопробного стиля американской прессы, почти полного отсутствия у нее каких-либо моральных принципов» (с. 15). Оценки Токвиля звучат столь современно, что, кажется, они характеризуют органы американской пропаганды наших дней.

Подробно проанализировав состояние современной американской печати, ее нравы и традиции, Маккарти вынужден сделать вывод: почти каждая цивилизация нашла соответствующие формы выражения заведомо искаженных суждений. В некоторых обществах этим занимались шаманы, в других — гадалки, оракулы, в третьих — сановные священнослужители. «В нашем же случае ими, видимо, являются газетные обозреватели, хотя они сталкиваются с конкуренцией со стороны сенаторов Соединенных Штатов» (с. 155).

Юджин Маккарти приводит многочисленные факты монополизации массовых средств информации в США и подчеркивает, что в этих

условиях не может быть и речи об объективном характере сообщений, даваемых этими источниками. Он акцентирует внимание читателя на том, что в таких условиях публикуемый материал представляет собой отражение не столько «ничейной» точки зрения, сколько мнения данной корпорации или организации.

Маккарти как ученый, журналист, писатель, поэт — деятель широкого диапазона. Но в первую очередь он политик. И безусловно, особенно большой интерес представляют для читателей его оценки современной американской государственной системы, построенные на параллелях с выводами Токвилля. Автор приводит высказывания французского судьи об американской избирательной системе, которая уже в те времена была театрализованным шоу. «По мере того как приближаются выборы,— писал Токвилль,— все больше плетутся интриги, все увеличивается и распространяется возбуждение... Вся нация оказывается в состоянии лихорадки...» (с. 169).

Разумеется, никакая оценка политической системы США не может быть полной, а тем более исчерпывающей без рассмотрения роли и места президента в жизни страны. Это естественно, так как президент США обладает огромной властью, являясь главой государства и правительства, главнокомандующим вооруженными силами страны. Государственный секретарь США при президенте Аврааме Линкольне Уильям Сьюард заявлял о президентских прерогативах: «Мы выбираем короля на четыре года и даем ему абсолютные полномочия в определенных рамках, которые он может интерпретировать, как ему заблагорассудится»¹. Трактовка Токвиллем и Маккарти роли президента в жизни страны во многом напоминает эту оценку. Выводы и суждения Токвилля по этому поводу, подчеркивает Маккарти, поражают своей глубиной, и похоже, что они относятся к современной политической жизни США.

Механизм американской избирательной кампании справедливо подвергается критике со стороны Маккарти, однако предлагаемые им реформы едва ли осуществимы на практике. Исторические параллели, которые он делает, со всей убедительностью свидетельствуют о том, что американские политикины ничему не научились, прошлое не послужило им школой для настоящего.

Автор цитирует слова Токвилля об издержках американской системы президентских выборов: «Интриги и коррупция представляют собой естественные пороки выборного правительства; однако, когда глава государства может быть переизбран, они преступают все границы и создают угрозу самому существованию страны» (с. 205).

Приведя подробную аргументацию Токвилля, свидетельствующую о глубоких изъянах американской политической системы, Маккарти пишет: «Поразительно, насколько точно эти слова могут быть отнесены к уотергейтскому делу. В ходе него, как и других, связанных с ним злоупотреблений, люди Никсона использовали огромные ресурсы государства для преодоления сопротивления политических противников, сбора средств по проведению кампании за повторное избрание Никсона на президентский пост и, наконец, для создания помех в ходе расследования уголовных преступлений» (с. 205).

¹ Цит. по: Мишин А. А. Государственное право США. М., 1976, с. 162.

Юджин Маккарти отмечает, что возрастание личной власти президента характерно для всего периода после второй мировой войны, в частности и для администрации Картера.

Апологеты «американского образа жизни» пытаются доказать, что избирательная система США, в частности процедура избрания президента и законодательное ограничение срока пребывания на этом посту,— некий эталон демократии для всех времен и народов. Алексис де Токвиль, а за ним и Юджин Маккарти неопровержимыми фактами утверждают прямо противоположное. Маккарти, например, резко критикует поправку к Конституции США, которая гласит, что президент может быть вторично переизбран на свой пост.

И Токвиль, и Маккарти единодушны в том, что «американская демократия» ни в коей мере не обеспечивает избрания на руководящие государственные посты тех, кто заслуживает этого по своим интеллектуальным, моральным и другим личным качествам.

Алексис де Токвиль писал, что в Соединенных Штатах у власти находятся политические бездарности, что положительные качества были повсеместно распространены среди тех, кем управляли, и редко отмечались у тех, кто управлял. Выборы бесконтрольно сопровождалась махинациями. Широко была распространена практика, когда пришедший к власти президент расплачивался за услуги, оказанные в ходе избирательной кампании, доходными государственными должностями. В законодательные органы выбирались посредственности. Такова была мрачная картина американской жизни, воспроизведенная Токвиллем.

«Каково же политическое положение в Соединенных Штатах примерно через 150 лет после поездки Токвиля?—вопрошает Маккарти и дает ответ: «...оно не очень изменилось или, во всяком случае, изменилось к худшему» (с. 180). Это поистине приговор «американской демократии».

Фундамент современной двухпартийной системы США был заложен на ранних этапах развития страны. Разумеется, эта система эволюционировала, но вовсе не в лучшую сторону—таков вывод, к которому приходит читатель, ознакомившись с оценками, которые давал политической системе Соединенных Штатов Токвиль в 30-х годах XIX века и Юджин Маккарти—в наши дни.

За время, прошедшее после путешествия Токвиля, в Соединенных Штатах Америки появлялись новые партии, менялись президенты, публиковались многочисленные законы, декларирующие самые демократические права американцев. Но неизменной оставалась антинародная сущность политической системы США.

Приведя многочисленные факты, характеризующие антидемократический характер исполнительной власти в США, автор с полным основанием делает вывод, что Алексис де Токвиль «мог бы охарактеризовать политику страны как «политику правительства, осуществляемую правительством и ради правительства». В этих словах звучит сарказм. Юджин Маккарти перефразирует известное изречение Авраама Линкольна: «...Правительство народа, из народа и для народа, никогда не исчезнет с лица земли»¹.

¹ The Collected Works of Abraham Lincoln. Ed. by R. P. Basler, vol. I—VIII. Pew Brunswick, 1953, vol. VI, p. 230.

В поисках ответа на сложные вопросы внутривнутриполитической жизни и внешней политики американцы обращаются и к прошлому, к мнению тех деятелей, которые смогли дать вдумчивую, критическую оценку проблем, которые проходят через всю историю страны. С этой точки зрения книга Юджина Маккарти представляет несомненный интерес. Далеко не со всеми замечаниями и оценками автора, разумеется, согласится советский читатель. Отдельные суждения Маккарти, в частности трактовка им термина «демократия», не дают возможности правильно понять это явление.

Нельзя согласиться, на наш взгляд, и с рядом конкретных выводов автора. Например, когда он пишет: «Предполагавшийся в прошлом исторический процесс перехода от феодализма к капитализму свободной конкуренции, а затем — к социализму не является вполне очевидным» (с. 226). Вряд ли соответствует действительности вывод автора о том, что «большинство войн прошлого (которые вели США.— Р. И.) пользовалось поддержкой» (с. 220).

Советскому читателю, знакомому с историей и современным положением в США, нетрудно понять природу подобных суждений, а подчас и заблуждений автора. Они объясняются буржуазным мировоззрением Маккарти как правоверного защитника системы капитализма. Однако его критический настрой сам по себе симптоматичен. Ведь выступает с мотивированно негативных позиций не рядовой американец, но опытнейший представитель политического истеблишмента Америки.

Взятая в целом, интересная и по форме, и по содержанию, работа Юджина Маккарти найдет широкий круг советских читателей, проявляющих большой интерес к сложным и противоречивым проблемам современных Соединенных Штатов.

Р. Ф. Иванов,

доктор исторических наук, профессор

ВСТУПЛЕНИЕ

Замышляя грандиозные планы

9 мая 1831 года два француза, Алексис де Токвилль, 25 лет, и Густав де Бомон, 29 лет, после почти сорокадневного плавания высадились в Ньюпорте, штат Род-Айленд, поскольку встречные ветры не позволили кораблю добраться до нью-йоркской гавани.

Токвилль и Бомон, французские аристократы, были мировыми судьями. Им обоим пришла мысль совершить путешествие в Соединенные Штаты, притом официальное — с целью изучения тюремных реформ. Как часто бывает с мероприятиями политического характера, формальный повод не являлся основной причиной. Главную задачу составляло ознакомление с демократией в действии, изучение создаваемых в Соединенных Штатах общественных институтов.

Молодым судьям с трудом удалось получить разрешение не появляться в присутствии в течение полутора лет, необходимых для путешествия: суд работал по напряженному графику, как, видимо, повсюду и всегда. Кроме того, им следовало добиться разрешения от двух французских ведомств — министерства внутренних дел и министерства юстиции. Длительный отпуск для круиза в Америку получить удалось, но никто не согласился оплатить расходы на него. Как теперь пишут в отчетах конгрессменов, французы эти совершили поездку «за собственный счет», а точнее, своих родственников.

О размахе замыслов путешественников упоминалось в письме Бомона отцу:

«Мы замышляем грандиозные планы. Прежде всего, в меру своих способностей добросовестно выполним возложенную на нас ответственную миссию. И, изучая систему американских исправительных учреждений, мы увидим саму страну; посещая тюрьмы, познакомимся с ее людьми, городами, учреждениями, обычаями; мы познаем механизм действия правительства республики. Его в Европе не понимают. О нем непрестанно говорят, пускаясь в

надуманные сравнения с государственным устройством других стран. Это замечательно, если бы удалось написать книгу, содержащую верное представление об американском народе, смелыми мазками рисуя его облик, притом с анализом условий общественной жизни и разоблачением многих ошибочных мнений на этот счет».

Итак, они приехали к нам, следствием чего почти 150 лет назад явилась книга Токвилля «Демократия в Америке». Она поныне лучший справочный источник как фактической, так и аналитической информации для изучения американской демократии и общественных институтов.

Токвилль посетил страну, в которую входили все земли к востоку от Миссисипи, а территория к западу от нее составляла тогда часть луизианской собственности Франции. Техас еще не вошел в Союз*. Калифорния и другие мексиканские земли еще не были аннексированы, как и Орегон. И конечно, в 1831 году ни Аляска, ни островные приобретения не входили в состав США.

Американское население в значительной своей части состояло из англосаксов, протестантов. Их количество оценивалось примерно в 13 миллионов, причем большинство проживало на восточном побережье. Сколь-нибудь значительное движение за горный хребет** только началось. Согласно Токвиллю, самым плотно населенным штатом Союза был Массачусетс: 75 человек на квадратную милю; в штате Коннектикут—62 человека. Город Нью-Йорк населяли примерно 200 тыс. жителей, Бостон—60 тыс., Балтимор—80 тыс., Новый Орлеан с пригородами—50 тыс., Нешвилл—около 5 тыс., а Луисвилл—10 тыс. жителей.

Просторы Запада оставались незаселенными. Под давлением белого населения, прибежавшего к военным акциям, индейцы отеснялись все дальше на запад либо на менее плодородные земли восточных штатов.

Токвилль не видел всей Америки и не мог предугадать грядущего. Не все его суждения о характере и тенденциях развития американской демократии выдержали испытание временем. Он не предвидел мощных волн иммиграции конца XIX—начала XX века, которые в значительной степени изменили этнический и культурный облик Соединенных Штатов. Он не был в состоянии предусмотреть и последующие изменения в области транспорта и связи,

* Так издавна именуются Соединенные Штаты Америки.— *Здесь и далее звездочкой выделяются примечания редактора.*

** Имеются в виду Аппалачские горы.

роста больших городов, промышленных и финансовых корпораций. Но он заметил рождение демократического общества в исторически чистом виде, не скованного никакими монархическими или деспотическими традициями, феодальными порядками или ограничениями. В распоряжении американцев имелись казавшиеся тогда беспредельными земельные просторы и лишь один-единственный недемократический феномен — рабство.

...Прежде всего Токвилль и Бомон попали в Ньюпорт, штат Род-Айленд. Вот как Токвилль описал его: «Это скопище домишек размером с курятник, притом отличающихся чистотой, которая так радует глаз и о которой во Франции даже представления не имеют. В остальном же жители по виду своему мало чем отличаются от французов. Они носят такие же одежды, и их физиономии столь разные, что невозможно определить, от каких рас заимствованы ими те или иные черты. Я думаю, что подобная картина наблюдается и в других местах Соединенных Штатов».

Бомон, романтик и в душе до известной степени художник, был более восприимчив к деталям: «Мы бродили по городу. Здесь 16 тыс. жителей, имеется великолепная, недавно укрепленная гавань, малюсенькие домишки, настолько чистые, что напоминают театральные декорации. Все они покрашены. Есть и церковь с колокольней какого-то необыкновенного архитектурного стиля. Я зарисовал ее в альбом. Говорят, что женщины Ньюпорта отличаются исключительной красотой. Нам же они показались весьма непривлекательными. Эта новая раса не имеет никаких четких черт, говорящих о ее происхождении, это не англичане, не французы, не немцы, это смесь всех наций. Это раса торговцев. В маленьком Ньюпорте четыре или пять банков; то же можно сказать и обо всех других американских городах Союза...»

Корабль, на котором Токвилль и Бомон приплыли в Америку и вернулись во Францию, назывался «Гавр». Его построили в Америке в 1828—1829 годах, и принадлежал он «Ферст Гавр лайн», или «Гавр олд лайн», созданной в 1822 году. Помимо «Гавра», у этой компании имелись другие суда, они совершали регулярные рейсы между Францией и Америкой.

«Гавр» доставлял в Америку вина и предметы роскоши, а также французских и швейцарских эмигрантов, которые хотели обосноваться в Соединенных Штатах. На обратном пути он вывозил различные американские товары. У корабля были две палубы, квадратная корма, три мачты и

прямоугольные паруса. Длина—26 футов, ширина—29, глубина трюма—14 футов 6 дюймов*. Водоизмещение—480 тонн. Одним словом, для того времени довольно хорошее большое судно, хотя существовали и более крупные. На деревянном корпусе ниже ватерлинии имелась медная обшивка, что предохраняло от ракушек и тому подобного. «Гавр» числился как первоклассное судно типа А-I.

Токвилль и Бомон плыли на «Гавре» до Америки 37 дней, то есть несколько быстрее, чем обычно. Капитана Токвилль назвал «блестящим мужчиной и хорошим моряком», однако у него не все ладилось с провиантом. «Гавр» имел на борту 190 пассажиров и 18 членов экипажа, а кроме того, корову, осла, овец, уток, кур и индеек. Благодаря корове первый класс снабжался молоком, а остальная живность, исключая осла, шла на жаркое. Животные постепенно исчезали и появлялись на обеденном столе. Бомон отметил, что ежедневно подавалось отличное вино и свежий хлеб, и добавил: «Другая пища тоже была бы весьма хороша, если бы не повар, настолько неумелый, что после его прикосновения к еде пропадал всякий аппетит». Питания едва хватило до конца путешествия, и даже сахар пришлось выдавать в ограниченном количестве. Токвилль пишет, что 30 пассажиров размещались в каютах, 13—в междупалубных помещениях и 120—в носовой части.

20 февраля 1832 года, почти через год после прибытия в Америку, Токвилль и Бомон снова оказались на борту «Гавра» в гавани Нью-Йорка, чтобы отплыть домой, во Францию. На этот раз они попали под опеку капитана Фредерика Августа Пейстера, ньюйоркца голландского происхождения, ветерана войны 1812 года**, энтузиаста торговли с Китаем. Обратное путешествие удалось на славу: на капитана никаких жалоб не поступало.

...Высадка в Ньюпорте не планировалась. Ее потребовали сами уставшие от путешествия пассажиры, к тому же помешали встречные ветры и нехватка пищи и воды. Согласно сообщениям, некоторые пассажиры оставались на борту, а иные из сошедших было в Ньюпорте вернулись на корабль и затем поплыли в Нью-Йорк. Токвилль и Бомон провели ночь на борту «Гавра», а утром снова отправились в город, где впервые увидели американские пароходы.

* Фут—мера длины, равная 12 дюймам; дюйм—30,4 см.

** Имеется в виду англо-американская война 1812—1814 гг.

Знакомство с пароходом сказалось на всем последующем путешествии по Америке. Казалось, Токвилль не мог устоять перед соблазном воспользоваться любой возможностью покататься на американских речных судах. Его записи—это литания во славу пароходов, на которых он плавал. Один из них описан им как «огромный пароход, прибывший из Провиденса и направлявшийся в Нью-Йорк. Невозможно обрисовать внутренние помещения этой машины. Имелось три больших салона: два для мужчин и один для женщин. В них питается и отдыхает 400, 500, а часто и 800 человек. О скорости можете судить уже по тому, что, двигаясь против течения и ветра, мы преодолели расстояние в 60 лиг*, отделявшие нас от Нью-Йорка, за 18 часов».

11 мая 1831 года Токвилль прибыл в Нью-Йорк и приступил к серьезному изучению жизни Америки и ее институтов. Даже без интервью и описания наблюдений сами путешествия молодых французов в высшей степени впечатляющи; они свидетельствуют об их упорстве и настойчивости. Посещение Америки длилось со 2 апреля 1831 года по 20 февраля 1832 года.

За девять месяцев своего путешествия по Америке Токвилль и Бомон пользовались всеми основными видами транспорта, за исключением, может быть, лодок, курсирующих по каналам. Они плавали на пароходах, парусниках, каноэ, пробирались пешком и на перекладных.

Несмотря на конкуренцию с пароходами, парусники еще широко применялись на Восточном побережье—просторных заливах и на реках (французы с удовольствием проплыли на шлюпе от Манхэттена до Йонкерса). В этих местах на парусники еще приходилась основная нагрузка по осуществлению прибрежных коммерческих перевозок.

На Западе молодые французы по крайней мере дважды плавали на каноэ. Они переплыли реку, чтобы попасть в Сагино, штат Мичиган, на индейском каноэ, которое, по словам Токвилля, было сделано из дерева и имело длину около 10 футов. Он писал: «Не видно весел, не слышно всплеска воды. Лодка скользит быстро, без видимых усилий—длинная, узкая и черная, словно миссисипский аллигатор, устремляющийся за добычей». В Су-Сент-Мари они совершили экскурсию по озеру Верхнее на каноэ одного канадца французского происхождения. На обрат-

* 1 лига равна 3 милям: 4,8 км—так называемая уставная лига; 5,5 км—морская.

ном пути пронеслись по стремнинам реки Сент-Мари.

В 30-х годах прошлого века пароходы широко использовались на Великих озерах и на реках бассейна Миссисипи. На Востоке и на Великих озерах они перевозили преимущественно людей, а на Миссисипи и других реках Запада — большое количество пассажиров и грузов. Некоторые пароходы достигали довольно значительных размеров: большинство из них на Западе имело водоизмещение не менее 100—200 тонн (при измерении водоизмещения пароходов одна тонна равна 100 куб. футам). Причем отдельные суда, особенно пассажирские, нарядно украшались.

На Восточном побережье срок использования парохода составлял 10—20 лет и лишь редко равнялся периоду эксплуатации парусников. На Западе же пароходы служили недолго — до пяти лет, поскольку они строились из менее прочной древесины; зачастую обращались с ними неумело, неосторожно. К тому же условия плавания на западных реках США были гораздо более коварными. Многие пароходы погибали, наскочив на полузатонувшие бревна и подводные пни, а также от пожаров и взрывов котлов.

В Америке широкое распространение имели гонки пароходов, как официальные, так и любительские. Они проводились ради спортивного интереса и в целях достижения успеха в конкурентной борьбе. Победы в таких соревнованиях и новые рекорды скорости поднимали престиж компании, и подчас пароход, первым достигший пристани, заполучал всех пассажиров. Однако подобные гонки иногда заканчивались крупными авариями. Это случалось, когда капитан в азарте снова и снова повторял команду «Поддать пару!» — до тех пор, пока не взрывался котел.

О подобных случаях Токвиллю, несомненно, приходилось слышать. В своих записях он сравнивает порядки на американских пароходах с системой поддержания дисциплины по образцу тюрьмы Синг-Синг: «Нет ничего более удобного, быстрого, одним словом, совершенного, если все идет нормально. Но если хоть одна мельчайшая деталь выходит из строя, и пароход, и пассажиры, и грузы взлетают на воздух».

Во время путешествия Токвилля состоятельные пассажиры размещались в салонах или каютах. Обычно имелось одно большое помещение для женщин и другое — для мужчин. С одной стороны каждого из них располагался ряд спальных мест, их отделяли от общей части занавеской. Все пассажиры обычно питались в мужском отделении. На некоторых пароходах имелись специальные ка-

юты-люкс для семей или даже отдельных пассажиров.

Пассажиры также размещались на главной и нижней палубах. В этом случае за проезд они платили гораздо меньше — от четверти до половины стоимости каюты. Но и условия были намного хуже: для большинства не находилось коек, все сами готовили себе пищу на единственной печурке. Да и сама обстановка оказывалась обычно более опасной, чем на верхней палубе, так как котлы располагались совсем близко. К тому же возле них обычно хранились дрова, служившие топливом, что увеличивало угрозу пожара.

В те времена между пароходами, как и между другими видами транспорта, велась настоящая война цен. Это соперничество в сочетании с техническими усовершенствованиями, повысившими скорость пароходов, привело к снижению платы за проезд от Нового Орлеана до Луисвилля со 125 долл. в 1818 году до 25—30 долл. в 30-х годах прошлого столетия.

В отделе рекламы номера нью-йоркской газеты «Дейли эдвертайзер» за 10 мая 1831 года, через день после приезда Токвилля в Америку, приводились цены за плавание на некоторых пароходах Восточного побережья. Объявлялось, что стоимость проезда без питания от Нью-Йорка до Провиденса «снижена до 4 долларов». Другая компания извещала, что предлагает платить за тот же рейс 6 долл., включая питание. Поездка из Нью-Йорка до Олбани на пароходах компании «Норс ривер стим-боут лайн» стоила 2 долл. За поездку из Нью-Йорка в Хартфорд одна компания требовала 3 долл., другая — 2,5 долл.

Токвилль впервые воспользовался услугами парохода на пути из Ньюпорта в Нью-Йорк. Он и Бомон проплыли на пароходе также и большую часть пути по реке Гудзон до Олбани, затем от Буффало до Детройта. Из-за сильного дождя их пароход шел до конечной цели три дня. Пробравшись верхом по диким берегам озера Мичиган, они снова пароходом достигли Грин-Бей. То была чисто экскурсионная поездка, приятная и небогатая событиями. Они танцевали на палубе, а небольшой оркестр даже исполнил в их честь «Марсельезу». После этой экскурсии Бомон и Токвилль вернулись пароходом в Буффало, посетили Ниагара-Фолс, отправились (опять же на пароходе) в Монреаль и Квебек, а потом спустились в Уайтхолл, штат Нью-Йорк. Один из пароходов, на котором они плыли в Канаде, именовался «Великобритания».

Бомон и Токвилль также пользовались пароходами на пути из Хартфорда в Нью-Йорк, а оттуда в Филадельфию.

Но самое яркое путешествие началось в ноябре в Питтсбурге, когда они поднялись на борт парохода «Форс-оф-Джулай». Берега реки Огайо уже покрылись снегом, на самом фарватере масса льда. Ночью пароход задел риф неподалеку от Уиллинга и начал тонуть. Пассажиров охватила паника. Спустя много лет Бомон описал это событие следующим образом: «Мы с Токвиллем в последний раз взглянули на Огайо, ширина которой в этом месте превышала милю; мимо проносились огромные глыбы льда; на прощание мы крепко пожали друг другу руки». Но корабль не утонул, вскоре другой пароход снял с его борта пассажиров и переправил на берег. Однако на «Форс-оф-Джулай» дальше плыть было нельзя, и на следующий день путешествие продолжилось на другом корабле. После многих задержек, пользуясь разными средствами передвижения, Токвилль и Бомон наконец достигли Нового Орлеана. На обратном пути они, очевидно, проплыли на пароходе до Мобила, затем от Норфолка до Вашингтона.

Токвилль и Бомон несколько раз путешествовали верхом. На пути к озеру Онейда они страдали от палящего солнца, а в мичиганских лесах их изводили москиты. В остальном же этот способ передвижения считался вполне сносным.

В штате Нью-Йорк строительство канала Эри закончилось в 1825 году. Это не самый лучший канал в США, но, пожалуй, самый длинный и наиболее разрекламированный. Его открытие дало толчок интенсивному сооружению каналов в этом и других штатах, например, в Мэриленде строился один из них, под названием Чесапикский-Огайский. Но он был доведен до Кумберленда лишь в 1850 году, а реки Огайо так и не достиг. Штат Огайо также присоединился к этому своего рода буму: там строили каналы между Огайо и Эри и между Майами и Эри. Первоначально предназначавшиеся для грузовых перевозок, эти каналы, однако, скоро привлекли внимание туристов. Для них были построены специальные суда, они, правда, оставляли желать много лучшего в плане питания и удобств. На судах, курсирующих по каналу Эри, например, мягкие сиденья разворачивались в постели, над которыми на цепях и веревках — с риском для всех: и тех, кто находился наверху, и тех, кто спал внизу, — подвешивались к потолку другие койки. В дневное время, когда проходили низкие мосты, пассажиры на крыше и верхней палубе должны были наклоняться или попросту ложиться. Катера, курсирующие по каналам,

были удобными, а цены за проезд доступными. Во всяком случае, они казались комфортабельнее дилижансов, хотя и двигались медленнее.

Токвилль и Бомон могли бы добраться из Олбани в Буффало по каналу Эри, а не на перекладных. Но они ни разу не пользовались каналами во время своего американского турне, хотя в своих дневниках Токвилль неоднократно отмечал их значение.

Американские железные дороги находились на ранней стадии своего развития. К концу 1831 года имелось всего около 100 миль железнодорожных путей, тогда как общая протяженность каналов значительно превосходила тысячу миль. Однако уже была открыта, а к началу 1832 года доведена до Фредерика, штат Мэриленд, часть железной дороги между Балтимором и Огайо. На одном ее участке и нескольких других небольших линиях началось пассажирское движение. Иногда использовалась конная тяга. Первые вагоны походили на дилижансы, однако скоро их реконструировали. Проходившие во время пребывания Токвилля в Америке в июне 1831 года испытания паровоза «Йорк» явились поистине броском в будущее. Он преодолевал крутые повороты со скоростью 15 миль в час, а на прямых участках увеличивал ее вдвое, что приводило современников в изумление.

Дороги в то время в Америке были плохими, что неоднократно отмечается в путевых заметках французов. Ухабы в сухую погоду и грязь в дождь. Посреди колеи часто оставались пни. Хорошо, если за них не задевали оси экипажей. Исключение из этого общего правила составляла Национальная, или кумберлендская, дорога. Усилиями федерального правительства она была построена добротно. Местные же власти старались как можно меньше заниматься дорожным ремонтом. Существовали и частные шоссе, проложенные в надежде обогатиться за счет сбора подати за проезд, но большинство из них не оправдало надежд. Хотя эти дороги по качеству значительно превосходили государственные, они мало способствовали развитию грузовых перевозок. Строить их было делом накладным, а содержать — трудным. Вокруг мест, где взимались налоги за проезд, стали делать объезды; если же объездов не имелось, то ждали до заката, пока сборщики платы не покидали свои посты, и тогда проезжали бесплатно. В дилижансах того времени могло разместиться по крайней мере девять пассажиров — на трех внутренних сиденьях (десятый устраивался снаружи, возле кучера). Пассажиры первого ряда ехали спиной к кучеру,

среднего — лицом вперед по движению. Для них не имелось спинки, и ехать здесь, особенно при плохих дорогах, было утомительно. Мелкие вещи засовывали под сиденья, а более крупные укладывали в специальный «багажник», размещавшийся снаружи в задней части экипажа. Верх мог быть слегка закругленным, без багажной решетки и для перевозки вещей не использовался. К середине 30-х годов внешний вид дилижанса несколько изменился, появился стиль, называемый «конкорд» (по названию города в штате Нью-Хэмпшир, где делали лучшие дилижансы). Крыша стала плоской, появились багажные решетки. Такие дилижансы были популярны повсюду, особенно на Дальнем Западе.

Токвилль отметил, что подвеска американских экипажей изготовлялась целиком из кожи. Толстые плетеные ремни пропускались под низом и прикреплялись к шасси. Хотя французы и жаловались на ухабистые дороги, американцы считали, что ременная подвеска обеспечивает гораздо более плавное передвижение сравнительно с прежними экипажами. В те времена американцы еще умели ценить мелкие блага. Дилижансы совершали регулярные рейсы по шоссе, носящим имена знаменитостей, штатов, городов или даже иностранных государств. Когда по Национальной дороге путешествовал сам президент, компания, над которой он шефствовал, предоставляла ему новый экипаж или переделывала старый в соответствии с его вкусом и желаниями. В таких случаях этот экипаж носил его имя, скажем «Генерал Джексон» или просто «Президент».

Велась настоящая война цен между компаниями, владевшими дилижансами. После 1800 года стоимость проезда значительно снизилась. В 1832 году проезд от Бостона до Нью-Йорка стоил около 11 долларов. Дополнительную прибыль приносила перевозка почты. Почтовые дилижансы, которые перевозили и пассажиров, как правило, двигались гораздо быстрее обычных.

Токвилль и Бомон много раз пользовались услугами дилижансов и часто жаловались на плохие дороги и тряску. Первое такое путешествие они совершили, добираясь из Олбани в Буффало, а затем, после нескольких плаваний на пароходах, они, вероятно, на перекладных проехали по Новой Англии — от Филадельфии до Балтимора и обратно. Таким же способом они ехали без остановки на ночлег в течение 72 часов из Филадельфии в Питтсбург. Стоял ноябрь, и путешествие оказалось одним из самых неприятных.

В следующий раз им пришлось воспользоваться дили-

жансом после того, как обнаружилось, что ниже Луисвилла река Огайо замерзла, и они решили передвигаться по суше и сесть на пароход в Мемфисе. Разбитые дороги. На редкость холодная погода. Вскоре после Нешвилла дилижанс сломался, и до следующей станции они вынуждены были добираться пешком. На перекладных им все-таки в конце концов удалось попасть в Мемфис. На обратном пути из Нового Орлеана они пароходом добрались до Мобила, а оттуда направились в Нью-Йорк. Ничего примечательного на этом участке пути, видимо, не случилось...

Если бы Токвилль и Бомон отправились в Америку в наши дни, они, вероятнее всего, воспользовались бы воздушным путем. Перелет из Парижа длится семь часов. Вспомните, что в 1831 году их путешествие морем из Гавра продолжалось тридцать семь дней. А на борту самолета «Конкорд» они смогли бы достичь Америки всего за три с половиной часа.

Сначала их взору открылся бы Нью-Йорк, над которым самолет кружится перед посадкой. Еще в воздухе внимание пассажиров обращают на Эллис-Айленд, статую Свободы, паромы между Манхэттеном и Стэйтен-Айленд, причалы на реке Гудзон, Эмпайр-стэйт-билдинг, Центральный парк, небоскреб Объединенных Наций и так далее. Затем на земле они направились бы в Манхэттен через тоннель или по одному из мостов.

Если бы они прибыли теплоходом, то, входя в реку Гудзон, увидели статую Свободы. Бэттери предстал бы перед ними совсем не таким, каким он был в 1831 году, когда Бомон зарисовал его в своем путевом альбоме. Они оказались бы в городе с населением в 8 миллионов, а не 200 тысяч человек. Расположенный рядом с континентом, но все же город-остров—это еще не совсем Америка. Приезжий застывает в нерешительности, хотя и чувствует, что достиг неизведанных мест. За рулем нью-йоркских такси обычно иммигранты или их потомки. Евреи, греки, ливанцы, армяне, пуэрториканцы, ямайцы и представители других народностей, законно или незаконно приехавшие в США либо совсем недавно, или уже достаточно долго живущие здесь. Специальная табличка на приборной доске извещает, каковы национальное происхождение, религиозные убеждения и политические взгляды каждого из шоферов. Одни пассажиры охотно вступают в беседу, другие предпочитают отмалчиваться.

Токвилль и Бомон могли бы добраться до Олбани на теплоходе по Гудзону, но, скорее всего, они поехали бы туда на автомобиле, не минуя при этом тюрьму Синг-Синг. Двести миль от Олбани до Буффало они, несомненно, тоже преодолели бы на автомобиле, осматривая расположенные вдоль шоссе города Атика, Скенектади, Сиракузы и Онейда.

Внешний облик каждого города при подъезде к нему всегда одинаков. Вслед за окраиной располагаются разбросанные дома-вагончики, затем в ряд — мотели типа «Небесный отдых», «Придорожный», магазинчики, заведения по продаже мебели, ничем не примечательные рестораны («Сара и Джон», «Фло и Пит»). Изредка попадаются удачно спланированные и хорошо ухоженные пригороды, на протяжении нескольких миль защищенные от автомобильного потока изгородами и поросшими травой кюветами. Съезды с шоссе манят проголодавшихся путников, обещая также бензин и ночлег. Вдали сияющие вывески бензоколонок компаний «Галф», «Экксон», «Тексако», «Шелл» и менее известных — типа «Супер». Затем начинается собственно город с ресторанами и гостиницами «Макдональд», «Джино», «Хот Шоппс» и «Гавард Джонсон», а также более загадочными — «Полковник Сандерс» или «Дворец пиццы»*. Вечерние клубы под кровлей и с мансардами, предлагающие коктейли, а иногда обеды и ужины, с официантками без бюстгальтеров, если это устраивает посетителей. И вот вы проносите по самому центру города — через улицы, мосты над реками, железнодорожные депо, а иногда и дома, минуя заводской дым, а то и проносясь над ним. Затем следуют выезды из города, мимо лачуг на окраинах — вперед, через пространство, занимаемое фермами. И снова все повторяется: дома-вагончики, те же имена, те же вывески, та же архитектура, та же дорога, стремительной лентой мчащаяся под колесами, наконец ландшафт — опять города. Иногда серый цвет заводского дыма сменяется оранжевым, потом белым.

Английские и греческие названия перемежаются с индейскими — Онейда, Рочестер, Сиракузы, Атика, Скенектади, Эри, Буффало, Олбани. Верхний Нью-Йорк — это уже не великий город морских просторов, островов. Он устремлен на запад, в сторону Великих озер. Отсюда реки текут к ним и на север, в залив Святого Лаврентия, прочь

* Пицца — итальянское национальное блюдо.

от города. Река Гудзон неумолимо устремлялась в противоположном направлении.

Расстояния между Буффало и Детройтом следует, конечно, преодолевать не водой, а по воздуху, пролетев самолетом над Эри, Салемом, Аштабулой, Гранд-Ривер, Кливлендом и Сандуски. Это путешествие займет не два с половиной дня, как в 1831 году, а всего один час. Пассажирского сообщения по Великим озерам нынче практически не существует, если не считать отдельных туристов—они легко могут быть перевезены на весельных лодках либо на случайных грузовых судах.

На протяжении этого пути—вверх по Гудзону до Олбани, через штат Нью-Йорк к берегам озера Эри—можно наблюдать приметы прежней жизни. А вот на пути из Детройта в Понтиак, а оттуда во Флинт и далее до Сагино вряд ли удастся обнаружить следы быта 1831 года. Ничего не осталось от диких зарослей, некогда сквозь них Токвилль и Бомон вынуждены были пробираться верхом. И вместо мрачной тропы, по которой их вели проводники-индейцы, можно увидеть прекрасное шоссе—новый символ американской мощи, силы, процветания и мобильности.

В 1831 году в Детройте насчитывалось всего две-три тысячи душ. Ныне его население (с пригородами) составляет два-три миллиона жителей. Дорога между Детройтом и Понтиаком—по ней Токвилль и Бомон проехали верхом—проходила по малонаселенному краю с редкими бревенчатыми домиками. Понтиак представлял собой поселок из «двадцати чистеньких и милых домиков, многочисленных и хорошо оборудованных лавчонок. Здесь имелся прозрачный ручей и вырубка в четверть квадратной лиги...»

В наши дни от Детройта к Понтиаку ведет шестирядное шоссе, по обеим сторонам которого расположены одноэтажные домики неодинакового размера, построенные с одной целью—обслуживать автомобили и их пассажиров. Почти у каждой развилки устроились четыре заправочные станции, любая из них предлагает различные сорта бензина. Повсюду магазины по торговле новыми автомобилями, уставленные ими площадки, ряды подержанных выставленных на продажу машин, мойки, автомастерские, пункты проката автомашин, грузовиков и прицепов к ним, специализированные мастерские по ремонту глушителей, покрышек, тормозов, ветровых стекол, амортизаторов, чехлов, карданных валов, радиаторов. Малярные, ремонтные мастерские—одна из них именуется «Клиника для

столкнувшихся «кадиллаков»,— специально оборудованные буфеты, где пассажиров обслуживают непосредственно в автомобиле, придорожные рестораны и мотели, банки и своего рода кинотеатры на открытом воздухе (в них можно въехать и смотреть фильмы прямо из машины), стоянки. Заведения, служащие культу автомобиля, лишь изредка уступают место случайной церквушке, кладбищу или площадке для игры в гольф.

А за Понтиаком, на пути к Флинту, находится местность, которую Токвилль назвал «цветущей дикостью», вызвавшей у него «тихий восторг, неясную неприязнь к цивилизованной жизни, сладкое и меланхолическое чувство, какой-то дикий инстинкт, заставляющий с грустью подумать о том, что вскоре это чарующее одиночество станет недоступной роскошью».

Шоссе № 10—не всегда отталкивающие однообразные одноэтажные загородные конторы, свежесаживаемые деревья и травка между ними, а рядом—острова автомобильного сервиса. Снова бензоколонки, мойки, пункты по продаже покрышек, прокат автомобилей, рестораны, банки, винные, ковровые и мебельные магазины, продажа фасонной обуви «Кинни», кафе и рестораны всех известных фирм.

Между зарослями карликового дуба и бузины—пространства, как бы ожидающие строителей усадеб и мало отличающиеся от описаний Токвиллем местности возле Флинта, «пересеченной холмами и долинами; некоторые из них имели совершенно дикий вид». В 1831 году на реке Флинт было лишь несколько купален. Теперь на ее берегах расположились заводы легковых автомашин «бьюик» и грузовиков «шевроле».

За Флинтом по пути в Сагино Токвилль и Бомон, как уже говорилось, натолкнулись на непроходимые заросли и вынуждены были воспользоваться услугами проводников-индейцев. Никаких следов человека. Токвилль писал: «Над головой царит величественный порядок. А у земли, наоборот, все пребывает в хаосе. Неспособные более поддерживать кроны, стволы деревьев ломаются посередине и являют глазу нечто пикообразное. Другие, уже давно поваленные ветром, вросли в землю. Вырванные из почвы их корни представляют собой естественные завалы, за которыми могли бы укрыться сотни солдат. Огромные деревья, повиснув на ветвях, превращаются в труху, так и не коснувшись земли».

Тропа между Флинтом и Сагино преобразилась в шестирядное шоссе. Величие природы теперь почти не ощущает-

ся. Высоких сосен и дубов больше нет. Карликовый дубняк, тополя и ивы — деревья, погибшие в болотах, так как шоссе мешает естественному осушению. Объявления, предлагающие охотникам на пум услуги оружейников, да раздавленные автомобилями останки двух енотов — единственное напоминание о том, что когда-то здесь были дикие места.

В Сагино трудно найти следы Токвилля, не говоря уже об индейцах или диких утках, которых он тут видел. Одна из улиц носит индейское название — Таскола, да неподалеку имеется небольшой поселок, именуемый Индейской деревней. Сагино стал одним из главных центров по производству рулевого управления для автомобилей, выпускаемых компанией «Дженерал моторс». Прав был Токвилль, предсказывая, что «через несколько лет эти непроходимые леса падут, а цивилизация и промышленность нарушат тишину Сагино».

Путешествие по Канаде совершалось бы сегодня преимущественно на самолете с небольшими автомобильными поездками к историческим достопримечательностям. Вместо сторожевых застав и форпостов туристы увидели бы теперь города Монреаль и Квебек, оба весьма отличающиеся от того, что они собой представляли в 1831 году. Учитывая выносливость Токвилля и его друга, их энтузиазм в стремлении познать Америку, можно предположить, что из Канады они возвращались бы на автомобиле по тому же маршруту, который они проделали на пароходах и на перекладных: Олбани, Стокбридж, Бостон, Хартфорд и Нью-Йорк — неплохое путешествие. Через два дня они выехали бы на машине из Нью-Йорка в Филадельфию и затем в Балтимор, а через две недели — обратно в Филадельфию по шоссе № 1 — опасная и малопривлекательная поездка. Они скорее полетели бы самолетом от Филадельфии до Питтсбурга, нежели рискнули бы ехать по пенсильванскому шоссе. А потом, если бы из простого любопытства им не захотелось бы покататься на одном из немногих оставшихся в США пароходиков (по Огайо или Миссисипи), перелетели бы на самолете из Питтсбурга в Новый Орлеан. С птичьего полета им представились бы такие города, как Цинциннати, Нешвилл и Мемфис. Они вообще не увидели бы Мобила и проехали мимо Балтимора по пути в Нью-Йорк. Потом они вернулись бы во Францию.

Или же они могли бы долететь до Лос-Анджелеса и Сан-Франциско, а на обратном пути остановиться в Чикаго. Во время перелетов по Западу страны они не смогли

бы практически ничего рассмотреть. И увидели бы лишь шрамы на лике земли — разработки угля открытым способом в Иллинойсе и Кентукки, в Огайо и Западной Вирджинии. А затем — водохранилище, каналы и искусственные озера Теннесси, плавную Миссисипи и серую Миссури, высохшие русла рек на Западе и ущелье Колорадо.

На всем пути через штат Колорадо встречаются разливованные поля — до самых отрогов Скалистых гор, похожих на костяные пирамиды. Нагромождения скал, некоторые вершины покрыты снегом, как, например, Рейнье-Худ и пик Святой Елены. В сухой сезон вся гряда становится коричневой и зеленой, а позже серой.

И они увидели бы пустыни Северо-Запада. По ночам равнины усыпаны мириадами огней небольших городов и одиночными огоньками ферм. Потом появляются целые долины света — это Лос-Анджелес — или горы света — это Сан-Франциско, потрясающий город, зацепившийся за континент. Город непознанный, необычный, утвердившийся там, где кончается наша земля, и славящийся самым высоким уровнем самоубийств в Америке.

Токвилль и Бомон, возможно, смогли бы побеседовать, в общем-то, с такими же людьми, с какими они встречались во время своего давнего путешествия. У них были бы рекомендательные письма (а скорее, их заменили бы трансатлантические телефонные звонки) к журналистам, политическим деятелям, обозревателям. В руках у Бомона был бы не альбом, а фотоаппарат, а к блокноту Токвилля добавился бы магнитофон. Америка, которую бы они увидели, изучаемые ими институты выглядели бы в некотором отношении совсем иными, а кое в чем едва изменившимися.

В следующих за этим вступлением главах предпринята попытка сравнить и сопоставить Америку 1978 года с тем, что увидели и описали французские путешественники в 1831 году, то есть без малого 150 лет назад.

ГЛАВА I.

Индейцы: «стать свободными»

В то время как изучение тюремных порядков явилось официальной и формальной целью поездки Токвилля в Америку, многие строки его записей свидетельствуют о глубочайшей личной заинтересованности в судьбе американских индейцев.

С большим нетерпением ожидал он первой встречи с индейцами. Ему довелось читать книги Шатобриана и Фенимора Купера, и образ «благородного дикаря», несомненно, захватил его воображение, когда он писал в своем дневнике: «Я ожидал увидеть прирожденных дикарей Америки, но дикарей, на чьих лицах запечатлены черты гордости и благородства. Я ожидал увидеть людей, мало чем отличающихся от европейцев, физически великолепно развитых от постоянных упражнений на охоте и в военных сражениях. И таким не стыдно показаться полуобнаженными».

Впервые он увидел индейцев в деревне Онейда-Касл, в 180 милях от Нью-Йорка. Их знакомство было мимолетным. Индейцы бежали за каретой Токвилля, выпрашивая милостыню. Несколько позже, в Буффало, реальность потрясла его романтическое воображение. Там он увидел индейцев «невысокого роста, с тонкими руками и ногами, темно-бронзовой, а не красной, как принято считать, кожей... На их физиономиях отражалась та полная деградация, которая наступает при длительном отсутствии благ цивилизации. Пороки, заимствованные у нас, сочетались в индейцах с чем-то варварским и диким, что делало их в сгни раз более отвратительными...»

Далее следует такой рассказ: «Отъехав на некоторое расстояние от поселения, мы наткнулись на толпу индейцев, возвращавшихся домой. Почти все в той или иной степени пьяные. Одна из женщин каталась в дорожной пыли, издавая дикие вопли. У дороги, неподалеку от крайнего дома, валялся индеец. Он лежал совершенно неподвижно, и мы подумали, что он мертв. Но вот из груди его вырвались хриплые стоны, и стало ясно, что он

жив и старается побороть острый приступ алкогольного опьянения. Солнце уже зашло, и земля стала сырой. Было очевидно, что бедняга долго не продержится, если ему не будет оказана помощь».

«Вернувшись в город,— продолжает Токвиль,— мы рассказали об индейском юноше, оставшемся на дороге. Пытались убедить, что его жизнь в опасности, и даже предлагали заплатить за его пребывание в гостинице. Тщетно. Никому не было до него дела. Некоторые говорили: «Эти люди привыкли напиваться до безумия и спать на голой земле. И никто из них от этого еще не умер». Другие соглашались, что он, возможно, и умрет, но в их глазах можно было прочесть вопрос: «А чего стоит жизнь индейца?» Мы поняли, что таково было общее мнение. В самом американском обществе, с его страхованием и благотворительностью, царит холодный эгоизм и полное безразличие, когда дело касается коренных жителей страны... Каждый день янки говорят себе: «Этот мир принадлежит нам. Индейцы обречены на полное вымирание, и этого нельзя предотвратить. Небесам не угодно, чтобы они стали цивилизованными, и они должны погибнуть. И кроме того, у нас нет желания влезать в это дело...»

Алексис де Токвиль оказался на территории, где вождю сенеков Красной Куртке удалось сплотить свое племя. Но сразу же после его смерти нью-йоркские спекулянты земельными участками начали вытеснять индейцев. Испытанными методами подкупа и обмана им удалось отобрать большую часть их земли. Сенат утвердил соответствующее соглашение.

Почти через столетие, в 1960 году, племя тускароров проиграло судебный процесс гидростроительной компании ниагарского каскада—под угрозой бульдозеров и во имя прогресса.

В своем протесте против окончательного решения судья Хьюго Блэк (а к нему присоединились глава Верховного суда Эрл Уоррен и судья Уиллиам Дуглас) писал: «Если судить по документам, то земли индейцев не являются самыми плодородными, природа—самой красивой, а дома—совершенством архитектуры. Но это их родина, их отчий край. Здесь родились и они сами, и их дети, и их предки. У них тоже есть память, и им не чуждо чувство любви. Есть вещи, которые дороже денег или стоимости нового предприятия... Я сожалею, что именно суд высту-

пает в качестве правительственного органа, который разрушает веру нашего независимого народа. Великие нации, как и великие люди, должны держать свое слово».

Позднее Токвилль повстречал и индейцев, которые были гораздо ближе к его идеалу, и американцев, которые проявляли больше озабоченности судьбой коренных жителей страны. Так что его первое впечатление оказалось наихудшим. Это произошло потому, что тогда он встретился с индейцами пограничной территории, где бесчинства и подкупы со стороны белых приобрели наиболее отвратительную форму.

Это были индейцы, предков которых белые поселенцы вынуждали кочевать с одного места на другое в течение почти трехсот лет, начиная с 1625 года. Тогда в Массачусетсе колонисты попросили вождя пемаквидов Самосета выделить им дополнительно двенадцать тысяч акров земли. Он поставил крест на клочке бумаги, зафиксировав таким образом первый акт передачи индейской земли английским колонистам. Позднее иммигранты не удосуживались соблюдать предписываемые законом формальности. К 1661 году, когда скончался Массасуа, вождь вампаноагов, его племя уже было вытеснено с плодородных земель. Чтобы сохранить остальные угодья, его сын Метаком, которого колонисты называли Королем Филиппом, создал Конфедерацию индейцев.

После нескольких месяцев ожесточенных схваток вампаноаги и наррагансетты были практически истреблены. Короля Филиппа убили, а голову его выставили на всеобщее обозрение в городе Плимуте. «Доброжелатели» продали индейских женщин — среди них и жену Филиппа вместе с сыном — в рабство, в Вест-Индию.

На территории нынешнего штата Нью-Йорк все происходило подобным же образом: в 1641 году отдали приказ безжалостно истребить племя раритан, а в последующий период шесть ирокезских племен были разгромлены и остатки их изгнаны на Запад.

К югу от Нью-Йорка индейцев тоже загнали в глубь континента, вытеснив из прибрежных городов и земель к востоку от Аллеганских и Аппалачских гор, а затем еще дальше на запад, поскольку поселенцы стали просачиваться за горные хребты, в плодородные долины Среднего Запада. В Огайо племя майами вынудили уступить большую часть их земли. Многие индейцы племен соук и фокс под давлением поселенцев, проникших на территорию штата Иллинойс после войны 1812 года, бежали на другой берег Миссисипи, на те земли, которые впоследствии

стали называться штатом Висконсин. Имена этих племен носят реки: в штате Висконсин — Фокс, а в штате Миннесота — Соук. Черный Ястреб, возглавлявший союз племен фокс и соук, в Иллинойсе потерпел поражение и был взят в плен вскоре после возвращения Токвилля во Францию.

Большинство оджибвеев, потомков или родственников тех индейцев, с которыми Токвилль встречался в Буффало, вместе с оттавами ушли на запад, к Мичигану, и на север, к Канаде.

Племена меномини и виннибачо, чьи имена поныне носят самые популярные модели домов на колесах, и потаватоми, которые поддерживали Черного Ястреба, продвигались на запад, в районы, впоследствии ставшие штатами Индиана, Иллинойс, Висконсин, Айова и Миннесота.

Наиболее сильное впечатление осталось у Токвилля от встречи с индейцами в районе Великих озер. Поселения там были редки, и индейцы могли жить относительно спокойно. Они доверяли белым, а белые — индейцам. В Понтиаке один господин по фамилии Вилльямс уверял Токвилля, что индейцы, главным образом из племени чиппевазов, отличались умом и цельностью натуры. Они будто бы совсем не походили на тех краснокожих, которых Токвилль наблюдал в Буффало. Да и сам мистер Вилльямс своим отношением к индейцам абсолютно не имел ничего общего с их белыми ненавистниками. Когда господина Вилльямса спросили, опасно ли путешествовать по территории, занятой индейскими племенами, он с негодованием ответил: «Нет, нет и еще раз нет! Можете ехать без страха. Что касается меня самого, то я сплю спокойнее среди индейцев, чем среди белых». Примерно в то же время путешественники встретили одного лесника, который заметил, что не только не боится индейцев, но предпочел бы жить среди них, а не среди белых. «Индейцев я совсем не боюсь. Они достойнее нас. Мы сами развращаем этих бедняг, снабжая их спиртным», — разъяснил он.

Вскоре Токвилль снова повстречался с индейцами. По пути в Новый Орлеан он наблюдал, как обращаются с ними на Юго-Востоке. К тому времени на Северо-Востоке всех индейцев уже истребили. Не стало вампаноагов, массасуа и Короля Филиппа. Исчезли чесапики, чикахомины и потомаки, принадлежавшие к Паухатанской Конфедерации. А племена монтауков, нантикоуков, катобасов, майами, гуронов, эри, мохоков, сенексов и могикиан были разогнаны или полностью уничтожены.

Эндрю Джексон, прозванный индейцами Острым Ножом, вступил в должность президента США в 1829 году. Он заслужил репутацию охотника за индейцами и к тому же являлся еще и рабовладельцем. Однако по каким-то другим причинам его прославляют на благотворительных обедах, устраиваемых ежегодно демократической партией. То, что в начале своей карьеры Джексон вел войну против индейцев, ему прощалось, поскольку она составляла часть международного конфликта и соперничества с испанцами во Флориде. Но после заключения в 1821 году Флоридского договора иностранное вмешательство уже не могло служить оправданием войны с индейцами в этом районе. Однако она продолжалась: многочисленные племена чироквов, чикасов, чоктов, криков и семинолов — достаточно многочисленные — держались за свои земли и отказывались покинуть их.

В своем первом послании конгрессу Джексон рекомендовал переселить индейцев на запад, за Миссисипи, где и выделить им территорию «с гарантией, что она будет принадлежать индейским племенам в течение всего периода их пребывания там». В 1830 году вступил в силу закон о переселении индейцев. Джексон, по свидетельству современников, утверждал: индейцы и белые не могли мирно сосуществовать. Поэтому он считал, что осуществление его плана поможет разрешить конфликт между ними и не потребует снова давать обещания, а затем нарушать их.

Многие разделяли эту точку зрения. Но попытки создать резервации в восточных штатах — не только в местах, где предлагал Джексон, но и севернее — не привели к успеху. Намного раньше администрации Джексона президент Монро признавал необходимость переселения индейцев. Его программой предусматривалось согласие индейцев и выплата им компенсации. Однако, судя по сохранившимся документам, согласие — а оно обеспечивалось с помощью взяток и спиртного — часто оказывалось лишь формальностью, а компенсация ничтожной. Президент Джон Адамс медлил с осуществлением подобных планов, что, как считают, только усилило требования ускорить этот процесс при администрации Джексона.

Вопрос о ликвидации резерваций на Северо-Востоке приобрел особую остроту в 1829—1843 годах. Тогда произошли значительные события. При содействии Белого дома многие племена, включая шонов, делаверов и вяндотов, переселились на земли к западу от Миссисипи.

В 1832 году Черный Ястреб, который вернулся на восточный берег Миссисипи, где он обнаружил свободные

участки прерий, пригодные для выращивания кукурузы, подвергся нападению ополчения из штата Иллинойс. Умирающих с голоду индейцев изгнали обратно в штат Висконсин. Во время карательной экспедиции не щадили ни женщин, ни детей. Одной из рот, участвовавших в этой операции, командовал Авраам Линкольн. Лет через тридцать, когда он стал президентом США, начался долгий переход индейцев племени навахо на новые земли.

Внимание Джексона было обращено прежде всего к четырем крупнейшим индейским племенам на Юго-Западе — чикасов, криков, чоктов и чироков. На северо-востоке Джорджии, западе Северной Каролины, юге Теннесси, востоке Алабамы и в верховье Миссисипи поселения белых были ограничены. Здесь индейцы добились определенных прав и занимали территорию в 25 млн. акров, на которой проживало около 60 тысяч коренных жителей Америки.

Администрация Джексона всеми средствами — юридическими, военными, моральными — добивалась переселения индейцев. Об этой насильственной высылке сенатор от штата Миссури Томас Бентон говорил как о государственной необходимости; по его словам, на то была «воля божья». Сам Джексон утверждал: прогресс Америки проявляется в том, что «леса, в которых раньше обитало лишь несколько тысяч дикарей, превратились в край с цветущими фермами, городами, с их современными произведениями искусства и достижениями промышленности. Здесь проживает более 12 миллионов счастливых людей, и страна пользуется всеми благами свободы, цивилизации и религии». В 1832 году Джексона назначили комиссаром по делам индейцев военного министерства, в его обязанности входило следить за выполнением касающихся их регламентаций. Два года спустя конгресс принял закон, регулирующий торговлю и отношения с индейскими племенами и призванный обеспечить мирное разрешение конфликтов с ними. Согласно этому закону, вся территория Соединенных Штатов к западу от Миссисипи, за исключением штатов Миссури, Луизиана и территории Арканзас, объявлялась землей индейцев. Ни один белый не имел права поселяться или торговать там, не получив специального разрешения. Ответственность за выполнение этих предписаний возлагалась на американские вооруженные силы.

Но не успел закон вступить в силу, как новая волна белых поселенцев устремила на Запад, где вскоре возникли территории Висконсин и Айова. Правительство

перенесло «постоянную» границу с индейцами с реки Миссисипи на 95-й меридиан: по линии, проходящей от Лесного озера на нынешней границе между Миннесотой и Канадой на юг по тем местам, где теперь расположены штаты Миннесота и Айова, а затем по западным границам Миссури, Арканзаса, Луизианы до залива Галвестон в Техасе. Чтобы запретить индейцам пересекать 95-й меридиан с запада, а белым — по крайней мере теоретически — с востока, была возведена целая цепь военных постов. Она простиралась от форта Спеллинг на Миссисипи в штате Миннесота до фортов Аткинсон и Левенворт на Миссури, фортов Гибсон и Смит на реке Арканзас, форта Тьюсон на Красной реке и форта Джесуп в Луизиане.

На Юго-Востоке правительство приступило к заключению договоров с индейскими племенами: с чоктами штата Миссисипи об их переселении в течение трех лет, и с криками (1832 г.) о ликвидации их резервации в Алабаме. В 1833 году состоялись первые открытые аукционы по продаже земель племени чоктов. Как сообщалось, граждане штата Миссисипи были настолько благодарны Джексону за предоставленную им возможность приобрести эти земли, что они «забыли о собственных распрях по малозначительным поводам».

Администрация Джексона, выражая пожелания президента, помогла южным штатам согнать индейские племена с их земель. Министром юстиции Джексон назначил не Вильяма Вирта, чья кандидатура была более предпочтительной, а Джона Берриена, поскольку Джексон не мог положиться на Вирта в вопросе о переселении индейцев. Когда позднее Вирт стал адвокатом племени чироки, Джексон обвинил его в безнравственности. Джексон сменил одного из руководителей Управления по делам индейцев за симпатии к ним более надежным чиновником. Президент воспротивился решению Верховного суда по «делу Уорчестер — Джорджия», в котором говорилось, что власти штата Джорджия не имеют права навязывать свои законы племени чироки. Его позиция была немедленно воспринята белыми американцами как сигнал к проникновению на земли индейцев и распространению на них законодательства штата.

Индейцев сгоняли с их земель разными прямыми и косвенными способами, законным, а чаще незаконным путем, с применением силы и мирными средствами. Как правило, старались держаться в рамках законности. Федеральное законодательство большей частью признавало права племен, заключенные с ними сделки. Законодатель-

ство штатов, отвергая их, однако, рассматривало индейцев как граждан штата. Согласно федеральным законам, земельные наделы и резервации предоставлялись индейцам, желавшим обрабатывать землю и стать гражданами определенного штата, хотя переселение за Миссисипи всячески поощрялось. На это выделялись средства, и президента уполномочили вести переговоры и заключать соглашения с восточными племенами.

Широко использовались обман, взяточничество и алкоголь. Когда эти методы оказывались неэффективными или же возникали осложнения, то прибегали к силе и жестокости. Нарушение обязательств привело, например, к вооруженной схватке, в результате которой индейцев племени семиноли изгнали из Флориды. Восстание криков вспыхнуло вследствие явного мошенничества; абсолютно неоправданными стали меры, предпринятые против чироков, чоктов и чикасов, тем более что их уровень развития был высоким даже по европейским стандартам. Они вели оседлый образ жизни и применяли относительно передовые методы хозяйствования; некоторые владели чернокожими рабами. У чироков имелась письменность, они печатали Библию и другие книги на родном языке, и даже издавали еженедельную газету «Чироки феникс».

В 1831 году по пути в Новый Орлеан Токвилль столкнулся с индейцами в Мемфисе. Капитан речного пароходика вынужден был пойти на риск и плыть по реке, забитой льдами, только потому, что правительство заплатило ему за перевозку индейцев племени чоктов на запад. «Появилась,—писал француз,—большая, возглавляемая европейцем группа индейцев, стариков, женщин и детей с пожитками. Все они направлялись в столицу. Они называли себя чоктами».

«Чокты,—продолжал он,—представляли собой многочисленную народность, проживавшую на границе штатов Алабама и Джорджия. В этом году, после долгих переговоров, их наконец удалось убедить покинуть свои земли и перебраться на правый берег Миссисипи. Шесть или семь тысяч индейцев уже переправились туда; в Мемфис прибывали все новые группы. Сопровождавший их представитель американского правительства (в его обязанности входила оплата переезда индейцев на новые земли), узнав о прибытии парохода, бросился на берег... Мы еще оставались на своих местах. Нужно было погрузить изгоняемое племя со скарбом, лошадьми, собаками. Тут началось такое, что трудно было удержаться от слез. Индейцы печально подходили к берегу... Царила атмосфе-

ра агонии целой общины. Казалось, она исчезает навеки. От всего этого сжималось сердце. Индейцы были спокойны, но мрачны и безмолвны. Один из них говорил по-английски, и я спросил его, почему чокты покидают свои земли. «Чтобы стать свободными»,—ответил он. Никакой другой причины он назвать не мог. Их отправят на необжитые земли Арканзаса. Надо признать, что судьба, забросив нас в Мемфис, предоставила нам уникальную возможность наблюдать за изгнанием, можно даже сказать, кончиной, одной из самых известных и древних американских народностей...

За этим комментарием следовало интервью, которое Токвилль взял у Сэма Хьюстона, представлявшего Теннесси, а позднее—Техас. Согласно его записям, Токвилль повстречался с Хьюстоном 27 декабря 1831 года в устье реки Белой, где пароход остановился, чтобы высадить чоктов. Хьюстон направлялся в Новый Орлеан. Он рассказал о богатой истории индейцев, в частности о цивилизации чироков. По его мнению, за ними по уровню развития следуют крики, чикасы и чокты. Хьюстон надеялся, что на выделенных землях индейцы найдут себе приют и, если правительство удосужится помочь им, индейцы приобщатся к цивилизации.

Индейцев, считал Хьюстон, следует оградить от двух вещей: крепких напитков (ибо, как он сказал, «виски—это главная причина гибели коренных американцев») и христианства. «Я считаю,—сказал Хьюстон,—очень плохими намерения приобщить индейцев к цивилизации с помощью миссионеров. Христианство—это религия просвещенных и интеллектуальных людей; по своему уровню оно выше индейской цивилизации. Мне кажется, сначала надо убедить их перейти к оседлому образу жизни и обрабатывать землю. Изменившиеся условия жизни, естественно, повлекут за собой принятие христианства. Я заметил, что только католикам удалось произвести сильное впечатление на индейцев. Католицизм бьет по их чувствам и возбуждает их воображение».

Оценки Токвилля никак не назовешь радужными. Не касаясь спиртного и христианства, он писал в своей книге «Демократия в Америке»: «Под каким углом зрения ни рассматриваешь вопрос о судьбах североамериканских индейцев, непременно видишь лишь безысходность: если они останутся дикарями, их растопчет прогресс; если попробуют приобщиться к нему, то в результате контакта с более цивилизованными людьми окажутся под их гнетом, в нищете; если будут продолжать бродить по пусты-

ням, то погибнут; попытки вести оседлый образ жизни приведут к тому же».

Верным оказался пессимистический взгляд француза Токвилля, а не оптимистические рассуждения американца Сэма Хьюстона. В первую же четверть XIX века после учреждения постоянной границы индейских земель по 95-му меридиану белые колонисты постоянно нарушали ее.

Окончательное наступление на оставшихся индейцев началось в 1860 году. После подавления восстания сиуков в штате Миннесота война между индейцами и белыми в западной части Соединенных Штатов, по существу, не прекращалась. В период с 1869 по 1876 год зарегистрировано около двухсот сражений между воинскими подразделениями и индейцами. В штате Колорадо правительство передало в распоряжение поселенцев и горняков большие участки земель племени ютов; позднее индейцев загнали в резервации штата Юта. Открытие месторождений золота в Айдахо положило конец мирному существованию местных индейцев. Их вождь Джозеф после нескольких схваток со значительно превосходящими силами правительственных войск был вынужден навсегда отказаться от борьбы. Затем у Вундид-Ни произошло их массовое уничтожение. К 1890 году индейцы фактически расстались с вольной жизнью и обитали в условиях культурной изоляции.

Ныне, спустя почти 150 лет после путешествия Токвилля, в Соединенных Штатах насчитывается более миллиона индейцев. Около 650 тысяч из них живут в резервациях или неподалеку от них. Согласно переписи населения 1970 года, больше всего индейцев проживает в штатах Оклахома, Аризона, Калифорния и Нью-Мексико. Значительное количество индейцев насчитывается также в штатах Среднего Запада, Востока и Юга: например, в Северной и Южной Дакоте, Висконсине и Миннесоте, Северной Каролине, Нью-Йорке.

По всем общепринятым критериям культурного и экономического благосостояния уровень жизни индейцев Соединенных Штатов значительно ниже среднего. Нищета и безработица — вот их удел в резервациях. В 1977 году около 40 процентов трудоспособных индейцев, проживающих в резервациях, не имели работы. Многие из них даже и не пытались ее найти, так как знали, что это бесполезно. Приблизительно 35 процентов учащихся не заканчивают среднюю школу. Деторождаемость среди индейцев в два раза выше, чем в целом по стране, но в два раза больше и количество самоубийств. Также гораздо

чаще заболеваемость туберкулезом и некоторыми другими болезнями.

В отличие от прошлого индейцы теперь являются гражданами Соединенных Штатов и того штата, в котором они проживают. Они участвуют в выборах и платят налоги. Мужчины подлежат воинской повинности. Большинство детей занимаются в обычных, а не, как прежде, в специальных «индейских» школах.

Земли резерваций по-прежнему находятся под правительственной опекой, и Управление по делам индейцев сохраняет за собой большую власть. В отличие от давних времен, когда к индейцам относились (по крайней мере на бумаге) как к квазисуверенным народам, их племенные выборные органы в силу законов и судебных решений стали больше походить на правительства штатов — правда, ниже рангом — или же на правительства графств с несколько расширенными полномочиями и компетенцией.

Индейцам принадлежит около 2,2 процента земель Соединенных Штатов. Эта цифра, однако, не дает правильного представления о положении вещей, поскольку в их владении находятся большей частью самые плохие и малопродуктивные земли. С лучших земель индейцев согнали и отвели угодья в отдаленных районах, негодные для обработки и к тому же лишенные полезных ископаемых. Большинство резерваций нуждаются в субсидиях с первых же дней своего основания. В XIX веке индейцы получали «рационы», теперь они получают «излишки».

Многие надеялись, что индейцы станут в экономическом отношении независимыми, особенно при развитии земледелия. (Белые фермеры без субсидий вряд ли достигли бы этого даже на хороших землях.) Но большинство резерваций расположено вдаль от богатых сельскохозяйственных районов США. Но даже там, где их земля и годна для обработки, как, например, в некоторых частях Запада, индейцев уже лишили права на пользование водой. Поэтому земли резерваций годны только для разведения скота. К несчастью, однако, скотоводство не требует много рабочей силы. Отсюда и высокий процент безработных в большинстве резерваций. Можно провести параллель между историей выселения индейцев в США и огораживанием земель в средневековой Англии, когда крестьян прогнали с земли и передали ее под овцеводство.

В 1971 году конгресс принял закон о поселениях коренных жителей Аляски, упразднивший их права на полмиллиона квадратных миль земли. В соответствии с ним устанавливалась сложная система компенсаций за

добываемую здесь нефть, включая удовлетворение требований местных корпораций на обладание некоторыми землями.

За последние годы правам индейцев, правда, уделялось внимание. В некоторых случаях ущерб им возмещался по обычным юридическим каналам. Результаты достигались неодинаковые, но в большинстве своем, если сравнить с прошлым, они оказывались благоприятными с точки зрения некоторых требований, выдвигаемых индейцами.

В 1970 году конгресс издал закон о возвращении 48 тысяч акров земли индейцам племени таос пуэбло в штате Нью-Мехико. Еще в 1906 году правительство забрало эти земли без компенсации в целях расширения лесонасаждений. В 1972 году президент Никсон своим указом вернул 21 тысячу акров земли индейцам племени якима в штате Вашингтон, которой они не владели с 1908 года.

В 1954 году меномини в штате Висконсин стали первым племенем, подлежащим освобождению согласно положениям и целям резолюции, принятой конгрессом в предыдущем году. В ней, в частности, говорилось:

«Политика конгресса сводится к тому, чтобы как можно скорее сделать индейцев, проживающих в территориальных пределах Соединенных Штатов, объектом тех же законов и распространить на них те же привилегии и обязанности, которыми обладают другие граждане Соединенных Штатов, положить конец их статусу опекаемых и предоставить им все права и прерогативы, соответствующие американскому гражданству...»

Индейцев племени меномини в соответствии с принятым законом от апреля 1961 года изгнали из их резерваций и лишили статуса опекаемых федеральным правительством. Они, однако, получили право управлять своими делами. В то же время перестала существовать еще дюжина племен, большинство которых проживало на Западе.

Под давлением общественного мнения 22 декабря 1973 года президент Никсон подписал законопроект, восстанавливающий права индейцев племени меномини в штате Висконсин. Решения от апреля 1961 года были отменены, земли этого племени снова оказались под опекой. Были даны разъяснения относительно прав некоторых индейских племен на рыболовство, в ряде случаев с помощью судов, решены финансовые вопросы. В ограниченном масштабе возвращение земель и выделение ссуд продолжается. Совсем недавно были увеличены размеры резервации племени гавасупаев вблизи Большого каньона. Почти сто

лет назад его изгнали из этих мест, с тех пор оно ютилось на клочках заболоченной земли.

Более радикальные меры не принесли успеха, хотя они и привлекли внимание к судьбе индейцев и вызвали симпатии к ним. Так, много шума наделал захват острова Алякатрас в заливе Сан-Франциско в 1969 году. Спустя девятнадцать месяцев правительство США распорядилось удалить 15 оставшихся индейцев с этого острова. В другом случае с 14 июня по 1 июля 1971 года индейцы оставались на захваченной ими площадке для запуска ракет «Найк» в знак протеста против плохих жилищных условий.

6 июня 1971 года около сорока индейцев встали лагерем на горе Рашмор в штате Южная Дакота, требуя, чтобы федеральное правительство не нарушало одного из договоров 1868 года, согласно которому индейцы имели право на все земли этого штата к западу от Миссури. Их требования, однако, удовлетворены не были.

Наиболее энергичным проявлением индейского протеста явился захват на десять недель города Вундид-Ни в резервации неподалеку от Пайн-Ридж в Южной Дакоте. Его осуществили 27 февраля 1973 года почти 200 членов и сторонников Американского движения за права индейцев. Восставшие обвиняли администрацию в коррупции и требовали отмены так называемого закона о реорганизации, принятого еще в 1934 году. Конфликт удалось на время прекратить, не удовлетворив при этом ни одну из сторон. Организаторов этого выступления провалили на выборах вождей племени в феврале 1974 года.

Весьма успешным оказался захват здания Управления по делам индейцев в Вашингтоне группой под названием «Тропа каравана нарушенных договоров» (2—8 ноября 1972 г.). В ответ на ее требования был уволен чиновник Управления, а на вновь созданный пост в Отделе внутренних дел назначен индеец. Подверглась изменению и процедура рассмотрения возникавших конфликтов, что вселило в индейцев надежду на более благоприятное отношение к их проблемам.

В канун нового, 1974 года сорок представителей племени меномини захватили земли и постройки неподалеку от их резервации в штате Висконсин, принадлежащие римско-католическому религиозному ордену «Братья Алексия», который оказывал медицинскую помощь населению. «Братья» уступили дома индейцам, так как они пустовали с 1969 года. Но распри продолжались еще несколько лет.

В середине 70-х годов объектом рассмотрения юридиче-

скими инстанциями стали требования, выдвинутые тремя тысячами индейцев племен пассамакводдов и пенобско-тов в штате Мэн. Они настаивали на восстановлении своих прав в отношении более половины территории штата (12,5 миллиона акров) и на выплате им 25 миллиардов долл. в виде покрытия ренты, а также нанесенного ущерба. Длительная судебная тяжба с применением всевозможных юридических ухищрений не привела к положительному решению. До последнего времени ожидали достичь компромисса как по финансовым вопросам, так и относительно возвращения или передачи индейцам некоторой части государственных земель штата (в размере 750 тысяч акров). Требования, подобные этим, выдвигаются и в других штатах, в том числе в штате Массачусетс, где племя вампаноагов на мысе Код претендует на город Мэшпи и 17 тыс. акров земли. Это же племя предъявляет права на 5 тыс. акров земли на острове Мартас-Винъярд. В штате Род-Айленд племя наррагансеттов настаивает на передаче ему свыше 3 тыс. акров земли в городе Чарлстауне. В штате Коннектикут племя шагтикиков требует 1300 акров, а племя западные пекуоты — 1 тыс. акров земли. В штате Нью-Йорк племя онейда отстаивает свои права на 300 тыс. акров земли между городами Сиракузы и Атикой, а в Южной Каролине племя катоба заявляет претензии на 144 тыс. акров территории, включая город Рок-Хилл.

Некоторых из этих юридических затруднений можно было бы избежать, если бы местные чиновники удосужились ознакомиться с книгой Токвилля. Им отмечено следующее: «Существует закон, запрещающий белым покупать индейскую землю. Соединенные Штаты не признают права индейцев на отчуждение своей территории, за исключением случаев, когда они выступают как народ, а покупателем являются сами Соединенные Штаты».

Несмотря на то, что некоторые требования племен были удовлетворены, а процедура разбора дел индейцев совершенствовалась и симпатии к ним повсеместно возрастают, в деле решения так называемого «индейского вопроса» наблюдается лишь незначительный прогресс.

Подход к этой проблеме видоизменялся каждое десятилетие в течение последних тридцати лет. В 50-х годах существовала сильная тенденция снять с федерального правительства обязательства по опеке и предоставить индейцам полное гражданство США. Эта политика привела к передаче значительных участков земли и распространению гражданского и уголовного законодательства некоторых штатов на индейцев. Закон, запрещающий продажу

индейцам спиртных напитков, был отменен, и в каждой резервации устанавливались свои порядки. Отдел охраны здоровья Управления по делам индейцев в 1955 году передан в ведение службы здравоохранения США.

Защитники и сторонники индейцев получили поддержку. В конце 50-х годов Оливер Лафарг, например, писал: «Прогресс поистине велик, но и неадекватен запросам. Расу нельзя переделать за 25 лет, как бы ни убеждали в такой возможности теоретики. Требуется время, более жизни одного поколения, чтобы совершить скачок от дома, где никто не говорил по-английски и белого человека почти никогда не видели, где уровень мышления был таким, как триста лет назад, к полному пониманию нашего чуждого индейцам и сложного для них образа жизни. Если индейцы, самоотверженно сражаясь за «великое урегулирование», потеряют последние остатки своих земель, чего они и опасаются, то их борьба станет безнадежной. Обязанность правительства — дать индейцам возможность пользоваться тем, что у них есть, и предоставить им естественное право выбора, а не ставить их перед безысходной альтернативой: мигрировать или умирать с голоду».

Управление по делам индейцев разрекламировало 60-е годы как «новое направление», «новую тропу» к «равным гражданским правам и благам, максимальной экономической независимости и участию в американской жизни». Должен был произойти сдвиг от федеральной опеки, отвергнутой в 50-х годах, к новым концепциям помощи индейцам. Она обязана была распространиться на улучшение жилищных условий, образования и медицинского обслуживания индейцев, на борьбу с нищетой и безработицей.

Однако в 70-х годах по-прежнему наблюдались как выступления индейцев, так и озабоченность их тяжелым положением, несмотря на некоторое его улучшение. Сложившаяся обстановка в известной степени подтверждала слова Генри Нокса, специалиста по вопросам федеральной политики в отношении индейцев в правительстве Джорджа Вашингтона: «Приобщение индейцев к цивилизации оказалось бы делом сложным и трудным; оно, несомненно, потребует глубокого знания человеческого характера и настойчивого следования мудрой политике в течение ряда лет».

В историческом плане нарушение прав индейцев в XIX веке оправдывается нехваткой времени: Америка росла и расширялась так быстро, что никто не мог выработать

рациональный и справедливый подход к решению «индейского вопроса».

Френсис Паркман, образованный житель Новой Англии, соблазнившись возможностью пережить превратности судьбы на «орегонской тропе» и охваченный страстным желанием изучить индейцев и их образ жизни, в символических строках выразил великую правду о своих соотечественниках-американцах. Однажды, охотясь, он пристрелил антилопу. «Когда я стоял возле нее, антилопа посмотрела на меня своим угасающим глазом. Она была подобна прекрасной женщине, печальной и лучезарной. Хорошо, что я спешу, подумал я, будь у меня время, меня замучила бы совесть».

Один из авторов писал: «В американской истории нет более мрачной страницы, чем та, на которой описана судьба индейцев. Но и она, когда читаешь ее в контексте времени, если и не становится светлее, то по крайней мере отражает понимание трагической проблемы». Вернар де Вото, чьи работы по истории исполнены поэтической пронизательности, описывая индейцев и их последние земельные владения на просторах «по ту сторону могучей Миссури», подчеркивает следующее: «Может быть, индейцы и смогли бы приспособиться к порядкам XIX века и сумели бы сохранить самобытность в изменившемся мире, если бы у них было время».

Ныне дело не только во времени и лишь частично — в пространстве. Главное — это непонимание проблемы, неуверенность в ее разрешении как среди индейцев, так и тех, кто выступает от имени американской цивилизации. Расширяются познания об индейской культуре и истории, осознается, насколько значительно они отличаются от того, что принято считать американским идеалом и нормой*. Согласно давней индейской традиции, важно укреплять большие семьи, племенную солидарность, общинную собственность, принимать только единодушные решения, сохранять уважение к старшим в роду. По канонам же общепринятой американской жизни делается упор на маленькую, изолированную семью, на личные усилия и собственность, на жестокую конкуренцию между индивидами, на выполнение решений, принятых большинством голосов.

* Здесь налицо известное смещение акцентов при рассмотрении «проблемы индейцев» как коренных американцев. Не «они отличаются от идеала и норм». Сама цивилизация в США с ее бездушием к бесправным соотечественникам не в силах предложить альтернативу трагической судьбе индейцев.

Теперь признается, что существуют и всегда существовали большие различия между культурами различных племен. Согласно проведенным исследованиям, в пору первых контактов между европейцами и американскими индейцами культура и язык индейцев больше отличались между собой, чем те, какими обладали европейцы. Подтверждено, что в 60-х годах нынешнего столетия еще сохранилось около пятидесяти различных индейских языков, на которых говорят в Америке. Многие краснокожие говорят о себе прежде всего как о представителях племени, например суок или чироки, а потом уже как об индейцах в смысле широкой расовой и культурной категории.

Христианские религиозные секты пересматривают свою миссионерскую роль по отношению к индейцам. Типичны в этом плане выводы католической конференции в штате Миннесота (1975 г.): «Новые начинания требуют нашего честного взгляда на прошлое. Мы понимаем и признаем, что наши дела, хотя и свершались во имя доброй веры, иногда оказывали индейцам плохую службу». Признавалось, что индейская религия «требует оценки», поддерживались различные «культурные общины» и прямо говорилось, что прежде всего «индейцы имеют право быть индейцами».

Решить эту проблему, даже частично, нелегко. Сами индейцы точно не знают, что следует предпринять. Наиболее пожилые из них, проживающие в резервациях, часто выступают за сохранение статус-кво. Не только потому, что они привыкли к нему, но и потому, что в прошлом они были свидетелями провала всяческих реформ. Некоторые индейцы отдают предпочтение развитию промышленности в резервациях, другие выступают против этого, особенно если сами они будут лишены контроля над ними. Иные индейские лидеры выступают за возрождение и сохранение лингвистических и религиозных традиций, песенного фольклора. Другие согласны на компромисс: утверждать основные индейские традиции, делать все сообща и по общему согласию и в то же время пользоваться благами американской техники и цивилизации.

Есть время, и есть больше пространства для индейцев, чем мы привыкли считать. В Америке найдется место и для различий в культуре, конечно, в той ограниченной степени, в какой этого добиваются индейские племена страны.

ГЛАВА II.

Черные американцы: большие беды

В Америке Токвилль не просто наблюдал явления, а пытался объяснить их. Его мало интересовали возникновение и укоренившиеся порядки рабовладения. Но, установив факт его существования, Токвилль предпринял попытки оценить влияние рабства на демократию и даже предсказать будущие осложнения. Однако эти замечания были сделаны мимоходом, поскольку он считал рабство явлением чуждым демократическому обществу, противоречием, которое бы не могло иметь места в условиях европейской демократии.

В дневниках Токвилля сравнительно мало его собственных наблюдений о рабстве. Большую часть записей составляют высказывания белых американцев, принадлежащих к средним и высшим слоям. Тем не менее по заметкам Токвилля можно судить о его личном отношении к рабству. Он сочувствовал невольникам, наблюдая за их работой, но, похоже, ограничивался обсуждением рабства с плантаторами и другими белыми, желавшими высказать свое мнение. Нет ни одного упоминания о личных беседах с самими рабами. Создается впечатление, что его прежде всего интересовало влияние рабства на жизнь белого населения и на политическое будущее страны.

Дневники содержат интересные высказывания по экономике рабства. Некоторые американцы считали, что, как правило, рабский труд обходится дороже, чем свободный. Другие указывали, что пшеницу экономичнее выращивать с помощью свободного труда, а табачные плантаторы могли получить экономическую выгоду, применяя рабский труд, поскольку можно было использовать женщин и детей.

В дневниках есть также сведения об узаконенной и существовавшей де-факто дискриминации по отношению к свободным неграм на Севере. Токвиллю рассказывали, что черные в Филадельфии юридически имели право принимать участие в выборах, но опасались прибегать к нему из-за возможных неприятностей. Один житель Филадельфии

дельфии пояснил: «Закон у нас ничто, если его не поддерживает общественное мнение». Токвилль отметил, что и тюрьмы, и кладбища в Филадельфии были сегрегированы.

В Огайо и Мэриленде Токвиллю рассказали, что дискриминация по отношению к свободным неграм была явно преднамеренной. Так, он цитировал молодого адвоката из Огайо: «Мы стараемся препятствовать им (черным) любыми средствами. Мы не только законы издали, позволяющие изгонять, но и дискриминировать их всевозможными способами. Негр не имеет политических прав; он не может быть присяжным заседателем, давать показания против белых...» А адвокат из Мэриленда, где свободные черные уже столкнулись лицом к лицу с дискриминацией, сказал: «Я очень боюсь, что новый законодательный орган может принять несправедливые и жестокие законы против черных. Люди хотят сделать их дальнейшее пребывание в Мэриленде невозможным. Не следует закрывать на это глаза. Между белыми и черными идет настоящая война. Они никогда не будут жить вместе. Одни из них должны уступить...»

Несмотря на то что восстание рабов под предводительством Ната Тернера* произошло незадолго до путешествия Токвилля, он совсем не упоминает о нем в своих дневниках, хотя оно вполне могло сохраниться в памяти жителей Кентукки и Мэриленда, с которыми ему приходилось беседовать. Токвиллю рассказали, что в последние годы отношение к рабству в Кентукки в корне изменилось. По-видимому, многие американцы, с которыми встречался Токвилль, полагали: эта проблема не может быть решена на разумной основе, белые и черные не смогут жить в мире и либо одни, либо другие станут господствовать. Приводилось высказывание жителя Кентукки: «Мы не знаем, что делать с рабами. Наши отцы причинили нам огромный вред, поселив их среди нас».

На основании своих собственных беглых наблюдений и высказываний тех, с кем обсуждалось рабство, Токвилль в своей книге «Демократия в Америке» сделал далеко идущие и в некоторых случаях пророческие выводы, сформулированные в категорической форме. В ней есть такие слова: «Негр едва ли осознает свою беду». Он писал

* Рожденный рабом Нат Тернер (1800—1831) возглавил восстание негров в Вирджинии в 1831 году, направленное против рабства и бесчеловечной эксплуатации невольников расистскими плантаторами. Казнь руководителей восставших вызвала волну террора против рабов.

также о деградации рабов в результате тяжелого положения, об отчаянии, если не отворачивении к самим себе и негодовании среди них. «С рождения,—писал он,—ему (рабу) внушают, что его раса по природе своей ниже расы белых, и, почти веря этому, черный презирает себя. Он ощущает последствия рабства на своей шкуре и, если бы мог, охотно отрекся бы от себя».

Токвилль заметил, что, в то время как материальные условия жизни рабов улучшались, южане, «если так можно выразиться, возводили в культ деспотизм и насилие. В древности люди пытались не дать рабу освободиться от оков, теперь предпринимаются попытки отбить у него само желание сделать это». Действительно, частичным результатом обращения рабов в христианство было превращение их —умышленно или нет— в более покорных и готовых смириться со своей судьбой людей.

По поводу дискриминации Токвилль писал, что, в то время как юридически различия между белыми и черными в некоторых местах США стирались, предрассудки оставались прочными. Он объяснял это тем, что в отличие от древнего рабства, при котором раб обычно относился к той же расе, что и рабовладелец, в Америке раб принадлежал к другой расе. К тому же наличие у него обычных человеческих качеств едва признавалось. На Юге, заметил он, законы против черных были жестокими, но «обычаи более терпимыми и мягкими». Там одержимость идеей сегрегации менее выражена и наблюдается смешение рас. «На Юге,—писал он,—рабовладелец не опасается поднять раба до своего уровня, так как он знает, что, если захочет, в любой момент может втоптать его в грязь».

В свободных штатах, как обнаружилось, расовые противоречия оказались даже сильнее. Там черные являлись объектом незаконной и существовавшей де-факто дискриминации. У них не было земли. Их труд являлся самым низкооплачиваемым и тяжелым. Если они и имели юридические и гражданские права, то боялись их использовать, и сегрегация распространялась даже на кладбища. Токвилль предсказал, что белое население свободных штатов будет продолжать расти, а черные «останутся всего лишь несчастными изгоями, бедным маленьким кочующим племенем, затерявшимся среди огромной нации, владеющей землей; ничто, кроме несправедливостей и невзгод, которым они подвергаются, не привлечет внимания к их существованию».

Токвилль обнаружил, что в северных штатах рабовладение сдавало свои позиции, указывая, что в Мэриленде оно

уже было на грани отмены и даже в Вирджинии проблема рабства стала предметом обсуждения. Но он высказал предположение, что отмена рабства на Севере заставила бы рабовладельцев отправить своих рабов на Юг. В результате этого рабы Севера не обрели бы свободу; они попросту стали бы рабами-южанами.

В целом он не видел путей разрешения проблемы рабства. Токвилль считал, что если бы Юг отменил рабство, то это имело бы неблагоприятные последствия, которые затронули бы большое число черных. (В 1830 году на Юге насчитывалось без малого 2 млн. рабов.) Опираясь на собственные наблюдения, он отметил также, что отмена рабства усилила бы неприязнь белых южан к черным.

В случае ликвидации рабства, которая ему казалась все-таки неизбежной, он представлял себе только две возможности: «Негры и белые либо должны слиться воедино, либо им надо разделиться». Он считал войну вполне возможной и высказывал предположение, что «если Союз еще продержится, то черные потерпят поражение от превосходящих сил белых. Но если война начнется после распада Союза, то белые могут быть изгнаны с Юга. Во владение неграм достанется страна, которую Провидение, вероятно, предназначало для них. Они не ощущают трудностей проживания там и справляются с обработкой земли намного лучше, чем белые». Хотя Токвилль и не соглашался с мнением, что белые не могут работать на Крайнем Юге, он допускал, что им там будет труднее, чем в Новой Англии.

Токвилль выражал сомнение в успешности обсуждавшегося тогда плана вывезти черных американцев в Либерию и считал, что невозможно организовать вывоз всех чернокожих вследствие роста их численности*. Он предсказал, что «негроидная раса никогда больше не покинет американский континент, куда ее привели страсти и пороки Европы; она не покинет Новый Свет, разве что прекратит свое существование».

Он предвидел исчезновение рабства: «Либо раб, либо рабовладелец положат этому конец. В любом случае следует ожидать больших бед».

Токвилль был очень близок к правде в большей части своих суждений о рабстве; так, он соглашался с тем, что

* Авторы этого плана преследовали также цель изолировать взрывоопасные массы негритянского происхождения ради «умиротворения» страны. установления «социальной гармонии», что также оказалось неосуществимым на практике.

рабство экономически невыгодно — это, похоже, являлось общим мнением всех, с кем он беседовал; далее, обнаружил, что некоторые районы страны добивались больших успехов, имея немного рабов. Это явление, отмечал он, сохранялось по мере продвижения на запад. Особенно разительным оказалось сравнение Огайо с соседним Кентукки, где имелось больше рабов, а труд считался унижительным.

Вопрос о рентабельности рабства в 30-х годах прошлого века вызвал многочисленные споры среди экономистов. Некоторые из разногласий относились к определению реальных затрат на содержание рабов, что осложнялось отсутствием документов и фактических данных. Многие, если не большинство историков, придерживались того взгляда, что рабство не было рентабельным.

Токвилль или же те, с кем он беседовал, по-видимому, недооценивали темпы рабского труда, преувеличивали стоимость содержания молодых и старых рабов, не принимая во внимание, что более пожилые из них часто продолжали работать и что вообще на плантациях для рабов имелось более чем достаточно работы в течение всего года. Можно было выручить деньги также от продажи рабов, что становилось возможным вследствие естественного прироста рабского населения, от сдачи рабов в аренду или же посредничества во внутренней работорговле.

Похоже, что Токвилль преувеличивал долю белых рабовладельцев по отношению к белым, не имевшим рабов. В его дневниках отмечено: «Во время путешествий по Кентукки и Теннесси мы видели, что почти все фермеры, даже самые бедные, имели рабов». А в книге «Демократия в Америке», сопоставляя Огайо и Кентукки, он отметил, что «на левом берегу (реки Кентукки) нельзя найти белых рабочих, поскольку они боялись походить на невольников; в работе люди должны полагаться на рабов...» В другом месте он писал: «На Юге даже самые бедные семьи имели рабов». Это ошибочное представление, возможно, связано с маршрутом его путешествия по Югу, ибо он, по-видимому, не посетил те места, где жили белые фермеры и ремесленники, не имевшие рабов.

Статистика 30-х годов прошлого столетия скудна, но к 1860 году, как сообщает Стамп, на Юге на 1 млн. 516 тыс. семей приходилось лишь 385 тыс. рабовладельцев. Токвилль отмечает, что пропорции сильно варьировались в различных частях Юга. Например, треть семей Луизианы имела рабов, в то время как в Кентукки и Теннесси —

лишь четверть семей. В 1830 году в США насчитывалось примерно 2,3 млн. негров, что составляло около 18 процентов населения. Из них, согласно «Исторической статистике Соединенных Штатов», в южных штатах проживал 181 501 свободный черный—больше их общего числа на Севере (166 757). Социолог Фрэнклин Фрэйер заключил в результате исследований, что свободные черные Юга находились в лучшем экономическом положении, чем освободившиеся черные Севера, которым приходилось конкурировать с иммигрантами из Европы. Различия, вероятно, были невелики. Несмотря на то что некоторые черные на Юге разбогатели, согласно мнению Фрэйера, уровень жизни большинства из них приближался к минимуму.

Некоторые черные на Севере даже имели кое-какую собственность. Джон Хоуп Фрэнклин отмечает, что в 1800 году свободным черным в Филадельфии принадлежала почти сотня домов и земельных участков, а в 1837 году в Нью-Йорке они владели подлежащей обложению недвижимостью на сумму 1 млн. 400 тыс. долл.

Токвилль, вероятно, не заметил зачатков движения за отмену рабства, хотя их можно было наблюдать во время его путешествия. В 1829 году свободный негр по имени Давид Уолкер опубликовал воинственный памфлет против рабства. К 1830 году на Севере существовало много антирабовладельческих групп, в том же году состоялся съезд негров в Филадельфии, на котором присутствовали делегаты пяти штатов. Во время визита французского юриста было опубликовано несколько документов об отмене рабства, среди них известный «Либереитор» Уильяма Гаррисона*.

Такова общая обстановка, о которой свидетельствовал Токвилль, а его записи, даже спустя сто с лишним лет, остаются наиболее точной характеристикой расовых отношений как на Севере, так и на Юге. Он писал: «Почти во всех штатах, где рабство отменено, неграм были предоставлены избирательные права, но они могли бы принять участие в голосовании только с риском для жизни. В случае притеснений они могут возбудить судебное дело, но судьи—только белые. Действительно, законы позволяют им быть избранными присяжными заседателями, но пред-
рассудки лишают их этой возможности. Негритянский

* Имеется в виду весьма популярный журнал «Освободитель». Принципиальная позиция этого издания под влиянием его редактора-издателя У. Л. Гаррисона сводилась к решительному аболиционизму—отмене рабства как позорного института Америки. Идеям «Освободителя» был подвержен президент А. Линкольн.

ребенок не допускается в школу, которая предназначена для детей выходцев из Европы. В театрах негр не может даже за соответствующую плату сидеть рядом со своим прежним хозяином; в больницах он помещается отдельно. Ему позволено поклоняться тем же богам, что и белому, но он не имеет права молиться у того же алтаря. Для него существуют особые священники и церкви. Врата рая не закрыты перед ним, но неравенство прекращается лишь у самого входа в мир иной. Когда негр умирает, его останки выбрасывают, и неравноправие сказывается даже после смерти, перед которой все равны».

Все это очень точно отражает отношение к представителям черной расы на Юге и в значительной степени на Севере в 40-х годах нашего столетия, когда возникло движение за расовое равенство. Как же обстоят дела сегодня? Черное население, которое к 1830 году составляло 2,3 миллиона человек, около 18 процентов всего населения США, выросло (в абсолютном размере) до 25 миллионов человек. Но доля черных среди всего населения уменьшилась до 12 процентов. Если в 1831 году почти все черное население проживало в южных штатах, то ныне оно разделено между Севером и Югом примерно поровну.

Токвилль не мог предвидеть массовую миграцию черных с Юга на Север, которая началась в XX веке, преимущественно после 1940 года. В то время 77 процентов черных американцев жили на Юге. Но уже к 1975 году там их оставалось 52 процента; 39 процентов находилось в северных штатах, а 9 процентов — на Западе.

Французский исследователь, вероятно, не мог предположить ничего подобного движению за равные гражданские права, развернувшемуся в течение трех последних десятилетий. Успех этого движения, как мне представляется, окажет существенное влияние на проблему, которую Токвилль считал наиболее сложной из всех, с какими сталкивается Америка,—а именно на проблему расовых различий.

Положение черных в американском обществе существенно улучшилось за последние годы*. Наиболее явные

* Как показала практика, вопреки авторскому мнению сама действительность менее радужна. Движение за гражданское равноправие чернокожего населения, особенно активное в период администрации Д. Кеннеди, фактически не принесло успеха. Реформистские мероприятия в условиях расизма не могли привести к коренным переменам в области межрасовых отношений. Лишь наиболее одиозные проявления дискриминации были несколько смягчены.

и унижительные проявления дискриминации почти исчезли. Дискриминация в общественных местах запрещена законодательством. Сегрегация в школах также объявлена незаконной, хотя процесс ликвидации этого вида неравноправия на деле остается незавершенным. Равные права перед законом являются для черных, как и вообще для бедных, скорее мечтой, нежели реальностью. Тем не менее в отдельных, получивших широкую огласку случаях заметен прогресс.

Наиболее часто отмечается усиление политического влияния негров в общественной жизни. Кандидаты от черных были избраны (и в некоторых случаях переизбраны) мэрами крупных городов: Кливленда (Огайо), Гэри (Индиана), Ньюарка (Нью-Джерси), Лос-Анджелеса (Калифорния), Атланты (Джорджия), Нового Орлеана (Луизиана).

Имеются черные, представляющие как северные, так и южные избирательные округа в конгрессе Соединенных Штатов. И именно на Юге, вслед за невиданным ростом числа зарегистрированных черных избирателей, в последние годы их представители были избраны в местные органы власти. В 1960 году, еще до утверждения закона об избирательных правах, проголосовало 29 процентов черных южан, достигших соответствующего возраста, а в 1976 году — уже 63 процента.

Как установлено, в стране насчитывается более 4 тыс. черных выборных должностных лиц — членов муниципальных советов, муниципалитетов, законодательных органов штатов и т. п. Это составляет менее одного процента выборных должностей в стране, но отражает значительные изменения по сравнению с положением черных граждан десять — двадцать лет назад.

Некоторый прогресс произошел в деле ослабления дискриминации в сфере обеспечения работой. Черные рабочие допускаются в наиболее сплоченные и независимые профсоюзы строителей. Правительство и компании предоставили черным более широкие возможности в выборе работы. Но все же до сих пор черные в Америке в большинстве своем остаются бедными. В 1976 году в Америке средний доход белой семьи превышал 15 тыс. долл., а черной — несколько более 9 тыс. долл. — примерно на 6 тыс. долл. в год меньше. В 1976 году около 25 миллионов американцев, из них 8 миллионов цветных, не располагали прожиточным минимумом. Доля белых, доход которых был ниже прожиточного минимума, составляла около 9 процентов против 18 процентов в 1959 году, в то

время как соответствующая доля цветных — около 29 против 56 процентов в 1959 году.

Безработица, будучи со времен второй мировой войны серьезной проблемой для многих американцев, намного сильнее сказывается на черных, чем на белых. В то время как общий уровень безработицы в октябре 1977 года составлял 7 процентов, среди черных он был почти вдвое больше, а уровень безработицы среди молодых негров-рабочих достигал 37,9 против 14,8 процента для молодых рабочих-белых.

Молодые негры остаются жертвами сложившейся в Америке практики, когда первыми подлежат увольнению рабочие, принятые на работу последними. Многие трудности черного населения Америки распространены также на беднейшую часть белого населения и бедняков других рас. Но стоящие перед черными проблемы представляются наиболее серьезными вследствие их многочисленности и в силу исторически сложившихся факторов. Как и предполагал Токвилль, расизм продолжает оставаться самой трудноразрешимой задачей в жизни Америки.

Чаще всего улучшения в судьбе расовых меньшинств становились скорее результатом «позитивных действий» (под ними подразумеваются успешные акции, закрепленные законодательными актами, судебными постановлениями, а подчас достигнутые благодаря исключительным усилиям отдельных лиц или групп людей), нежели повседневной деятельности культурных и общественных организаций. Как правило, в этих «действиях» участвует ограниченное количество представителей меньшинств, которые выбираются или назначаются по мере необходимости, обучаются и проходят определенную подготовку. В некоторых случаях в соответствии с квотой они используются непосредственно на государственной службе на федеральном или на местном уровнях.

Общеизвестно, что до сих пор социальная иерархия подвержена расовым предрассудкам. В то время как в муниципальных домах проживает больший процент представителей меньшинств, чем в целом по стране, в пригородах и местах проживания граждан среднего достатка эта категория представлена слабо. Причины этого отчасти экономические, а нередко и расовые. Сегрегированные жилые массивы и районы вопреки закону о десегрегации, несомненно, останутся характерной чертой американских городов. Притом до тех пор, пока не будет осуществлена экономическая интеграция и, как следствие, уменьшится разница в доходах представителей рас Америки.

Помимо установленных законом свободы выбора местожительства, квот для рабочих и других программ, осуществляется доставка учащихся на автобусах в школы. Это мероприятие предназначено для более полного представительства расовых меньшинств, сбалансированности в школах и повышения уровня обучения. Пока еще нет убедительного свидетельства того, что это эффективное средство перехода к более интегрированному обществу. Предполагалось, что бесплатные средние школы приведут к исчезновению таких антидемократических явлений в американском обществе, как религиозные предрассудки и основанная на разнице в доходах дискриминация. Расовая интеграция в школах — это третий элемент. Не следует ожидать легкого или быстрого разрешения этой проблемы. В своем большинстве вовлеченные в нее дети после занятий в школе возвращаются к сегрегированной действительности. До тех пор пока не произойдут изменения в экономической системе Америки, меньшинства будут нести на себе постоянное бремя нищеты, безработицы и сегрегированного, низкооплачиваемого труда, вызванное экономическими причинами.

Существует и официально признанная проблема так называемой «обратной дискриминации», с которой повсюду в стране сталкиваются все чаще. Конечно, использование квот по признаку расы при регулировании занятости или при зачислении в школы противоречит американскому принципу равных конкурентных возможностей для всех. Он оказывается под вопросом, само наличие квот противоречит ему. Как ни пытаются защищать квоты соображениями об общем благе и фактами повсеместной дискриминации расовых меньшинств, они совершенно не соответствуют концепции личных прав человека.

Поскольку учитывающие физиологические характеристики моменты находят все более широкое применение на производстве, возможно введение дополнительного возрастного ценза, хотя это и противоречит закону о трудовом стаже. Имели место решения суда о восстановлении на работе лиц, освобожденных по сокращению штатов, когда было доказано, что увольнение являлось актом дискриминации по признаку расы или пола или же что стаж у сокращенного оказывался более продолжительным по сравнению с другими работниками*.

* В сфере трудовых отношений и особенно применительно к цветным трудящимся, в первую очередь — к черным гражданам, в действительности в американских условиях наблюдается бесконтрольный произвол. Базой ему служат расизм и шовинизм «чистопородных» янки.

Члены профсоюза осознают эту угрозу положению о трудовом стаже, которое является одним из наиболее рьяно охраняемых ими прав рабочих. Профсоюзные органы печати предупреждают об опасности, возникающей по отношению к этому важнейшему завоеванию профессиональных союзов.

Трудовой стаж — одна из тех областей, в которые законодатели опасаются вмешиваться. Бремя принятия решений, как было в случае с дискриминационными законами о голосовании черных избирателей и доставкой школьников, возложено на суды. Это подтверждает высказывание Токвилля о том, что юрисдикции американских судов подлежит любой вопрос, сохраняющий для общества жизненную важность.

ГЛАВА III

**Заклученные:
никто не думает
об их перевоспитании**

Официально Токвилля и Бомона освободили от исполнения судейских обязанностей у себя во Франции в целях ознакомления с организацией тюремного дела в Америке. Поэтому уже 29 мая 1831 года, спустя примерно две недели после приезда в Нью-Йорк, они отправились в Маунт-Плезант, чтобы посетить тюрьму Синг-Синг.

В тот период идея о проведении реформы в американских тюрьмах уже не являлась новой. Усилия в этом направлении предпринимались еще в колониальный период, особую активность проявили квакеры. После же революции попытки перестройки тюремной системы получили еще большее распространение и привлекли внимание в европейских странах.

В колониальный период тюремное заключение по большей части не представляло собой наказания за уголовное преступление. Лица, обвинявшиеся в нарушении закона, содержались в тюрьмах, а они мало отличались от обычных домов. Охрана не была строгой. Заклученными оказывались главным образом люди, ожидающие судебного разбирательства и вынесения приговора, либо несостоятельные должники. К привлекавшемуся к наказанию применяли весьма суровые меры физического воздействия. На правонарушителей надевали колодки, их привязывали к позорному столбу, били кнутом, в некоторых случаях выжигали клеймо или наносили иные увечья. Смертная казнь широко применялась как мера наказания за тяжкие преступления, а также и за менее серьезные, если они совершались неоднократно. Жестокие приговоры обычно приводились в исполнение быстро, и приговоренные долго в тюрьме не содержались. В колониальную эпоху многие города изгоняли правонарушителей, если они не являлись их жителями.

Квакеры, из-за своих религиозных убеждений издавна являвшиеся противниками суровых наказаний по примеру английской практики в колониальный период, одни из первых выступили за проведение тюремной реформы

после провозглашения независимости Америки в 1776 году. В 1790 году они построили первый «исправительный дом» (даже само это слово было тогда в новинку) на территории старой тюрьмы в Филадельфии. Это здание предназначалось для исправления заключенных в соответствии с требованиями христианства, а не для их наказания или физической расправы. Суть дела заключалась в изоляции, поскольку предполагалось, что в одиночестве правонарушитель сможет переосмыслить свою жизнь, раскаяться и, быть может, исправиться. Полагали также, будто в процессе созерцательного самоисправления преступник будет, таким образом, защищен от дурного влияния других заключенных, не вступивших на путь раскаяния и очищения. Успех оказался незначительным. Ожидаемого исправления преступника, как правило, не происходило.

К моменту приезда Токвилля, помимо этого эксперимента в Филадельфии, возникли и другие идеи о перестройке тюремной системы. Впечатления Токвилля нашли отражение в трех книгах: «Демократия в Америке», «Путешествие в Америку» (его записные книжки), а также в специальном отчете, подготовленном совместно с Бомоном под названием «Об исправительной системе в Соединенных Штатах и возможности ее применения во Франции».

В своей основной и наиболее известной работе «Демократия в Америке» Токвилль уделил мало внимания самим тюрьмам — вполне возможно потому, что эта тема обстоятельно освещена в специальном отчете. Тем не менее в этой книге содержатся его наблюдения, высказанные в более непринужденной форме, чем в отчете о тюрьмах, и заслуживающие специального упоминания.

«Я сомневаюсь, что на свете существует еще какая-нибудь страна, где преступление столь редко оставалось бы безнаказанным», — писал он. Он объяснял это заинтересованностью общества в том, чтобы найти и арестовать любого, кто совершил преступление. (У нас до сих пор сохранился обычай гражданского ареста, хотя это сопряжено со значительным риском и практикуется нечасто.) «В Европе преступник — это незадачливый человек, борющийся за спасение своей головы от наказания со стороны властей, — писал Токвилль, — в известном смысле население выступает в роли обыкновенных зрителей, наблюдающих за ходом этой борьбы. В Америке преступник — враг рода человеческого, и здесь все против него».

Обычай, по которому сами граждане занимаются отправление правосудия, имеет в Соединенных Штатах

давнюю традицию. Токвилль обратил внимание на деятельность добровольных вооруженных отрядов по поддержанию общественного порядка и борьбе с преступностью, на использование дуэлей для урегулирования конфликтов, особенно в новых штатах Юго-Запада — Теннесси, Алабама, Миссисипи и Луизиана. Вооруженное ополчение шерифа и ку-клукс-клан явили собой одну из форм этой традиции. По мнению Токвилля, американцы имеют склонность отстаивать ограниченные и краткосрочные интересы, принимать отдельную удачу за полный успех и считать, что нет нужды стремиться еще к чему-либо. Здесь одна ласточка может сделать весну. Он сообщал, что стремление к проведению тюремной реформы приобрело широкое распространение и нашло свое отражение в строительстве новых тюрем и в попытках не столько наказывать заключенных, сколько добиваться их исправления. Но эти реформы нельзя было осуществить повсеместно и незамедлительно, и он отметил, что общественность стала постепенно забывать о факте существования старых тюрем, где условия, «видимо, становились все более тяжелыми и развращающими. В новых же тюрьмах воцарялась все более здоровая обстановка, и в ходе реформ они все больше совершенствовались... Но рядом с какой-нибудь тюрьмой, возвышающейся как долговечный памятник доброте и просвещенности нашей эпохи, продолжала существовать подземная темница, заставляющая вспомнить о варварских нравах средневековья».

Трактат «Об исправительной системе в Соединенных Штатах и возможности ее применения во Франции» представлял собой отчет, основанный на обстоятельном знакомстве с тюрьмами Синг-Синг, Оберн, Черри-Хилл и Уэтерсфилд, как и на беседах с тюремными чинами и надзирателями, заключенными и т. д., на впечатлениях от посещения некоторых более старых американских тюрем. Хотя, по-видимому, основную часть этого объемистого отчета написал Бомон, Токвилль сделал к нему примечания и комментарии, и он опубликован под двумя именами.

Нельзя сказать, что два молодых француза были людьми сердобольными и что их отношение к нарушителям закона отличалось снисходительностью. Они не смотрели на преступников как на жертвы общества либо же просто как на несчастных людей или людей, которым в чем-то не повезло. Судя по реакции Токвилля (а в Филадельфии ему заявили, будто «почти все преступления в Америке — следствие неумеренного потребления крепких спиртных напитков, которые столь дешевы, что низы общества

имеют возможность поглощать их в любых количествах»), авторов отчета не могли удовлетворить примитивные объяснения причин преступности. «Как же так получилось,—недоумевал Токвиль,—что у вас не установлен налог на спиртное?» Последовал такой ответ: «Наши законодатели часто об этом думали, но это сложное дело. Существует даже опасность мятежа из-за этого, а те, кто проголосовал бы за такой закон, наверняка не были бы переизбраны». «Таким образом, у вас пьяницы составляют большинство, и умеренность у вас не в почете»,—заметил Токвиль. Положение оставалось неизменным до принятия сухого закона.

Преступники, полагали Токвиль и Бомон, заслуживают наказания, даже сурового. Исходя из этого, они излагали свои впечатления об американских тюрьмах и применявшихся там мерах наказания, а также об отношении к ним общественности. Подавляющая часть их отчета была посвящена именно новой системе исправительных учреждений, а не прежним тюрьмам, существовавшим в большинстве американских штатов. Важно, однако, отметить, что они не обошли вниманием и старые тюремные заведения. По сообщению Токвиля и Бомона, в девяти штатах была принята новая система, причем в большинстве случаев в качестве образца используется система, существующая в тюрьме Оберн, а в остальных пятнадцати штатах все еще применяются давние принципы. В них тюремные помещения переполнены и положение является совершенно ненормальным. Совершившие преступления различной степени тяжести, заключенные разного возраста, а иногда и противоположного пола содержатся вместе. Ожидающие суда и осужденные, свидетели и обвиняемые, уголовные преступники и несостоятельные должники—все перемешано. В старых тюрьмах, сообщали они, отсутствует дисциплина; в них от заключенных не требуют соблюдения порядка, не заставляют работать. Из этих тюрем часто бегут, многие заключенные здесь же гибнут.

В штате Огайо, сообщали они, существует хороший уголовный кодекс, но порядки в тюрьмах совершенно дикие. Авторы отчета обнаружили, что в Цинциннати половина заключенных содержится в кандалах. А в Новом Орлеане их держат вместе со свиньями. «Отправляя преступников в заключение, заботятся не о том, чтобы сделать их лучше, а лишь о том, чтобы обуздать их злонамеренность; для этого сажают на цепь, словно диких зверей, и вместо того, чтобы исправлять преступников, ожесточают».

Токвилль и Бомон сообщали также о составе содержащихся в тюрьмах лиц. По их данным, среди общего их числа в тюрьмах Коннектикута, Массачусетса, Нью-Йорка, Пенсильвании и Мэриленда примерно 24 процента приходится на негров, причем доля их тем выше, чем южнее штат, и в Мэриленде она превышает 50 процентов. Среди общего количества заключенных в тюрьмах Коннектикута, Нью-Йорка, Пенсильвании и Мэриленда женщины составляли менее 9 процентов. За исключением тюрьмы Уэтерсфилд в Коннектикуте, меры новой исправительной системы к женщинам не применялись, но их, как правило, не разрешалось подвергать телесным наказаниям.

Две тюрьмы Бомон и Токвилль обследовали особенно тщательно — Черри-Хилл в Филадельфии и Оберн в Нью-Йорке. Они отметили, что обе они отличаются от американских и европейских тюрем тремя особенностями. Во-первых, в них пытаются воспрепятствовать тому, чтобы заключенные оказывали друг на друга дурное влияние. В Черри-Хилле для этого их содержат порознь. По системе, действующей в Оберне, им запрещается разговаривать между собою в течение дня, который они проводят вместе, а на ночь запирают в отдельные камеры. Во-вторых, в этих тюрьмах заключенным предложено заниматься трудом. Это, как полагали, может выработать у них привычку к работе и в некоторых случаях позволит освоить какое-нибудь новое ремесло. Кроме того, учитывалась и возможность получения дохода в бюджет штата от продажи произведенных в тюрьме предметов. В-третьих, там предпринимались попытки морального и духовного исправления заключенных. Токвилль и Бомон замечают, что, хотя такие попытки, видимо, не являются достаточно успешными, тем не менее способствуют улучшению положения заключенных как граждан и позволяют им вернуться в общество и стать полезными его членами. Новые исправительные дома, также отметили Токвилль и Бомон, лучше старых, о чем свидетельствовало снижение уровня рецидивизма выпущенных из них на свободу заключенных.

Филадельфийская тюрьма Черри-Хилл, известная под официальным названием «Восточный исправительный дом штата», находилась под влиянием квакерских традиций. Бомон и Токвилль затратили много времени на знакомство с ней и на беседы с ее обитателями. В Черри-Хилле полностью отсутствовали какие бы то ни было контакты между заключенными; они даже не виделись друг с

другом, если не считать случайных встреч. Каждый содержался в камере с примыкающим к ней двориком для прогулок. Работу, связанную, например, с изготовлением обуви или ткани, приносили в камеру—что-то вроде надомной системы при мануфактурном производстве. Как явствует из отчета, тюремный надзиратель навещал каждого заключенного по меньшей мере раз в день, а инспектор—не реже двух раз в неделю. Заключенные могли также по желанию видаться с капелланом. Круг их чтения был ограничен Библией и специальными «брошюрами, содержащими назидательные истории». В Черри-Хилле не было школы, но надзиратели и инспекторы учили читать заключенных, отличавшихся спокойным нравом. Некоторые из них научились читать самостоятельно.

В виде исключения из общего правила, согласно которому посетители не имели возможности разговаривать с заключенными, Токвилль получил разрешение побывать с ними с глазу на глаз. Он сообщал, что состояние здоровья большинства его собеседников было хорошим, очень хорошим или превосходным. По его мнению, особый порядок, установленный в Черри-Хилле, оказывает глубокое воздействие на заключенных, но, проявляя осторожность, он ограничился следующей оговоркой: «...Только опыт может показать, является ли это впечатление верным».

Идея тюремного заключения состояла в том, чтобы дать отбывающим его людям время подумать о своих преступлениях и раскаяться. Некоторые заключенные стали весьма набожными, сообщает Токвилль, возможно, потому, что Библия и капеллан стали тем немногим, что отвлекало их от наказания. Заключенные, сообщает он также, считали работу великим утешением в одиночестве, как правило, чувствовали себя подавленными и очень несчастными, скучали по семьям. Большинство из них после короткой беседы с незнакомым посетителем приходили в возбуждение и принимались плакать.

Некоторые заключенные говорили Токвиллю, что, хотя в Черри-Хилле суровая дисциплина, они предпочитают ее старой тюрьме Уолнат-Стрит, являющейся, по их мнению, школой порока и преступления. Некоторые заключенные рассматривали полную изоляцию от себе подобных как средство защиты против шантажа или попыток склонить их к возвращению в преступный мир после освобождения.

Иная система практиковалась в тюрьме Оберн. Здесь отказались от одиночного заключения после начатого в

1821 году эксперимента, в ходе которого были изолированы 80 заключенных. Результаты оказались отрицательными. В течение трех лет «одиночники» либо умерли, либо потеряли рассудок, либо здоровье их ухудшилось настолько, что оставшихся в живых губернатор помиловал. После этого в Оберне стала применяться своя система, которая приобрела значительно большую известность, чем в Черри-Хилле. Она и послужила образцом для исправительных учреждений в других штатах. В Оберне заключенные ночь проводили в одиночных камерах, а днем работали вместе в одной мастерской. Им не разрешалось разговаривать друг с другом. Власти строго следили за соблюдением полной тишины.

Уже во время поездки Токвилля и Бомона система, применявшаяся в тюрьме Оберн, считалась успешной. Ее ввели в тюрьме Синг-Синг и в шести или семи штатах, помимо Нью-Йорка. Молодые наблюдатели из Франции, похоже, усматривали ее преимущество по сравнению с системой, использовавшейся в Черри-Хилле, в том, что она действительно приучала заключенных к повиновению. В тюрьме Оберн все же оставалась некоторая возможность для неповиновения, хотя оно и подлежало наказанию, тогда как в Черри-Хилле заключенные в большинстве случаев были физически этой возможности лишены, так как находились в изоляции. Таким образом, система, применявшаяся в тюрьме Оберн, создавала большие возможности для воспитания заключенных.

В тюрьме Оберн имелся капеллан и устраивались воскресные богослужения. По мнению капеллана, религиозное влияние способствовало успешному перевоспитанию преступников, хотя французские наблюдатели и допускали, что в оценку такого влияния могла вкратиться известная доля ошибки. Заключенные в Оберне выполняли работу на основе контрактов между тюремным начальством или властями штата и частными предпринимателями. Как и большинство заключенных американских тюрем, за свой труд они ничего не получали, что, по мнению Бомона и Токвилля, казалось весьма несправедливым. Порядок, существовавший в балтиморской тюрьме, высказывались они, был намного лучше. Там заключенному после выполнения им дневного задания разрешалось исполнять дополнительную, притом оплачиваемую работу. Заработанные таким образом деньги накапливались и выдавались заключенному по выходе из тюрьмы после отбытия срока.

Способы наказания за нарушение тюремной дисциплины

варьировались. В Черри-Хилле придерживались, как правило, более пассивного подхода, согласно которому заключенных подвергали дополнительным лишениям. Их обычно сажали в карцер и сокращали рацион питания. Это наказание в большинстве случаев принуждало заключенного к полному повиновению в течение двух дней. Было и другое наказание, о нем Токвилль и Бомон лишь упоминают. Оно состояло в лишении заключенного орудий труда, с тем чтобы он не мог работать. В других тюрьмах заключенных попросту секли—это практиковалось в Синг-Синге, реже в Бостоне и Балтиморе, еще реже в Оберне и с «исключительной мягкостью» в Уэтерсфилде. Как отмечали Бомон и Токвилль, проведенные ими обследования свидетельствуют: такое наказание приносит заключенным меньше страданий, чем одиночное заключение. Они пишут: «В Оберне с заключенными обращаются значительно суровее, они чувствуют себя куда более несчастными. Здесь их секут, но не доводят до смертельного исхода. В Филадельфии по «гуманным» соображениям заточают в одиночную, лишенную света камеру».

Нигде ни слова не говорится о развлечениях. Осужденный работал весь день и отдыхал всю ночь. «И как перед сном, так и после него было достаточно времени подумать о своем одиночестве, о совершенном преступлении и о своем несчастии».

По мнению французских путешественников, в тюрьмах Америки существовало даже больше равноправия, чем в американском обществе в целом. Там не было специальных камер для особо опасных преступников и все заключенные содержались одинаково. Их не вознаграждали за примерное поведение или за усердную работу. Бомон и Токвилль отнеслись к этому с одобрением, так как, по их мнению, выгоду от премиальной системы получили бы самые отпетые преступники, тогда как другие их категории, возможно заслуживающие более мягкого обращения, ничего бы не добились.

Один из обнадеживающих аспектов американской системы состоит в том, что заключенные, оказавшись на воле, могли без особого труда найти работу—условие, которое, по убеждению французских путешественников, снижает вероятность рецидива. Они отметили также, что в Америке нет центрального бюро информации о бывших заключенных и их местожительстве. Освобожденные из тюрьмы лица, как им сказали, обычно покидают места заключения в определенном штате, меняют фамилию и начинают новую жизнь там, где о них ничего не известно. Как

обнаружили Токвилль и Бомон, в некоторых городах существуют интернаты, где содержат и обучают малолетних преступников, включая беспризорных детей — бродяг. Эти заведения представляли собой нечто вроде школ профессионального обучения со строгим режимом, а дисциплина в них поддерживалась наподобие исправительного дома. Ребенка направляли в интернат по решению суда на неопределенное время. Интернат становился опекуном ребенка до тех пор, пока он не достигал 20-летнего возраста, за исключением случаев, когда по решению директора исправительного учреждения подростка отпускали досрочно. Его могли также по истечении определенного срока определить в подмастерья. Бомон и Токвилль считали такие интернаты хорошим начинанием и полагали, что они спасают детей от преступной жизни.

Наконец, они сделали несколько замечаний об эффективности тюрем в сравнении со стоимостью расходов на них и заключили, что небольшие тюрьмы лучше справляются с задачей перевоспитания и исправления осужденных. Главный недостаток Синг-Синга, отмечали они, состоит в том, что там слишком много заключенных — более 1 тысячи. Уэтерсфилд же (в Коннектикуте), «самая маленькая в Америке тюрьма, одновременно является и самой лучшей».

Среди заслуживающих внимания бесед, оставивших след в записках Токвилля о путешествии в Америку, две посвящены тюрьмам и преступникам. Одна из них — встреча с окружным прокурором Хью Максвеллом из Нью-Йорка, основателем исправительного дома для малолетних правонарушителей, состоялась 27 июня 1831 года. Об исправительных учреждениях им высказано следующее. Он находил существующую там дисциплину превосходной с точки зрения поддержания порядка и приобщения заключенных к полезному труду, однако не считал, что она оказывает «эффективное воздействие на их склонности или поведение». Максвелл выразил мнение, что взрослого преступника, как бы с ним ни обращались, исправить невозможно; фактически американское исправительное учреждение лишь как бы «закаляет» его.

Другая беседа с Эламом Линдсом имела место 7 июля 1831 года, в Сиракузах. Начальник тюрьмы Оберн, он ввел, несмотря на сильное противодействие, систему, получившую известность как «система Оберн». Позже под его руководством с помощью осужденных из этой тюрьмы был построен первый корпус одиночных камер в Синг-Синге. Заключенные работали без наручников, под надзо-

ром немногочисленной охраны, они содержались в палатках, и тем не менее никто не предпринял попытку к бегству. Все это расценивалось как свидетельство успешности начинаний Линдса, его системы.

Суровый и даже упрямый Линдс откровенно рассказал французам, что столкнулся с сильным сопротивлением своей реформе в Оберне. Он поведал об этом в таких выражениях: «Раздавались сомнения относительно тирании. Однако в конечном итоге я настоял на своем. Когда решили строить Синг-Синг, я предложил осуществить это силами заключенных, а им предстояло работать в чистом поле, мои коллеги не верили, что это практически возможно. Ныне же, когда строительство успешно завершено, многие по-прежнему относятся ко мне недоброжелательно, а подчас как бы с ревностью». По его мнению, система эта будет приемлемой для любой страны, но во Франции она покажет себя лучше, чем в Соединенных Штатах, поскольку, по его словам, «французские тюрьмы находятся под непосредственным контролем правительства, которое в состоянии оказать твердую и надежную поддержку своим должностным лицам. Здесь же (в США) мы являемся рабами постоянно меняющегося общественного мнения».

Его опыт общения с обитателями Синг-Синга, добавил Линдс, на четверть состоявшими из иностранцев, свидетельствует: самые плохие заключенные — это испанцы из Южной Америки, а самые хорошие — французы. Он одобрял порку как наиболее действенное наказание и выразил убеждение, что одиночное заключение является «часто неэффективным и почти всегда опасным». Не считая обучения ремеслу, тюрьмы мало подвергаются реформам, а увещания капелланов и собственные размышления заключенных не превратят их в добрых христиан. Хорошее поведение в тюрьме является, как правило, типичным для самых заядлых преступников. Будучи расторопнее и смышленнее других, они прекрасно понимают всю выгоду от примерного поведения. Линдс высказывался против смягчения приговоров за хорошее поведение осужденного в тюрьме. Он не терял время на ознакомление с теоретическими изысканиями, авторы которых черпали познания о человеческих натурах из книг, а не из жизни. Ключевой момент, обеспечивающий успешное управление тюремными делами, согласно Линдсу, состоит в том, чтобы сломить дух заключенного и привести его в состояние пассивной покорности. Если это будет достигнуто, полагал он, соображения относительно устройства тюрьмы и

характера выполняемой заключенными работы отходят на второй план.

Шведский поэт Гёран Принтц-Пальсон попытался передать дух тюрьмы Линдса в следующем стихотворении:

Когда Бомон и Токвилль посетили Синг-Синг,
чтобы собрать материал для отчета об условиях в тюрьмах Америки,
они увидели прообраз будущего.
Объединенные бессловесной ненавистью,
не закованные в цепи заключенные
работали бок о бок в угрюмом молчании.
Охранники, как бы у кромки кратера вулкана,
держали под контролем панику, равнодушную силу.
Темные дома, наполовину законченные корпуса с камерами.
Так через десятилетия «американская мечта»
разрушилась у пленников. А здесь их взору предстают:
лотки по продаже «хот-догс» разбегались,
словно следы на грязных дорогах;
афишные тумбы теснились вокруг, бросаясь в глаза;
улыбающийся индеец продавал сувениры в магазине Вулворта,
а надзиратель возвращается с работы домой,
озабоченный тем, что не осталось пространств для заселения,
проверяет, не проник ли кто в дом нелегальным путем,
чтоб украсть,
заглядывает в клозет, нет ли там русских либо евреев,
включает телевизор
и садится строчить пышущее ненавистью письмо в газету.
Молчащие, не скованные цепью заключенные — сон,
который будет изводить и мучить Европу несчетными ночами,—
хуже, чем страх перед хаосом,
к тому же — более реальный...

Токвилль и Бомон оказались в целом точны в своем отчете об американских тюрьмах с точки зрения достоверности. Их наблюдения подкрепляются свидетельствами современников и историками позднейшего времени. Однако в те годы отчетность была значительно менее обстоятельной, чем теперь, и еще не началось преклонение перед статистикой. Дэвид Ротман, автор книги «Открытие сумасшедшего дома», придерживается следующего мнения. На статистические данные о физическом и психическом состоянии заключенных в конкурирующих системах Оберн и Черри-Хилл полагаться нельзя, поскольку «приверженцы их почти ничего не сделали, лишь изложили свое субъективное суждение в форме бесстрастных цифр».

Можно смело добавить — так обстоит дело и поныне. Ротман также ставит под сомнение утверждения относительно прибыльности тюрем в начале XIX века. Он подозревает, что здесь имела место подтасовка цифровых данных, и заключает: «Тюремный труд никогда не приносил большой выгоды, а она во многих случаях не

покрывала ежедневные текущие расходы, не говоря уже об издержках в связи со строительством тюрьмы».

Есть несколько моментов, на которые Бомон и Токвилль либо не обратили внимания, либо не придали им значения. Тюремная униформа, введенная в 1790-х годах, уже была обязательной во время их пребывания в Америке. Короткая стрижка заключенных (тогда мужчины носили длинные волосы) также стала общепринятой. Цель этого явно состояла в стремлении наделить заключенных особыми приметам и тем самым отбить охоту к побегу, а также и облегчить их поимку. Возможно, что короткая стрижка служила еще и для того, чтобы унижить человека или ослабить его дух. Подобная практика исторически восходит по меньшей мере к библейским временам. А продолжение она имела в корпусе морской пехоты и применяется теперь некоторыми судьями как мера наказания малолетних преступников.

В своем отчете о Черри-Хилле Токвилль и Бомон допустили некоторые неточности. Хотя контакты между заключенными были там крайне ограничены, тем не менее они имели место, несмотря на принимаемые тюремными властями меры предосторожности. Хотя эту тюрьму построили в строгом соответствии с принципом полной изоляции заключенных, они, однако, могли переговариваться между собой методом перестукивания по трубам. В нескольких двухэтажных корпусах обитатели камер на втором этаже общались с узниками камер первого, когда те находились в своих прогулочных двориках (вентиляционные отдушины и колодцы все еще являются проблемой для тюремных властей). В документации Черри-Хилла попытка заключенных вступить в контакт часто фигурирует как причина для их наказания.

Бомон и Токвилль заблуждались, считая заточение в карцер и уменьшение рациона питания единственным наказанием заключенных в Черри-Хилле. Этот вид наказания, как свидетельствуют документы, практиковался чаще других, но и он нередко варьировался. Например, карцер мог не отапливаться. Одного 16-летнего юношу продержали в нем 42 дня и кормили так скудно, что осмотревший его тюремный врач в результате констатировал истощение от голода. В Черри-Хилле применяли и американскую разновидность китайской пытки водой: с помощью душа особого устройства жидкость лилась из отверстия, размещенного высоко над головой узника. Степень причиняемых ему страданий зависела от температуры и количества воды. В докладе об исследовании Черри-Хилла в 1834

году приводился такой факт: один 19-летний заключенный подвергся этой пытке на открытом воздухе, притом из-за холода вода попросту замерзала на его обнаженном теле. На непокорных иногда надевали смирительную рубашку. В Черри-Хилле применялась также особо жестокая пытка — железный кляп.

Представляется, что ныне, спустя почти 150 лет после путешествия Токвилля, лишь немногие из подмеченных им и его современниками проблем решены. Скорее система Оберн, чем Черри-Хилл, стала образцом для всеобщего подражания как по части строительства тюрем, так и в деле управления ими. К заведениям для осужденных в Соединенных Штатах прибавились специальные женские тюрьмы и исправительные дома для малолетних преступников.

В конце 1975 года в федеральных тюрьмах и тюрьмах штатов содержалось 242 750 человек, небольшая их часть — около одной десятой — в федеральных, остальные — в тюрьмах штатов. В Калифорнии и Пенсильвании, вместе взятых, имелось столько же заключенных, сколько во всех федеральных тюрьмах; удельный вес женщин в общей массе заключенных составил 4 процента. Городские тюрьмы и тюрьмы графств имеют сходный состав заключенных. В 1972 году в них находилось 141 600 человек; примерно 38 процентов ожидали суда. 94 процента заключенных составляли мужчины, 41 процент — негры, менее 4 процентов — молодежь в возрасте не выше 18 лет.

По имеющимся подсчетам, в 1974 году из общего числа людей, находившихся в тюрьмах штатов и сходных им учреждениях, 47 процентов были негры, тогда как их доля в населении страны в целом равнялась лишь 11 процентам. Тюремная реформа вызывает теперь у американцев такую же — если не большую — озабоченность, как и в 1831 году. Несмотря на накопленный опыт, достигнутые медициной успехи и психоанализ, почти никакого прогресса в тюремной сфере не наблюдается. Фраза «тюрьмы не срабатывают» имеет мало смысла, если при этом точно не указать, какие из поставленных целей не удастся достигнуть.

Одна из задач тюрьмы, причем самая давняя, состоит в том, чтобы наказывать преступников. Большинство наблюдателей сходится во мнении: наши тюрьмы с этой задачей справляются. Они наказывают их прежде всего лишением свободы. У них почти ничего нет, кроме времени. Отбытие срока в стесненных условиях, при ограниченных возможностях работать или жить среди

других людей—таким был основополагающий принцип старой тюрьмы Черри-Хилл, хотя при этом и полагали, что ограничения эти будут служить не столько делу наказания, сколько исправления.

В наших тюрьмах существуют и другие виды наказания, помимо ограничения свободы. Часть их, бесспорно, попадает в разряд «жестоких и необычных», то есть запрещенных восьмой поправкой к американской Конституции. Так, на тюремной ферме Такер в Арканзасе вплоть до конца 60-х годов нынешнего века секли и истязали электрошоком. В калифорнийском центре Вакавилль применялись более изощренные методы, а именно: заключенному причиняли едва выносимую боль, с тем чтобы выработать у него рефлекс отвращения, надо полагать, ко всему окружающему. Делалось это не в виде наказания, а для «перевоспитания».

Жестокие избиения узников тюремными служащими все еще имеют место. Во многих тюрьмах, как сообщают, чрезмерно прибегают к использованию одиночного заключения. К числу самых гнусных злоупотреблений относится следующая пытка. Молодых или физически слабых лиц мужского пола помещают в условия, при которых они почти наверняка могут оказаться жертвами гомосексуального насилия со стороны других заключенных.

Применение наркотических средств, особенно нового типа, стало еще одной формой наказания, хотя и это делается будто бы во имя перевоспитания. В Калифорнии в конце 60-х годов нашего столетия примерно тридцати заключенным ввели анектин, на 1—2 минуты парализующий мышцы. Бернард Вайнер в работе «Безотказное средство» пишет: человека после приема анектина «охватывает чувство удушья, ощущение, как если бы он тонул, медленно погружался в небытие. И в этом ужасном состоянии человеку говорят, что, когда в другой раз у него появится желание ударить или совершить нападение, ему лучше повременить, подумать и припомнить ощущение, испытанное после принятия анектина». Проксилин, вызывающий сильную рвоту, сообщает также Вайнер, применялся в тюрьмах Калифорнии в 1970 году более тысячи раз. В 1971 году электрошоковая терапия использовалась в центре Вакавилль почти пятьсот раз. «По сведениям из госпиталя штата Калифорния, психически ненормальных правонарушителей в Атаскадере, совершивших преступление на сексуальной почве, подвергают электрошоку половых органов, вырабатывая тем самым рефлекс отвращения,—писал Вайнер.— В 1971 году, сог-

ласно сообщениям, тюремные власти Калифорнии рассматривали вопрос о возможности применения внутричрепных операций в отношении некоторых заключенных, имеющих склонность к совершению насильственных действий».

В ряде случаев наказание выходит за рамки срока тюремного заключения. Существуют федеральные законы и законы во многих штатах, лишаящие отбывших заключение лиц гражданских прав. Под действие этих установлений часто попадают не только уголовники, но и люди, осужденные за менее тяжкие преступления. В отличие от тюремного заключения многие ограничения бессрочны, они могут оставаться в силе до последнего дня жизни бывшего заключенного и притом колеблются от лишения избирательных прав до запрещения занимать должность в государственных учреждениях. Еще в 1971 году в 13 штатах к осужденным на пожизненный срок заключения в качестве дополнительной меры наказания применялась «гражданская смерть». Это давало возможность юридически аннулировать брак такого лица, передать его или ее детей на усыновление или удочерение, распродать имущество. И все это несмотря на то, что большинство приговоров о пожизненном заключении заканчивается досрочным освобождением.

Нет ни малейшего сомнения в том, что тюремное заключение в Соединенных Штатах является наказанием, а наши тюрьмы действительно наказывают осужденных. Преследуются, конечно, и другие цели. Одна из них сводится к тому, чтобы изолировать заключенного, оградить людей от его преступной деятельности. В физическом смысле наша тюремная система эту задачу действительно выполняет. Совершить побег удастся немногим.

Большинство заключенных рано или поздно выходят на свободу — либо вследствие истечения срока их заключения, либо ввиду досрочного освобождения на поруки. Многие после этого возвращаются к преступной деятельности. Из-за рецидивизма высказываются предложения осуждать преступников на длительный, но неопределенный срок и освобождать только тогда, когда их посчитают «неопасными» для общества. Эта теория была апробирована в Мэриленде на основании специального закона об «умственно отсталых правонарушителях». Однако осуждение на неопределенный срок вызвало такой мощный протест, что в 1977 году приговоры пришлось отменить. Подобный метод делает невозможным назначение равного для всех наказания за преступление и основывается на

том, что общество имеет право наказывать и сажать в тюрьму людей за предполагаемую вероятность рецидива. Данный спорный тезис сродни применявшемуся в годы второй мировой войны для заключения американцев японского происхождения в концентрационные лагеря на том основании, что они могли бы проявить нелояльность.

Нам мало что известно о результативности тюремного заключения как сдерживающего фактора. Разумеется, практический опыт заключения или боязнь его должны останавливать некоторых людей от преступления. Мы не знаем, скольких из них это действительно удерживает, каковы эти граждане и от каких преступлений они воздерживаются. Нет у нас и достаточно убедительных данных о том, что пребывание в тюрьме исправляет заключенных. Решетка на деле может оказывать тлетворное влияние и даже быть школой преступности.

Гомосексуальное насилие, хотя не все тюрьмы сообщают о таких фактах, является проблемой и общей, и достаточно серьезной. В равной степени это относится к поножовщине и дракам, а они нередко происходят как между отдельными заключенными, так и между их шайками. Тюрьма Сан-Квентин пережила поистине разгул террора в 1972 году. Его относят на счет вражды между белыми и неграми, которая выливалась часто в поножовщину и дошла до того, что белые охранники брали сторону белых заключенных, а черные — черных*.

Еще одним фактом, свидетельствующим о падении нравов в тюрьмах, является применение заключенными наркотиков. Как и в 1831 году, несостоятельность и несовершенство тюрем и применяемых в них методов перевоспитания вызывают озабоченность у многих людей. В предложениях относительно реформ недостатка нет. Легче всего оценить те из них, которые касаются управления тюрьмами. Более крупные вопросы, связанные с предотвращением преступлений, перевоспитанием заключенных и т. п., носят в значительной мере умозрительный характер. Перенаселенность тюрем, например, является вполне поддающейся определению, разрешимой проблемой, если только общество согласится пойти на необходимые затраты. К созданию общих спален для заключенных некоторые относятся как к реформе. Между тем другие

* В тюрьме Сан-Квентин имело место восстание заключенных, вызванное плохим обращением с ними, а вовсе не расовой рознью. Однако бунт и перестрелку, вызвавшую жертвы, изображают как «насилие черных». См. об этом подробнее в книге: А. Дэвис. Автобиография. М., Прогресс, 1977.

считают это одной из форм перенаселения, увеличивающей опасность, которой подвергаются одни заключенные со стороны других. В подготовленном квакерами докладе «Борьба за справедливость» утверждается, что «создание общих спален, вселяющих ужас в заключенных,—мероприятие непродуманное. Широкое распространение они получили потому, что дешевле обходятся при строительстве и с точки зрения эксплуатации».

Переполненность тюрем, как представляется, усугубляет практически все другие существующие в тюрьмах проблемы: смешение еще не осужденных людей и молодежи с более зрелыми по возрасту и опытными преступниками, расовая вражда, гомосексуальное насилие, распространение наркотиков, шум, постоянное вторжение в личную жизнь, недостаточное образование, не соответствующие спросу библиотеки, несовершенство профессионального обучения и программ трудовой деятельности. Выводы напрашиваются сами собой—нужно либо улучшать условия с помощью дополнительных удобств, либо сократить количество заключенных или сроки их заключения.

Новой или по крайней мере вновь получившей признание проблемой является расизм в тюрьмах. Дискриминация заключенных с темной кожей со стороны тюремных властей еще существует в некоторых местах, особенно в южных штатах. Даже на Севере она, говорят, имеет место в неофициальном порядке. Тогда как в тюрьмах содержится много заключенных негров, среди охранников и в административном аппарате исправительных учреждений их явно недостаточно. Там, где сегрегация не установлена сверху тюремными властями, она может возникнуть снизу, или ее могут организовать сами заключенные в столовой, во дворе для прогулок и в других общественных местах. Нельзя ожидать, чтобы социальные отношения в тюрьме были лучше, чем за ее оградой. Ограниченные возможности с помощью реформы избежать расового напряжения внутри тюрьмы или осложнений на этой почве, вероятно, существуют, однако положение здесь вряд ли изменится заметным образом, пока не улучшатся расовые отношения за пределами тюрьмы, то есть в самом американском обществе. А в нем, как хорошо известно, они по-прежнему оставляют желать много лучшего. Точно так же следует усомниться в том, что проблема наркомании может быть решена в тюрьме, коль скоро она не находит положительного решения в мире свободных людей.

Если тюрьмы приносят мало пользы (за исключением изоляции преступников, особенно тех, кто склонен к рецидивизму, окажись они на свободе), если они удовлетворяют склонность общества наказывать правонарушителей, откуда бы она ни проистекала, и если тому и другому их предназначению должны быть поставлены пределы, необходимо задаться следующими нелегкими вопросами:

1. Кого следует отправлять в тюрьму?
2. Как долго их следует там держать?
3. В каких условиях они должны находиться в тюрьме?
4. При каких условиях следует их освобождать?
5. Как быть со смертной казнью?

Виновных в совершении преступления с применением насилия—таково общее мнение—следует заключать в тюрьму в порядке наказания, если нет иных соображений. И тем самым в их лице устранять, по крайней мере на время, угрозу общественной безопасности. Взгляды на то, как следует обращаться с людьми, совершившими преступление ненасильственного характера, расходятся. В Калифорнии с недавнего времени придается большое значение условному освобождению на поруки в качестве альтернативы тюремному заключению за преступления, совершенные без применения насилия. Осужденные за грабеж, убийство, нападение и изнасилование в 1960 году составляли примерно треть заключенных в тюрьмах Калифорнии, а в 1976 году—уже около половины.

Изъятие таких правонарушений, как злоупотребление наркотиками, пьянство, гомосексуальные и другие сексуальные акты (особенно между взрослыми, совершающими их по взаимному согласию), из сферы действия уголовного кодекса полностью или применение по ним иных, нежели тюремное заключение, санкций резко сократило бы число заключенных и ослабило бы нагрузку на суды. Выдвигается возражение, что смягчение меры наказания за указанные действия явится их поощрением. Однако нет свидетельств того, что тюремное заключение служит надежным сдерживающим фактором.

Другой предлагаемой альтернативой длительному тюремному заключению является требование возмещения убытков в случаях кражи, подлога и хищений. В настоящее время закон иногда предусматривает возмещения ущерба, но, по-видимому, страховые компании делают это значительно чаще, чем государство. В случае угона автомобиля штрафа плюс оплаты пробега, быть может, было бы достаточно для того, чтобы удовлетворить требования общества.

Использование условного освобождения на поруки без тюремного заключения или после отбытия осужденным короткого, но точно определенного срока, по имеющимся данным, особенно действенно в отношении лиц, впервые совершивших преступления. В Калифорнии этой форме наказания в последнее время уделяется особое внимание, и власти штата пришли к выводу, что она обходится дешевле тюремного заключения. Подобная мера может оказаться менее эффективной в отношении рецидивистов, чем длительное тюремное заключение. В таком случае материальные соображения могут оказаться решающими.

Другой аспект предлагаемой реформы касается сокращения сроков тюремного заключения. Ее сторонники считают, что большие сроки оказывают воздействие обратное искомому. Присяжные заседатели, утверждают они, менее охотно признают виновность обвиняемого, даже когда для этого есть веские основания, если приговор представляется им слишком суровым. Доказывается также, что длительные сроки наносят вред делу исправления преступника, что, чем больше времени человек проводит в тюрьме, тем больше вероятность его возвращения туда. Джон Ирвин в исследовании «Уголовный преступник» описывает привычку «быть в тюрьме», в силу которой человек, много времени проведенный в заключении, настолько к нему приспособливается, что жить на свободе ему становится трудно. Уровень рецидивизма не связан с продолжительностью сроков тюремного заключения, говорят другие наблюдатели. Как бы то ни было, остается фактом, что в Соединенных Штатах обычно приговаривают к значительно более длительным срокам заключения, чем в странах Западной Европы. А темпы роста нашей преступности не свидетельствуют об эффективности длительных сроков заключения.

Джеймс Хоффа, руководитель профсоюза водителей автомашин, давая несколько лет назад показания в сенатской подкомиссии по тюрьмам, высказал мнение, что срок заключения свыше двух лет за преступление, совершенное без применения насилия, ни в коей мере не способствует целям перевоспитания осужденного. Выступая перед этой же подкомиссией, атторней Ф. Ли Бейл поддержал эту точку зрения: «Я изучил как путем личных наблюдений, так и с помощью консультаций с другими специалистами европейскую систему, которая действует намного лучше, чем наша, и которая, как известно, сильно от нее отличается. Сроки тюремного заключения в Европе всегда очень небольшие, и я искренне согласен с заявлением

мистера Хоффа—все «выходящее за рамки двух лет, вероятно, идет впустую...» Возможно, что впустую даже то, что выходит за рамки одного года, за исключением самого факта заключения, которое метит человека, понесшего наказание за уголовное преступление, клеймом.

Если предположить, а именно это мы и должны сделать, что в Соединенных Штатах людей и впредь будут отправлять в тюрьму на довольно продолжительные сроки, нас по-прежнему будет занимать вопрос о том, как следует обращаться с заключенными. Некоторые предложения на этот счет очень схожи с теми, что были выдвинуты и приняты в 1831 году. Основные нынешние трудности, говорят некоторые критики существующей тюремной системы, порождены изменениями, внесенными много лет назад в духе гуманной и либеральной реформы. Одним из таких новшеств, причиняющих, по их словам, неприятности, явилась попытка подогнать наказание под преступника. Эта реформа, как предполагалось, позволит судьям и коллегиям по условному освобождению принимать во внимание следующие факторы—мотивировка преступления, прошлое преступника, его шансы на перевоспитание и т. д. Критики утверждают, что в результате появились значительные различия в назначаемых сроках заключения—они достигают таких размеров, при которых сами эти несправедливые различия превращаются в судебную ошибку. Другим результатом реформы стало то, что она поощрила, почти даже вынудила заключенных вести описанную Эламом Линдсом в 1831 году бесчестную игру, с тем чтобы растрогать судей и членов коллегии по условному освобождению.

Заключение на неопределенный срок также попало под огонь критики. В Калифорнии стало обычным делом приговаривать осужденных на срок от года до пяти лет, от пяти до двадцати или от десяти до пожизненного заключения. Условием для досрочного освобождения являлось примерное поведение в тюрьме. По меньшей мере две основные трудности проистекали из этой практики. Одна состояла в том, что для заключенных было особенно мучительно не знать, когда их освободят. При твердом сроке, допустим, в пять лет заключенный знает, что ему, возможно, удастся выйти на свободу раньше благодаря досрочному освобождению и что в любом случае он не просидит в тюрьме больше положенного. По принятой в Калифорнии системе, пока коллегия по условному освобождению не установит срок, он находился в неведении

относительно того, стоит ли ждать освобождения через год, через пять лет или в течение неопределенного времени. Он жил, таким образом, от одного заседания коллегии до другого, надеясь, что наконец-то ему будет определен твердый срок. Часто, однако, этого не случалось.

Вторая проблема состояла в том, что предоставление коллегии столь больших полномочий приводило к значительному «запрограммированию» заключенных. Оно имеет место тогда, когда осужденный подключается к какой-нибудь из проводимых в тюрьме программ (например, работа различных советов или профессиональное обучение) не потому, что считает это полезным для себя, а только затем, чтобы произвести благоприятное впечатление на коллегию. Сейчас в Калифорнии для большинства преступлений заключенным назначается определенный срок.

Не сходит с повестки дня и вопрос о смертной казни. При этом волна выступлений за применение высшей меры наказания поднимается в периоды роста преступности, особенно тяжких ее видов, и спадает, когда приговор приведен в исполнение. Эта проблема остается больше психологической и политической, чем научной или умозрительной. В настоящее время в Соединенных Штатах наблюдается сдвиг в сторону восстановления и более широкого применения высшей меры наказания, а также усовершенствования процедур, связанных с приведением приговора в исполнение. Многие штаты перерабатывают свои законы с учетом возражений, высказанных Верховным судом при рассмотрении им прежних законов штатов.

Недавнее дело Гэри Гилмора, заключенного из штата Юта, который сам попросил о том, чтобы его казнили, привело в замешательство противников высшей меры наказания. Оказываясь в положении защищающейся стороны, они обычно ограничиваются призывами к применению более гуманных (если это слово здесь уместно употребить) методов казни. Отчасти потрясение, произведенное делом Гилмора, было вызвано его требованием, чтобы его расстрелял взвод солдат. И хотя по существующей традиции винтовка одного из солдат была заряжена холостым патроном, легко просматривалась непосредственная связь между обществом и гибелью заключенного. Дело Гилмора вступило в противоречие со всеобщим стремлением сделать эту взаимосвязь менее явной путем усовершенствования способов казни. Гильотину, например,

считали более модернизированным и гуманным орудием смерти, чем грубое отсечение головы топором. Она срабатывала точнее, носила более обезличенный характер, так как в качестве непосредственной движущей силы здесь использовалось земное притяжение, а не мускульная энергия человека. В настоящее время взамен взвода солдат отдают предпочтение электрическому стулу и газовой камере.

Отдельно от этого неразрешимого вопроса стоит широко дебатруемая и вызывающая острые споры проблема тюремной реформы. Федеральное управление тюрем, озабоченное жалобами на чрезмерную грубость в условиях неволи, попыталось приблизить обстановку в тюрьмах к существующей в мире свободных людей. Заключенные по-прежнему лишены гражданских прав, но не всех прав человека.

Были предложены и получили ограниченную апробацию супружеские свидания в тюрьме или отпуска на субботу и воскресенье, дающие возможность заключенным побыть в семьях, а также совместное содержание мужчин и женщин. Насколько можно судить, эксперименты дали хорошие результаты. Некоторые штаты сообщают о сокращении масштабов гомосексуализма и об общем улучшении атмосферы в тюрьмах.

За последние 20—30 лет, например, все большее внимание уделялось психиатрической помощи заключенным, методам групповой терапии и другим видам лечения. Однако это, как когда-то усилия тюремных капелланов во время путешествия Токвилля, не дало ощутимых результатов.

Представляется наиболее целесообразным по возможности не прибегать к тюремному заключению преступников за не очень серьезные преступления, исключая, разумеется, наиболее опасных и закоренелых из них*. По мнению некоторых экспертов, условное заключение под строгим наблюдением и при оказании содействия в поисках работы, как и при решении других непростых жизненных проблем, обходилось бы, во-первых, дешевле и, во-вторых, было бы более эффективным, чем применяемые ныне меры.

Несомненно, после освобождения бывший заключенный не должен оставаться без внимания и помощи. Кроме

* Эта авторская посылка, явно либерально-реформистского и утопичного в условиях капиталистических порядков оттенка, находится в кричащем противоречии с американской реальностью.

того, совершенно очевидно, что прежде всего следует изменить нездоровые условия самой американской действительности, побуждающие к преступлениям или требующие основательных усилий для их предотвращения.

Все это вновь приводит нас к мысли, высказанной Томасом Мором, а именно: «Все вокруг окружающее не может быть хорошим, если все люди не стали хорошими, а этого, я думаю, придется ждать еще много лет».

ГЛАВА IV

**Религия:
нация с душой,
исполненной веры**

Во время своей поездки по Америке Алексис де Токвилль проявил особый интерес к роли религии в новом демократическом обществе. О ее влиянии на американскую жизнь он беседовал со многими людьми — священниками и прихожанами, политиками и теми, кто далек от нее. Токвилль присутствовал на католических службах и был на молении секты шейкеров — «трясунов».

Большинство собеседников разделяли его мнение, что республике религия необходима — повиновение, порождаемое признанием церковной власти, приводит к уважению закона, и поэтому вера оказывает огромное положительное воздействие на американское общество. Джон Адамс считал религию одним из основных устоев американского государства. Джоэль Пуансетт, американский посол в Мексике, отмечал, что вероучение является «одним из самых основных средств, позволяющих сохранить наши республиканские институты. Вера прямо воздействует на политические страсти и помогает поддерживать высокую нравственность». Пуансетт говорил также и о том, что подобное мнение разделяют многие образованные американцы и поэтому они «скрывают, может быть, и существующие у них сомнения в истинности христианства; с опаской вступают в новые секты, например унитарные. Эти люди боятся невольно вызвать разрушение христианской веры и нанести тем самым непоправимый ущерб человечеству».

Настоятель пресвитерианской семинарии в Оберне, штат Нью-Йорк, тоже подчеркивал, что Америка нуждается в религии. «Я считаю, — говорил он, — что республика не может существовать без нравственности, которая невозможна без веры. Отсюда я делаю вывод, что поддержание религиозного духа является важнейшей политической задачей». Один плантатор из Джорджии выразил, правда, другими словами, ту же мысль. Он сказал, что протестантство «необходимо гражданам республики. Для нас религия — это самая верная гарантия свободы. Религия

неразрывно связана со свободой и благотворно влияет на верующих. Как только мы потеряем веру, сразу подвергнемся огромной опасности».

На Токвилля произвело впечатление то, как в Америке религия и политика дополняют друг друга. Он отмечал: «Религия рассматривает гражданские свободы как благородное проявление способностей человека. Причем политика представляет собой сферу, предназначенную Творцом для свободной игры разума. Влияние религии становится тем прочнее, чем полнее она полагается лишь на свои собственные силы и управляет человеческими чувствами без посторонней помощи». И далее: «Свобода видит в религии спутника в борьбе и победах, это колыбель и божественный источник ее прав. Религия считается гарантией нравственности, а нравственность — опорой законности и залогом сохранения свободы».

Традиции американских колоний определялись прежде религиозными институтами и требованиями единомыслия в каждой из этих колоний. Тем, кто не подчинялся таким требованиям, предлагалось убраться восвояси, а иногда их просто изгоняли.

Многие двинулись на Запад, движимые пониманием свободы совести, как ее провозгласил в Массачусетсе Натаниэль Уорд: «Все «фэмилисты», антиномисты, анабаптисты и другие энтузиасты имеют полное право держаться вдали от нас, а те, кто придут к нам, вольны немедленно расстаться с нами, и, чем скорее, тем лучше». Подобным же образом Джон Коттон заявил: «Сфера действия закона (согласно которому человек подвергается изгнанию) ничтожна, а страна вокруг нас — огромна и обильна: здесь человек волен выбирать для себя более приятное и прибыльное место, чем то, откуда его прогнали. В этом смысле сама высылка — это расширение, а не ограничение возможностей».

В каком же состоянии оказались религия и церковь в Америке в 1831 году? Как можно охарактеризовать их положение через сорок лет после принятия Билля о правах, этого гаранта свободы религии? Общее отношение к ним можно назвать одним словом — «терпимость».

Еще не проявилась та разобщенность, которая последовала за распространением католичества среди населения и возникновением различных сект, например мормонов. Имевший религиозную окраску аболиционизм только зарождался. Появились лишь первые общества трезвенников. Религия была все еще далека от политики.

К 1831 году секты методистов и баптистов стали

приобретать решающее влияние. Они имели больше церквей, если не приверженцев, чем другие течения. Вера Джексона в демократию и решающую роль большинства проникала и в религию. Создавались общества единомышленников.

Пока не было церквей, священники проповедовали, разъезжая по всей стране. К 1830 году почти все службы в лагерях переселенцев осуществлялись методистами. Они проводились нерегулярно, но были очень эмоциональными, проповедники взывали к чувствам каждого из присутствующих, обещая спасение милостью божьей. Кушинг Страут так описывает подобную службу, о которой Токвиллю приходилось слышать и на Западе, и на Юге: «На собраниях переселенцев в пограничных территориях их религиозные чувства находили характерное выражение. Расположившись в самодельных палатках, тысячи семей, собравшись воедино, ели, пили, пели, молились, плакали. Они сидели на грубо сколоченных скамьях перед возвышением, на котором располагалась целая братия проповедников, убеждавших переселенцев в их греховности, грозивших гневом Господним и молившихся за страждущие души тех, кто оплакивал усопших и надеялся на второе рождение либо перевоплощение. Рядом мелкие торговцы разложили свой товар. Контрабандное виски лилось из бочонков, а парни, оказавшиеся здесь, чтобы повеселиться, наедались до отвала и напивались вволю, затем устраивали драки или ухлестывали за женщинами. Респектабельные девицы и их обожатели флиртовали, насколько позволяла обстановка; иногда интерес к противоположному полу и религиозные влечения взаимно подогревались».

Религия в том виде, в котором она оказывала влияние на политику 30-х годов прошлого века, формировалась под воздействием двух факторов. Первым из них был рационализм, который столь очевидно проявился в ходе Конституционного конвента (на нем выступили такие ораторы, как Джеймс Мэдисон и Бенджамин Франклин). Вторым — пиетизм, оставшийся в наследство от XVIII века. Он характеризовался религиозным индивидуализмом, поскольку искренняя набожность считалась более важной, чем формальное соблюдение ритуалов.

К счастью, ко времени принятия Конституции колонисты не имели доминирующей религии. Конгрегационализм преобладал в основном в Новой Англии, англиканство — на Юге и в некоторых местностях штата Нью-Йорк. Англиканцы Новой Англии и пресвитерианцы на Юге считались раскольниками. Таким образом, обстоятельства мешали

осуществлению каких бы то ни было планов достижения единого вероучения. Из-за этого авторы Билля о правах вынуждены были сделать выбор между терпимостью в условиях отсутствия главенствующей церкви и существованием преобладающей церкви при допущении раскольников сект (как обстоит дело в Англии в наши дни). Они решили ввести в Конституцию положение об отсутствии официальной церкви и гарантировать свободу вероисповедания.

Необходимо было сгладить разногласия, которые могли возникнуть между рационалистами и пиетистами. Дело упрощалось тем, что деисты-рационалисты не занимали активной антиклерикальной позиции. Из прагматических соображений они соглашались с существованием большинства, если не всех сложившихся к тому времени течений. Рационалисты тяготели к терпимости, волюнтаризму и самоуправлению. Поэтому они относительно легко приняли некую демократическую религию, которая возникла в пиетистских формах. Поскольку рационалисты признавали, что религия полезна для общества, а возможно, и для верующих, и на них не оказывалось никакого давления с целью подчинить их какой-нибудь одной религии, то они не находили веских причин для отказа от религиозной доктрины.

Религиозную терпимость начала XIX века, однако, нельзя целиком объяснять свободомыслием или некой идеологической позицией. Терпимость, характерная для религиозных отношений между различными сектами, определялась как практическими интересами, так и наличием соответствующих убеждений или принципов. Токвилль приводит слова Джоэля Пуансетта о том, что религиозная терпимость в Америке ни в коей мере не была абсолютной: «Я убежден,—сказал мне г-н Пуансетт (16 января 1832 г.),—что даже сегодня в Америке лютеране начали бы сжигать кальвинистов, кальвинисты—унитарианцев, а католики—всех остальных, если бы кто-нибудь из них получил в свои руки гражданскую власть. Они страшно ненавидят друг друга». Токвилль приводит также ответ одного священника на вопрос: «Какие секты наиболее враждебно относятся к католицизму?» «Все секты,—ответил он,—едины в своей ненависти к католицизму, но наиболее воинственны пресвитерианцы. Они же и наиболее фанатичны».

На американскую религию оказывали влияние и тогдашние представления о времени. В 30-х годах прошлого века в свободных землях не было недостатка, переселенцы

постоянно двигались на Запад и все пользовались религиозной свободой, существовали широкие возможности для миссионерской деятельности. Времени же не хватало, или, скорее, казалось, что его не хватало. Когда границы открыты и подвижны, религия обязана действовать быстро; священники всегда должны быть готовы оказать свои услуги. Почти любой священник годился на то, чтобы совершить обряды крещения, бракосочетания и похорон. Отдаленность и малонаселенность пограничных территорий способствовали активности священников, обслуживающих верующих на дому, распространению практики религиозных бдений и демократизации религии в целом.

В те годы церковь не пыталась навязывать обществу свои нравственные нормы с помощью политических акций. С пьянством, азартными играми, картами и другими пагубными увлечениями боролись лишь с помощью проповедей. В 1839 году методистская газета «Вестерн кришчен адвокат» выступила против проведения политических дискуссий в церквях. Задачей богоугодных заведений, писала она, является не проведение политических реформ, а спасение душ.

Устранение религиозных противоречий и разногласий, по крайней мере в принципе, считалось благим делом. Токвилль писал: «Все священники Америки осознают интеллектуальное превосходство большинства и относятся к нему с уважением. Они никогда не вступают в борьбу с большинством, если таковая не является необходимостью. Церковники держатся в стороне от партийных склок, но они охотно воспринимают принятые воззрения времени...» И далее: «Они пытаются добиться от своих современников совершенствования, не теряя дружеских контактов с ними. А поэтому общественное мнение никогда не бывает враждебным по отношению к ним, а скорее поддерживает и защищает их. Таким образом, частично влияние веры определяется присущей ей силой, а также поддержкой со стороны общественного мнения».

В известной мере ограничивая свой оптимизм в отношении религиозной гармонии в Америке, Токвилль, однако, соглашается с примечательным суждением: иные из американцев считали, что христианские секты по своему существу враждебно-антагонистичны и, постоянно обмениваясь проклятиями, обрекают всех и вся на геенну огненную. Он писал: «Индеец более терпим в своей суровой вере... Он умирает в мире, мечтая о вечнозеленых лесах; их не коснется топор колониста, и здесь можно

охотиться на оленей и бобров все бесчисленные дни Вечности».

К 1830 году появились первые признаки религиозных разногласий, заостривших политические проблемы. Возникшие религиозные течения и их приверженцы стали поддерживать новую политику Эндрю Джексона. Появились указания на то, что предсказанное Токвиллем мирное правление большинства не будет осуществлено во всей полноте. К 1834 году католики оказались в центре общественного внимания, после того как возбужденная толпа сожгла монастырь в Чарльстауне, штат Массачусетс. Десять лет спустя, во время бунта в Филадельфии, были сожжены две католические церкви. В 1830 году вышла «Книга мормонов», а вскоре после этого мормоны оказались постепенно вытесненными на Запад — сначала до Миссури, затем в Иллинойс и наконец вплоть до Юты.

Имелся еще один аспект религиозной жизни в Америке, совершенно отгороженный от сектантства и теологических диспутов. Историки говорят о так называемой «американской гражданской религии». Со времен первых колонистов ее основные положения остались неизменными. Ради достижения целей отдельной группы населения или всего общества она поднималась выше сектантских раздоров.

Токвиль почувствовал возникновение этой гражданской религии и отметил: «Что поразило меня по прибытии в Соединенные Штаты, так это прежде всего сама царящая там религиозная атмосфера. Чем дольше я находился в этой стране, тем глубже осознавал порождаемые ею важные политические последствия».

Обстановка, о которой писал Токвиль, вполне поддается описанию, поскольку она почти полностью соответствует идеалу гражданской религии, изложенному Руссо в трактате «Об общественном договоре».

Для иллюстрации приведем такой тезис: «А для Государства весьма важно, чтобы каждый гражданин имел религию, которая заставляет бы его любить свои обязанности; но догматы этой религии интересуют Государство и его членов лишь постольку, поскольку эти догматы относятся к морали и обязанностям, которые тот, кто ее исповедует, обязан исполнять по отношению к другим».

Уместно обратиться и к другому примеру: «Существует, следовательно, исповедание веры чисто гражданское, статьи которого надлежит устанавливать суверену, и не в качестве догматов религии, но как правила общежития, без которых невозможно быть ни добрым гражданином,

ни верным подданным. Не будучи в состоянии обязать кого бы то ни было в них верить, он может изгнать из Государства всякого, кто в них не верит... Если же кто-либо, признав уже публично эти догматы, ведет себя, как если бы он в них не верил, пусть он будет наказан смертью: он совершил наибольшее из преступлений: он солгал перед законами».

И далее еще более типичное: «Догматы гражданской религии должны быть просты, немногочисленны, выражены точно, без разъяснений и комментариев. Существование Божества могущественного, разумного, благотельного, предусмотрительного и заботливого, загробная жизнь, счастье праведных, наказание злых, святость Общественного договора и законов — вот догматы положительные. Что касается отрицательных догматов, то я ограничусь одним-единственным: это нетерпимость. Она входит в те религиозные культы, которые мы исключили» *.

Познакомившись с работами Джефферсона, Франклина и других, можно прийти к выводу, что гражданская религия новой республики вполне соответствовала настроениям Руссо. Но истинная религия, если можно ее так назвать, была гораздо менее рационалистичной и в гораздо большей степени оказалась продуктом традиции, имела фундаменталистское, библейское происхождение. Она не являла собой гармоничной совокупности представлений и ценностей, о которых писал Виль Герберг, утверждавший, что гражданская религия является по существу «американским образом жизни»:

«Органическая совокупность идей, ценностей и верований, присущая американцам, определяет их облик как нации. С социологической и антропологической точек зрения это истинно американская религия, на которой покоится вся жизнь страны, все американское общество. Это гражданская религия в полном смысле этого слова, поскольку в ней жизнь страны достигает апофеоза, национальные ценности становятся религиозными, национальные герои обожествляются, а национальная история воспринимается как летопись морального преобразования».

Американская гражданская религия обладает следующими отличительными чертами, она:

- 1) признает божественное провидение и его особое значение для Америки;
- 2) утверждает свою особую миссию в мире;

¹ Жан-Жак Руссо. Трактаты. М., «Наука», 1969, с. 254—255.

3) одобряет основополагающий тезис о том, что религиозные убеждения несут благо государству, что верующие люди в общепринятом понимании самой религии являются лучшими гражданами, солдатами и политическими деятелями.

Вера в особую миссию американцев и Америки нашла свое выражение уже в самом начале колониального периода, когда религиозные и гражданские лидеры выступали с речами, подобными той, которую произнес Вильям Стотон из штата Массачусетс. Он заявил тогда: «Господь просеял целую нацию, чтобы бросить на дикие земли отборные семена!» В том же духе высказывался и историк XIX века Эдвард Джонсон, обращаясь к поселенцам Массачусетса: «Знаю, что это и есть то место, где Господь создаст и новый рай, и новую землю с новыми церквями, и новое содружество наций—и все вместе, воедино».

Уже первые документы республики констатировали приверженность религии. В джефферсоновской Декларации независимости упоминаются законы природы и бог, люди, которых создатель наделил правами, всевышний, правящий суд над миром, и защита божественного провидения. В своей первой президентской речи Вашингтон обратился к «Всемогущему, который правит Вселенной и который направляет деяния национальных правительств и чья сила провидения позволяет избавиться от любых ошибок». Он говорил о «Невидимой Руке» и «благоклонных улыбках небес». В 1789 году по ходатайству палаты представителей и сената он провозгласил 26 ноября национальным праздником—Днем благодарения и вознесения молитв.

Бог этой гражданской религии ни в коей мере не был скрытым деистом. Это был бог, о котором идет речь в Ветхом завете,—строгий, вознаграждающий, но и карающий. Закон и порядок он ценил больше любви и прощения. Как отметил Джефферсон в вышеупомянутом выступлении, бог не был пассивным созерцателем, он действовал: «Я тоже буду нуждаться в благоклонности Всемогущего, в чьих руках находятся судьбы всех нас и кто вывел наших отцов, как это было с детьми Израилевыми, с их исконных земель и привел их в страну, имеющую все необходимое для жизни».

Эта тема затрагивалась во многих последующих выступлениях вновь избранных президентов, особенно в речи, произнесенной Линдоном Джонсоном в 1965 году. «Коло-

нисты и основатели нашей страны пришли сюда — ссыльные и отчужденные, смелые, но запуганные — в поисках места, где человек может быть самим собой, — сказал он. — Эта страна прилась им по душе. Основанная на принципах справедливости и свободы, сплоченная в единый союз, она должна была в один прекрасный день вселить надежды в человечество. Эти принципы поныне остаются для нас обязательными. И если мы будем следовать им, то нас ждет процветание». А 15 марта 1965 года, выступая в связи с обсуждением закона о гражданских избирательных правах, президент Джонсон сказал: «На большой государственной печати Соединенных Штатов начертаны слова: «Господь благословил наше дело». Господь не благословит все, что мы делаем. Скорее, нашим долгом является освятить его волю. Но я не могу не верить, что он воистину понимает и что действительно благословит дело, которое мы начинаем сегодня».

В речи Линкольна после его вторичного избрания на пост президента Соединенных Штатов много говорится о религии. Один теолог заметил, что она «читается как приложение к Библии. В ней содержится 14 упоминаний Господа, четыре цитаты из Псалмов и святого Евангелия от Матфея, а также другие ссылки на Святое писание».

Гражданская религия и свойственная ей вера слились воедино в религиозно-политическом облике и языке Дуайта Эйзенхауэра. Этот президент казался не только хорошим человеком, а потому стоящим выше политики, но и глубоко религиозным американцем.

С самого начала кампании 1952 года сторонники Эйзенхауэра заявляли, что их действия и цели не являются политическими. Их программа определяется не политическими соображениями, а нравственными и духовными принципами. Кампания проводилась под знаменем крестового похода, хотя трудно было понять, против кого именно. Сторонники генерала Эйзенхауэра заявляли, что, даже если они и не являются абсолютными новичками в политике, их не коснулась политическая коррупция. Они утверждали, что их гражданская совесть чиста. Противникам этой группировки, даже среди республиканцев, наклеивали ярлыки политиканов. Рассуждения на эту тему активно использовались в ходе кампании по выдвижению кандидатов на президентский пост в течение всей осенней предвыборной кампании. Когда кандидат от демократической партии Эдлай Стивенсон заявил, что нравственность официальных лиц представляет собой отражение общего ее уровня в стране, его оппонент не согласился с этим и

задал вопрос: несут ли отдельные граждане Соединенных Штатов ответственность за «потерю Китая» или за правительство, при котором дня не проходило без скандала? В ответ прозвучало решительное «нет».

Во время той же кампании Эдлай Стивенсон сказал, выступая в Нью-Йорке, что «только люди, которые путают себя с богом, могут осмелиться в нашу жестокую и кровавую эпоху претендовать на знание правильного пути к земле обетованной». В ответ на это Эйзенхауэр в речи перед избирателями в Монтане призывал американский народ отбросить неуверенность и нерешительность: «Помните о своей силе и не пугайтесь, потому что вы можете все».

Один из «крестоносцев», член конгресса, видел причину неудач Америки в том, что американцы при содействии своего предшествующего правительства пытались «вступить в сделку с дьяволом — коммунизмом, вместо того чтобы шугануть его, как это сделал Христос, когда его искушали». Спикер палаты представителей республиканец Джозеф Мартин, призывая поддержать республиканского кандидата в конгрессмены, сказал: «Будущее всех религиозных течений зависит от равновесия на выборах 1954 года».

Как избирательная кампания 1952 года, так и процедура вступления нового президента в свои права и его деятельность имели религиозную окраску и постоянно сопровождались морализацией. Вильям Ли Миллер писал: «Можно сказать, что президент Эйзенхауэр, подобно многим американцам, является страстным приверженцем весьма неопределенной религии». После своей первой президентской речи Эйзенхауэр прочел молитву, сочиненную им самим утром того же дня:

«Бог Всемогущий, когда мы стоим здесь, я и мои будущие коллеги по правительственному аппарату, раздели наши стремления и помоги нам целиком посвятить себя делу служения людям, собравшимся здесь, и их согражданам, где бы они ни находились. Дай нам, молим Тебя, умение отличать хорошее от плохого, и пусть в наших словах и делах мы всегда будем руководствоваться законами этой страны. Мы возносим особую молитву, чтобы проявлять заботу обо всех людях независимо от их положения, расы или призвания. Пусть сотрудничество станет общей целью всех, кто в духе нашей Конституции придерживается различных политических убеждений: будем же трудиться на благо нашей страны и во славу Твою. Аминь».

Темы гражданской религии Эйзенхауэр касался и в других речах. Он утверждал при этом: его правительство пытается ввести религию в политическую жизнь; ни одна страна не обладает таким духовным и нравственным влиянием, как Америка, и она является «самой мощной державой из всех, которые Господь счел достойными поместить у своих ног».

В параде 1953 года по случаю вступления в должность нового президента США использовалась так называемая «передвижная платформа Господня». Корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс» писал тогда из Вашингтона: «Плотники работали не покладая рук, сколачивая передвижные платформы для парада, который должен состояться по случаю вступления на пост нового президента. Те, кому принадлежит эта идея, называют эти конструкции «платформами Господними». Имеется надежда, что именно это наименование станет известным всему миру. На прошлой неделе сооружение платформ в арсенале национальной гвардии близилось к концу. Затем один из организаторов парада не обнаружил никаких намеков на то, что наша страна—это нация с душой, исполненной верой в бога. Поэтому в соответствии с библейскими концепциями организаторы решили, что последняя из построенных на автомашинах платформ будет открывать парад. Она представляет собой внушительный макет церкви. На боковых щитах наклеены изображения церквей и религиозных служб. Готическим шрифтом выделены лозунги «Свобода вероисповедания» и «В бога мы верим».

В годы президентства Эйзенхауэра гражданская религия получила признание со стороны закона. В текст присяги включены слова «под богом». Министр связи дал указание выпустить красно-бело-синюю марку со словами «В бога мы верим». Было также решено напечатать те же слова на всех денежных знаках США. Предали гласности закон, предписывающий министерству связи использовать для гашения штемпель с надписью «Молитесь за мир». Президент Эйзенхауэр призвал американцев превратить первое за период его пребывания на посту президента празднование Дня независимости—4 июля—в день, когда замаливаются все грехи. Затем сам он с утра занялся рыбной ловлей, после обеда 18 раз отправил мяч в лунку, играя в гольф, и провел вечер за ломберным столом, развлекаясь бриджем.

В период предвыборной кампании и пребывания у власти Джона Кеннеди гражданская религия приобрела несколько иную окраску. Кеннеди ставил своей задачей убедить

сограждан, что он не придерживается какой-то неопределенной религии и не будет активно пытаться использовать ее в политических целях, а, наоборот, является сторонником твердой веры, религии, обладающей знаменательной историей. Однако он не допустит, чтобы вера оказывала сильное влияние на его деятельность как президента Соединенных Штатов. Касаясь так называемого «католического вопроса», 12 сентября 1960 года Кеннеди (будучи еще кандидатом в президенты) заявил, обращаясь к группе священников-протестантов в Хьюстоне, штат Техас: «Какой бы вопрос мне ни пришлось решать, если я стану президентом,—будь-то ограничение рождаемости, разводы, цензура, азартные игры или что-либо в этом духе,— мои решения будут соответствовать... моим представлениям о том, что лучше для интересов нации, независимо от религиозного давления извне или диктата... Но если вдруг придет время, хотя я не могу представить такого, когда мое положение заставит меня действовать вопреки своей совести или интересам нации, я немедленно подам в отставку. И надеюсь, что любой государственный деятель с чистой совестью поступит так же». Речь Кеннеди при вступлении в должность президента и его программа, однако, содержали те же гражданско-религиозные суждения, которые были характерны для его предшественников. В первом же абзаце своего обращения вновь присягнувший президент солидаризировался с отцами-основателями. И при этом отметил: «Перед всеми и всемогущим богом даю ту же клятву, какую наши предшественники давали почти 175 лет тому назад». Следуя традициям Декларации независимости, он также подтвердил свою веру в то, что «права даруются человеку не щедростью государства, но рукою господней». Президент закончил обращение, прося «его благословения и его помощи, понимая, однако, что здесь, на Земле, мы своими руками должны творить дела господни».

Выступление Кеннеди было лишь частью программы, которая включала также молитву, прочитанную католическим архиепископом Ричардом Кушингом (Бостон), вслед за ним выступили архиепископ православной церкви Яков, протестантский священник преподобный Джон Барклэй и раввин Нельсон Глюк. Их речи походили на благословение собравшихся.

Несколько иной характер имела гражданская религия при правительстве Ричарда Никсона. Религия вошла в Белый дом. Президент не посещал церковь, а регулярно приглашал представителей различных религий для сверше-

ния службы в самом Белом доме. Теологическая сущность такого изменения рассматривалась скорее как непосредственное тяготение к гражданской религии, чем ориентация на доминирующую веру. В самом начале своего пребывания у власти Никсон говорил о себе как о моральном лидере нации. Он использовал язык религии в политическом контексте, не отрывая само ее словесное выражение от религиозного содержания. Им без разбора употреблялось местоимение «мы». Никсон исходил из расплывчатой концепции, согласно которой религиозная и нравственная жизнь нации определяется деятельностью президента. Чарлз Гендерсон отметил, что Никсон «использует церковную терминологию — вера, надежда, убеждение, дух — и применяет ее не к некоему трансцендентному богу, а к своей собственной нации или, что еще хуже, к своему собственному представлению о том, какой ей следует быть».

Гражданская религия в том виде, как ее принимал и использовал на практике президент Джеральд Форд, носила более традиционный характер. Он делал вид, что стремится исполнить божью волю. В послании по поводу помилования Никсона он сказал, что экс-президент действовал как покорный раб божий. (Меня всегда удивляло, почему люди, которые называют себя «рабами божьими», почти всегда добавляют эпитет «покорный». Мне представляется, что любой божий раб может больше верить в себя, как об этом говорится в Ветхом завете, стремится быть не самонадеянным, а обладать спокойной уверенностью.)

Еще преждевременно давать оценку роли религиозных убеждений и действий президента Картера. В своем обращении при вступлении на высший государственный пост и в речах он проявил уважение к традиционным требованиям гражданской религии, молитвам и божественному участию в истории нации. Его неофициальная религия соответствует основным традициям баптизма. Он называет себя «вновь рожденным» христианином. Так не именовал себя ни один президент нашего времени. Картер неоднократно пытался подчеркнуть свое смирение и зависимость от божественного вдохновения и поддержки окружающих. Он признает свое духовное грехопадение, гордыню, а также кается, что поддается соблазнам. Подбирая в 1976 году вице-президента, он просил кандидатов покаяться, хотя бы наедине с ним, в своих ошибках и слабостях. Президент в качестве преподавателя воскресной школы рассуждает на темы писаний, призывая своих слушателей

внять божьему зову, отказаться от своих греховных «страстей» или по крайней мере довериться кому-нибудь. Он говорит о своей собственной религии и исповедует ее гораздо более открыто, чем любой из его предшественников.

Ритуальные аспекты гражданской религии воспринимаются без особой критики. Не возникают или почти не возникают вопросы относительно использования религии в деятельности правительства и в политических мероприятиях, если это делается в достаточно общей форме. Об этом свидетельствует продолжающееся исполнение религиозных обрядов в качестве части официального ритуала: присяга при вступлении на пост президента, привычные молитвы и ссылки на бога в президентских речах, богослужения для военных чинов, оплачиваемые за счет государственных средств, присутствие капелланов в конгрессе и обычай начинать каждое заседание молитвой. Об этом же говорит и довольно некритичное отношение к официальным юридическим документам. В них, как, например, в решении по делу «Зорах против Клаусона» (1952 г.), говорится, что американцы — «народ религиозный и их институты строятся на признании существования всевышнего». В одном из окружных судов в качестве свидетельского было принято показание адмирала Томаса Г. Мурера о том, что в военных академиях должна сохраняться практика обязательного посещения церкви, поскольку религия способствует воспитанию примерных военачальников.

Американцы могут спорить относительно разногласий между сектами, но гражданская религия в широком смысле воспринимается ныне так же, как и во времена Токвилля. Она не рассматривается как замена других религий, а как параллельно существующая, более обобщенная религия. С ней могут гармонично слиться все остальные вероучения. Это несколько напоминает двойное гражданство: общее гражданство, его римляне называли *“jus gentium”*, и более конкретное и утонченное, именуемое *“jus civile”*.

Токвилль, подобно религиозным и светским мыслителям более позднего периода, поднимал вопрос о том, является ли принятие гражданской религии благоприятным для укрепления веры. Некоторые из его собеседников считали ее поверхностной, но полезной. Большинство американцев, с которыми Токвилль обсуждал эту проблему, были уверены, что гражданская религия важна и оказывает большое влияние на жизнь страны. Некоторые же выра-

жали мнение, что религиозные убеждения американцев очень глубоки и искренни. Иные прагматики отмечали, что американцы воспринимали веру как долг. Один плантатор и юрист из штата Луизиана высказался в таком духе: «Для большинства религия — это скорее нечто уважаемое и полезное, чем непреложная истина. Я думаю, что в глубине души они весьма равнодушны к догмам. Об этом никогда не говорят в церквях. Их волнуют прежде всего вопросы нравственности». Другой, доктор из Балтимора, полагал, что за всеми религиозными убеждениями он обнаружил полное безразличие: «Мне кажется, большая часть представителей просвещенных классов сильно сомневается в правильности догм, но они стараются не показывать этого. Ибо чувствуют, что позитивная религия — это нравственный и политический институт, который необходимо сохранить».

Иногда вопрос о безразличии задают и теперь, но обычно им занимаются теологи. Об этом можно прочесть в религиозных разделах популярных газет, а более подробно — в религиозной печати. Политических деятелей, как правило, это мало трогает. Задаваться подобными вопросами не только не принято, но и опасно. В 1955 году сенатор из Западной Вирджинии Мэтью Нили в одной из своих речей мимоходом заметил, что президент Эйзенхауэр посещает церковь и отличается набожностью, но до своего избрания он этого не делал. Нили немедленно подвергся нападкам, стал мишенью газетных передовиц и карикатур. Коллеги по конгрессу начали избегать его. Религиозно настроенные ораторы раздражались в его адрес возмущенными филиппиками. Нили обвиняли во всем — от «плохого вкуса» до «злостной клеветы». Неизвестно, до чего дошел бы конфликт и какое влияние он мог оказать на политические и религиозные сферы, если бы не сердечный приступ, который случился у президента Эйзенхауэра через полгода после скандального выступления Нили. Сенатор положил конец инциденту словами: «Когда Господь накладывает руку на кого-нибудь, Мэтью Нили убирает свою».

Почти через двадцать лет сенатор Марк Хэтфилд (от штата Орегон) бросил вызов гражданской религии. Он упомянул о молитвах во время общественных мероприятий, о надписи «В бога мы верим» на монетах и о других примерах стирания граней между религией и государством. Тенденция к усилению гражданской религии, сказал он, стала «таким явлением, что многие часто не замечают, как становятся объектом манипуляций». И он

продолжал: «Они видят фотографию проповедника, выступающего Билли (Грэхема), словно перед великим крестовым походом. В этой обстановке все кажется преисполненным верой: Билли произносит речь, молится, читает Библию. Билли — один из самых обожаемых и чтимых людей в нашей стране. Билли с римским папой, с госпожой Неру, с королями и королевами, с президентом...» Следующий шаг, по мнению сенатора Хэтфилда, делает христианская, а не светская община: «Билли близок к господу, к Никсону. Поэтому бог распорядился, чтобы Никсон стал президентом, и он получает указания через Билли». Даже это заявление, удивительное для политического деятеля, оказалось опубликованным в религиозном разделе газеты.

Хотя гражданская религия по-прежнему пользуется большим влиянием и не подверглась существенным изменениям, сама религиозность в Америке и взаимоотношения между религией и политикой, как и между церковью и правительством, изменились по сравнению с 1831 годом, притом весьма значительно.

Согласно последней статистике, в Соединенных Штатах основную группу верующих составляют католики, количество которых достигает 49 млн. человек; баптисты насчитывают около 28 млн., методисты — 13 млн., лютеране — 9 млн., приверженцы иудаизма — 6 млн., православные — 4 млн., пресвитерианцы — 4 млн., сторонники епископальной церкви — 3 млн., «святые наших дней» (одна из мормонских сект) — 2 млн. и члены церквей Христа — также 2 млн. человек. Однако доля приверженцев различных религий в общем числе верующих и их абсолютная численность имеют второстепенное значение сравнительно с убежденностью и степенью активности в их религиозной деятельности.

В начале 50-х годов XX века Америка переживала так называемое религиозное возрождение. Об этом свидетельствовал рост посещаемости церковных служб, интенсивное строительство божьих храмов, увеличение количества священников, явно возросший интерес к религии. Эти изменения выдаются некоторыми специалистами в области религии и истории за показатели значительных сдвигов в области религии. Но имеются, однако, и такие, кто подвергает сомнению масштабы и глубокий характер изменений, отмечая, что они не имеют ничего общего ни с теологией, ни с коренной переоценкой нравственных ценностей.

Одним из главных выразителей идей возрождения рели-

гии был Норман Винсент Пил, методистский проповедник из Нью-Йорка. Он всячески подчеркивал значение уверенности в своих силах, самосовершенствования и американского опыта, причем делал это в религиозной форме, в частности в своей книге «Власть позитивного мышления». В тот же период приобрел известность Билли Грэхем; ему свойственно придерживаться более традиционных взглядов, поскольку очевидна его принадлежность к фундаменталистам, а значит, и убежденным проповедникам Библии. С помощью телевидения и других средств информации он сумел стать самым популярным религиозным деятелем. Среди католиков наиболее известной телезвездой стал епископ Фултон Шин, автор нашумевшей книги «Покой души».

Это новое явление в религии тесно связано с благосостоянием страны, более того — с антикоммунизмом и, как ни странно, с патриотизмом. Символы религии и политики стали, по существу, взаимозаменяемыми и трудно различимыми: бог и страна, крест и флаг, религия и патриотизм. Почти любая общественная кампания, будь то выборы генерала Эйзенхауэра в президенты, программа борьбы с бедностью или поиски средств лечения от неких заболеваний, преподносилась как «крестовый поход».

Д-р Пил и епископ Шин почти совсем сошли со сцены. Билли Грэхем остается весьма популярным проповедником наряду с дюжиной других сторонников религиозного возрождения, многие из которых постоянно ведут телевизионные программы. Они говорят о чем угодно — от чистой и неизвращенной проповеди Библии до борьбы за истинную веру.

Новейшие статистические данные свидетельствуют о том, что религиозное возрождение 50-х годов идет на убыль, снизилось посещение церквей и сократился интерес к религии. Более глубокие исследования, опубликованные в 1975 году в книге «Религии Америки» под редакцией Лео Ростена, позволяют сделать следующий вывод: «Церкви вынуждены реагировать на революцию в наших нравственных этических нормах». В книге приводится целый ряд фактов, подтверждающих правильность этого суждения. В частности, отмечается, что:

приблизительно 75 процентов американцев считают, что влияние церкви уменьшается;

только 50 процентов католиков и 37 процентов протестантов посещают церковь в будни;

рождаемость среди католиков падает и приближается к уровню протестантов и сторонников иудаизма;

63 процента опрошенных католичек высказались против ватиканского запрета на использование противозачаточных средств, а 37 процентов заявили, что принимают противозачаточные таблетки;

епископальная церковь отменила постановление об отлучении от церкви разведенных, вступивших в новый брак без разрешения епископа;

раввинский совет, представляющий консервативный иудаизм, проголосовал за включение женщин в «миньян» (минимальное число взрослых членов общины, необходимое для проведения богослужения). Прежде учитывались только мужчины.

Ростен так оценивает эти факты:

«...Я не могу не прийти к выводу, что вера переживает самые глубокие за последние столетия изменения. Церковная власть подвергается нападкам со многих сторон. Традиционные догматы веры в корне пересматриваются. Священные каноны отбрасываются. Религиозная практика ежедневно подвергается изменениям. На руководителей церкви обрушиваются новые дерзкие и настоятельные требования как со стороны священнослужителей, так и со стороны самих прихожан. Можно без преувеличения сказать, что мы являемся свидетелями разрушения единства в цитаделях веры. Какой пророк, какой теолог, какой историк или ученый мог предвидеть драматические события, о которых говорилось выше? Другие явления — такие, как воинственное участие священнослужителей в походах борцов за гражданские права, последствия Второго Ватиканского собора, присутствие у католических алтарей протестантских и европейских священников во время свадебных церемоний, дискуссия на тему «Бог умер», рост числа приходов, не подчиняющихся законам церкви, протесты католиков против доктрины о непогрешимости папы римского, открытая кампания гомосексуалистов против предания их анафеме, растущий скептицизм относительно правильности и эффективности церковных учений, рост групп «божьего дара» и обществ, объединяющих сторонников различных течений, проведение «джазовых месс» и вечеров рок-н-ролла в церквях...?»

Видимо, никто не мог предвидеть ничего подобного, как невозможно точно предсказать, к чему приведут происходящие изменения и все возрастающие требования реформ.

Наряду с тенденцией к большей веротерпимости в американской церкви выявляются и другие новые процессы. Например, четко наметилось стремление к достижению большего единства, преодолению раскола и устране-

нию споров, особенно по вопросам, не затрагивающим основ веры. Эта тенденция, воплотившаяся в так называемом экуменическом движении, касается таких вопросов, как совместные службы, обмен теологами различных религий, пересмотр издавна существующих разногласий, совместные миссионерские программы и т. д. Инициаторами движения были протестанты, позднее к ним присоединились иудаисты и католики.

Сейчас трудно представить себе, к каким социальным и политическим последствиям может привести упадок веры и стремление избавиться от религиозных разногласий.

Токвилль считал, что утрата веры делает людей более восприимчивыми к тирании, ослабляет волю и «готовит людей к рабству». Он также верил, что в эпоху равенства религия необходима для преодоления тенденции к материализму и что она усиливает у каждого чувство социальной ответственности. Ибо, по его словам, «любая религия налагает на человека некоторые обязательства перед людьми, которые выполняются совместно, едиными усилиями со всем человечеством, и, таким образом, изредка отвлекает его от самосозерцания. Причем это справедливо даже в отношении самых ложных и опасных религий. Поэтому верующие, естественно, сильны там, где сторонники демократии слабы. Это говорит о том, насколько важно, чтобы люди, добившись равенства, сохранили свою религию».

С другой стороны, Токвилль считал, что сторонники религии напрасно уничтожают или стараются уничтожить стремление к достижению благосостояния. Они, по его мнению, должны добиваться соблюдения моральных принципов, ограничивать тенденцию к излишнему материализму. Религия, как он считал, «никогда не отучит людей любить богатство, но она может убедить их в необходимости обогащаться только честным путем».

Результаты влияния религии в Америке как силы, сдерживающей материализм, еще не изучены и не носят позитивного характера. В соответствии с доктриной кальвинизма, мирские успехи не следует целиком отрывать от духовного совершенства. Будущее, вечность в какой-то мере творятся и сейчас. Нищета сама по себе никак не служит признаком совершенства; в стране равных возможностей она рассматривается если не как признак божественной неблагосклонности, то по крайней мере как личная неудача.

Церковь всегда была склонна скорее проявить заботу о жертвах общества, чем бросать вызов обществу, или

системе, которая порождает нуждающихся и обездоленных. Веками религия терпимо относилась к рабству, и люди, представители самых различных вероисповеданий, были рабовладельцами, торговцами невольниками или пассивными свидетелями этого общественного явления. Даже в 40-х и 50-х годах XX века, когда горячо обсуждался вопрос о гражданских правах, церковь приняла участие в этом с большим опозданием. В целом она терпимо относилась к расовой сегрегации. Если не считать чисто негритянских религиозных организаций и темнокожих лидеров, церковь включалась в движение за гражданские права медленно и неохотно. То же самое можно сказать и о кампании против войны во Вьетнаме. Вначале среди ее активных противников можно было встретить лишь отдельных священнослужителей. Высшие церковные деятели и официальные религиозные органы не вмешивались, пока протест общественности не приобрел решительного характера.

С другой стороны, в отношении ряда менее значительных политических и нравственных проблем деятельность религиозных организаций оказалась более активной, а иногда она приводила к конфликтам между различными течениями. Люди могут отказаться от своей устаревшей веры, но многие из них будут упорно сохранять свою политическую позицию. Некоторые проблемы пришлось даже разрешать в судебном порядке. По поводу других возникала борьба в органах местного управления, законодательных собраниях штатов и даже в федеральных органах. В иных случаях дело доходило до обсуждения в ООН.

Неопределенная граница по-прежнему проходит между конституционным запретом на учреждение официальной церкви и гарантией свободы вероисповедания. В большинстве случаев, рассмотренных Верховным судом, лучше ознакомиться с самими решениями и не заниматься изучением мнений сторон, если нет желания соглашаться с надуманными трактовками положений Конституции.

Первая поправка к Конституции определяет отделение церкви от государства лишь на национальном уровне. Каждый штат может решать этот вопрос по-своему. Со временем, после принятия четырнадцатой поправки, этот принцип стал применяться и в отдельных штатах.

Решения, принятые различными инстанциями примерно в середине нынешнего века, привели к большим изменениям. В 1940 году Верховный суд постановил, что в качестве основания для признания закона штата недействительным

можно ссылаться на конституционные гарантии свободы отправления религиозных обрядов. Тогда же суд постановил, что власти штата Коннектикут, пытаясь помешать распространению религиозной пропаганды, нарушили Конституцию США. В том же, 1940 году Верховный суд указал, что дети членов секты «служителей Иеговы» не имели конституционного права отказываться от участия в церемонии поднятия государственного флага, как того требовала администрация школы. Через несколько лет при рассмотрении другого дела суд изменил свою позицию и решил, что первая поправка дает право не соглашаться на принуждение, даже в отношении церемонии поднятия флага. Затем суд постановил, что в соответствии со статутом муниципальных органов штата Пенсильвания установление платы за право собирать пожертвования является нарушением религиозных свобод. В решении указывалось, что урегулированию подлежит деятельность маклеров и мелких торговцев, а не религиозных приверженцев.

Еще до 1940 года Верховный суд признал правильным договор между округом Колумбия и госпиталем, который обслуживал женский монастырь одного из католических орденов. Он также разрешил государству оплачивать приобретение учебников в некоторых сектантских школах. В 1947 году суд объявил законным возвращение родителям денег, затраченных на оплату проезда детей на автобусах в приходскую школу и обратно. Но в 1948 году суд признал незаконным использование помещений государственных школ для религиозных занятий во внеучебное время. Иудаисты, большая часть баптистов и представители унитариянской церкви воспротивились этому, а католики и Национальный совет церквей (представляющий многочисленные протестантские церкви) выступили против решения суда.

Последующие судебные дела ориентированы на компромиссную позицию, хотя в некоторых из них было трудно разобраться. В последние годы суд выступал как против расширения церковной деятельности в государственных школах, так даже и за меры по ее сокращению. В 1962 году суд поддержал заявление родителей, которые считали, что одна из молитв, рекомендованная советом учебных заведений штата для государственных школ, не соответствует положению об отсутствии в стране официальной религии. По той же причине суд признал, что чтение Библии в государственных школах противоречит требованиям первой поправки.

В другом случае суд постановил, что адвентистам седьмого дня не следует отказывать в пособии по безработице, если они не могут найти работу, когда суббота является выходным днем. Суд счел также, что граждане могут отказываться от участия в деятельности суда в качестве присяжных по религиозным соображениям.

С каждым новым решением Верховного суда неразбериха все больше усиливается. В 1971 году суд одобрил федеральный закон о финансировании строительства приходских школ, помещение которых будет использоваться участниками для светского обучения, но не разрешил властям штата выплачивать зарплату учителям приходских школ, преподающим общеобразовательные предметы. Особое внимание Верховный суд уделяет тем случаям, когда речь идет о воздействии религии на обучение, особенно в начальной и средней школе. Если дело не касается образования, суд склонен уважать религиозные свободы как позитивные, изначальные права человека. Но если дело касается образования, суд делает упор либо на положение об отсутствии официальной религии, либо, наоборот, на право быть атеистом.

Сложнее всего объяснить основанные на традициях решения Верховного суда по вопросу об освобождении от военной службы исключительно в силу религиозной принадлежности. Причем вероисповедание устанавливается или самим заинтересованным лицом, или же, что еще более странно, исходя из вероисповедания его предков. Так, Ричард Никсон, выходец из квакерской семьи, имел право на освобождение от военной службы в годы второй мировой войны, а Мохаммеду Али, который не пожелал участвовать во вьетнамской войне по религиозным соображениям, как приверженец новой религии черных мусульман, в этом было отказано.

Религиозные споры затрагивают не только суды. Острую политическую реакцию вызвало решение вопроса о молитвах в школе. Были внесены конституционные поправки с целью отмены этого решения и с тем, чтобы разрешить проведение молитв в школах. Этот вопрос широко обсуждался и ставился на голосование. В южных штатах отношение к поправкам имело большое значение для успеха кандидатов во время выборов в конгресс. Тексты молитв были опубликованы в «Конгрешнл рекорд», поскольку предполагалось, что это будет означать отмену запрета суда и позволит освободить школьных администраторов и учителей от ответственности перед законом.

Тенденция к установлению одинакового отношения гражданских властей к религии, о которой писал Токвилль, не нашла широкого развития из-за разногласий по вопросу о деятельности школ.

В других областях, где шла речь о роли и значении религии и церкви, противоречия были более очевидными и достижение примирения или компромисса оказалось не столь трудным делом. Религиозные группы решительно выступили в поддержку сухого закона, который, однако, в конечном итоге был отменен. Споры о применении противозачаточных средств одно время превратились в основную религиозно-политическую проблему, а потом вообще перестали вызывать интерес. Легализация аборт, как и споры относительно школ по-прежнему остаются в центре религиозно-политических противоречий.

Что касается более широкой сферы религиозного взаимопонимания и сотрудничества, создается впечатление, что экуменическое движение уже пережило период своего расцвета. В некоторых церквях, особенно в католической и лютеранской, наблюдается поляризация консервативных и либеральных сил. В начале 1975 года группа теологов (в которую входили протестанты, католики и православные) опубликовала «Хартфордский призыв к теологическому возрождению», устанавливающий границы допустимых уступок новой теологии. Вряд ли это усиление позиций теологии вызовет политическую реакцию или получит сколь-нибудь значительную поддержку.

Хотя общие убеждения, которые содействуют целостности гражданской религии, еще доминируют, пусть с некоторыми оговорками, в общем не наблюдается предсказанного Токвиллем более широкого и глубокого единства, да и вряд ли оно осуществимо.

«Нация с сердцем, исполненным веры», как назвал Соединенные Штаты Жильберт Честертон, ныне меньше верит в свою миссию, в свое предназначение и поддержку провидения, нежели в 1831 году.

ГЛАВА V

Чего следует ожидать от экономики

Токвилль побывал на американском континенте, когда тот был еще практически нетронутым. Он писал: «Больше всего впечатляет сама страна... Вокруг невысыхающие реки, зеленые массивы, водные просторы и бескрайние земли, не знавшие плуга... Теперь, когда я пишу эти строки, тринадцать миллионов цивилизованных европейцев потихоньку захватывают эти плодородные территории, о богатстве и размерах которых они сами не имеют представления. Три, а то и четыре тысячи солдат прогоняют с родных мест кочующие племена. За вооруженными людьми следуют лесорубы. Проникая в чащи, распугивая диких зверей, они обследуют русла рек, подготавливая триумфальное шествие цивилизации по этим диким местам».

В 1831 году все было не так просто, как описывает Токвилль. Уже началась эксплуатация земли, природных ресурсов, да и самих людей, хотя последствия этого еще не были серьезными. Важнейшим видом экономической деятельности являлось сельское хозяйство; по численности фермеры значительно превосходили всех занятых в других областях экономики. Сельское хозяйство представляло собой основной источник богатства. За ним в силу необходимости перевозить сельскохозяйственные продукты следовал транспорт. На экспорт тоже в основном шла сельскохозяйственная продукция, причем более половины ее составлял хлопок.

За пределами Юга находились, как правило, мелкие фермы. Да и там земельные участки были небольшими. Крупные плантации встречались нечасто. Большинство белых фермеров Юга вообще не владели рабами, а у некоторых рабовладельцев их было менее десяти душ.

Если говорить не об отдельных фермерах, а об общем положении в сельском хозяйстве страны, то можно отметить, что в тот период оно становилось все более сложным. Некоторые районы специализировались на выращивании одной культуры, как, например, хлопка на Юге, но в большинстве своем сельское хозяйство было

смешанным. И на Юге, и на Севере разводили скот. На Юге выращивали как продовольственные, так и технические культуры. Как на Севере, так и на Юге фермеры нерационально использовали землю, беспечно истощая ее. Повсюду в стране раздавались призывы к сохранению почвы и применению научных методов ее обработки, но чаще всего они игнорировались. Развитие транспорта и освоение земель за Аппалачами оказывали серьезное воздействие на сельское хозяйство Северо-Востока, особенно таких штатов, как Вермонт, Нью-Гэмпшир и Мэн. Там основное внимание уделялось овцеводству и молочному животноводству, а также выращиванию фруктов, овой, производству лесоматериалов и кленового сахара.

Часть молодежи поступила на фабрики, так и не став фермерами. Другие ушли на Запад, в Огайо и Мичиган, где земля была и дешевой, и плодородной. Токвилль приводит цены на необработанную землю, которые колебались от 1 долл. 25 центов в районе Понтиака, штат Мичиган, до 5 или 6 долл. за акр в районе Сиракуз, штат Нью-Йорк. Основные расходы, писал он, были связаны с вырубкой леса и подготовкой почвы под посев и могли доходить до 10 долл. за акр.

Джозель Пуансетт, явно преувеличивая, рассказал Токвиллю, что на Северо-Западе «земля никогда не остается в руках того, кто ее расчищает. Когда она начинает давать урожай, пионер-землепроходец продает ее и снова рубит лес. Кажется, будто привычка переходить с места на место, все переворачивать вверх дном, ломать и разрушать стала его второй натурой. Зачастую и второй владелец не может заставить себя оставаться на месте. Полностью обработав землю, он в свою очередь продает ее и идет дальше осваивать новый участок. Но третий иммигрант остается. Вот из таких-то и складывается основное население. Другие же составляют авангард цивилизации в диких местах Америки».

Видимо, Токвилль принял это продвижение на запад за истину, ибо позднее он записал: «Американский фермер обычно не оседает на занимаемой земле навсегда; поля расчищаются не для культивации, а для продажи, особенно в западных провинциях. Фермы создают в ожидании... возможности продать их за хорошую цену». Неугомонность и одновременно постоянство отличали тех, кто двигался на новые земли.

Не подтвердилось предположение Токвилля, что земельные участки в Америке будут делиться ради уравнивания землевладений. Это могло случиться в результате наследо-

вания земли без ее отчуждения и наличия права старшего сына на владение недвижимостью. Он отметил, что «остатки родовых титулов и отличий уничтожены; право унаследования повсюду сведено к нулю».

В 1831 году бо́льшая часть промышленных товаров создавалась фермерами на дому или в мелких мастерских ремесленниками, работающими по найму, а не фабричными или заводскими рабочими. Типичным было домашнее производство. Сапожничали и семьи, основным занятием которых являлось сельское хозяйство или рыболовство в таких штатах, как Массачусетс. Портняжное дело также составляло дополнительный источник фермерских доходов.

Мелкие мастерские в городах и на фермах стали вторым источником промышленной продукции. Их организация и деятельность мало чем отличались от образцовых средневековых гильдий с их мастерскими и подмастерьями. Постепенно эта система эволюционировала в торговый капитализм: мастера превратились в мелких подрядчиков, работающих на торговцев-капиталистов. Им принадлежало сырье, а нанимаемым ими ремесленникам — орудия труда. Эксплуатация усиливалась, в результате чего гильдии претерпевали изменения и становились похожими на современные профсоюзы.

«В Филадельфии, Нью-Йорке, Балтиморе, Ньюарке, Питтсбурге, Цинциннати, Буффало, Луисвилле, Сан-Луисе и Новом Орлеане, как и в мелких городах по всей стране, квалифицированные и неквалифицированные рабочие создавали свои независимые общества. Возникали организации сапожников (или башмачников, как их тогда называли), печатников и наборщиков, кузнецов и жестянщиков, кожевников и шорников, плотников и строителей, бондарей и переплетчиков, мебельщиков и багетчиков, пекарей и мыловаров, каменщиков и маляров, портных и шляпников, гребенщиков и щеточников, ткачей и штукатуров, ювелиров и металлистов. В период наибольшего размаха в этом движении участвовало триста тысяч человек».

В 1827 году в Филадельфии произошло объединение шестнадцати обществ ремесленников. Впервые совместное собрание металлистов Нью-Йорка состоялось в апреле 1829 года, в связи с тем что их пытались заставить работать свыше десяти часов в день. Первые мероприятия носили в основном политический характер и проходили с переменным успехом. Они проводились в поддержку земельной реформы, расширения возможностей для

бедняков получать образование, отмены тюремного заключения за долги, военных реформ, сокращения рабочего дня и т. п.

В середине 30-х годов прошлого столетия основным методом выражения протеста трудящихся стали забастовки. В результате забастовочных выступлений к 1835 году за пределами Новой Англии был положен конец практике принудительной работы от восхода до заката (в летний период — более тринадцати часов) и установлен девятичасовой рабочий день. В те же годы достигли успеха забастовки с требованием повышения заработной платы. Но почти все достигнутое в забастовочной борьбе сошло на нет на протяжении 1837 года. Заработная плата была урезана, сократилось число рабочих мест, а большинство профессиональных объединений распалось.

В те времена, когда Токвилль посетил Америку, фабричный способ производства только зарождался. Если не считать разбросанных по всей стране лесопилок и мельниц, представлявших собой скорее местные артели, то можно утверждать, что фабрики как таковые были сконцентрированы в Новой Англии. Основной фабричной продукцией в первую очередь стали хлопковые и шерстяные изделия, хотя фабрики возникали как в машиностроительной, так и в металлургической промышленности. До 1840 года на их долю приходилась лишь небольшая часть производства. Но по мере того как улучшались транспорт и связь, совершенствовалась система финансирования, фабрики становились преобладающей формой производства в Америке. Этому способствовал неослабевающий приток рабочей силы из-за границы. В Уолтеме и Лоуэлле основную массу работавших составляли молодые женщины. Они проживали в общежитиях под надзором хозяев. Правила в них были жесткими, посещение церкви — обязательным. Имелись «черные списки». Рабочий день длился около тринадцати часов, а заработная плата колебалась от 2 до 2,75 долл. в неделю.

Существовали фабрики и другого типа. Рабочие на них не обеспечивались общежитием, но и не находились под постоянным контролем. На таких фабриках работали целыми семьями. Обычно заключался контракт. Им предусматривались определенная рабочая неделя (обычно более 70 часов), наказание за прогулы и опоздания, вычеты из зарплаты за нарушение оговоренных условий или прекращение работы без предупреждения. Зарботки мужчин в конце 30-х годов упали и редко превышали 4 долл. Женщины зарабатывали от 50 центов до 2,5 долл., а

в 1832 году — до 2,75 долл. в неделю, а дети — и того меньше. Те и другие составляли более половины всех работавших по семейным контрактам. Пятую часть всех фабричных рабочих в Пенсильвании в то время составляли дети моложе 12 лет.

Токвиль обратил внимание на возникновение фабричной системы и индустриализацию Америки, отметив, что в ней развивалась новая, промышленная аристократия. Он заметил: «Признано, что, когда рабочий целый день делает одни и те же детали, готовая продукция производится с большей легкостью, быстротой и экономичностью. Чем больше масштабы промышленного предприятия при больших капиталовложениях и кредитах, тем дешевле выпускаемая продукция. Это оказалось верным в отношении очень важных отраслей промышленности.

Система массового производства приводит к деградации рабочего, отмечал Токвиль, видимо считая это неизбежным условием прогресса. Он, однако, обратил внимание и на некоторое противоречие: «...В то время, как основная масса населения стремится к демократии, именно класс, занятый в промышленности, становится более аристократическим... Если проследить за всем ходом развития с самого начала, то представляется, что аристократия сама по себе поднимается из недр демократии»*. Эта аристократия казалась ему теоретически противоречащей демократическому равноправию, но он не видел в этом никакой практической угрозы, поскольку считал, что «нет солидарности среди богачей». По его мнению, промышленная аристократия является одной из самых жестоких на земле. Но в то же время она «наиболее сдержанна и наименее опасна». Думать так заставляли его три момента: богатым недоставало солидарности, их накопления одинаково быстро создавались и исчезали, и, наконец, аристократия не имела большой власти над теми, кто работал на нее. Однако он предупреждал: «Во всяком случае, друзья демократии должны неустанно следить за событиями в плане ее развития».

Ныне, хотя и весьма поздно, мы осознали, насколько стоящим было его предупреждение: «Когда рабочий занят постоянно и исключительно изготовлением одной и той же детали, он в итоге приобретает удивительную сноровку. И

* Этот тезис, сам по себе спорный, весьма уязвим. Видимо, французский юрист полагал, что и в Америке свершался аналогичный процесс. Однако американская «аристократия» вошла в силу не благодаря демократии, но вопреки ей, всячески ее попирая.

в то же время теряет способность осмысливать, что он делает. С каждым днем он становится все более ловким и все менее вдумчивым. Можно сказать, что, в то время как рабочий в нем совершенствуется, человек — деградирует».

«Чего можно ожидать от человека,—спрашивает Токвилль,—который двадцать лет своей жизни изготовлял булавочные головки? Каким образом может он применить тот мощный человеческий интеллект, так часто потрясавший мир, кроме как для совершенствования производства булавочных головок?» Французский исследователь приходит к выводу, что при такой работе мысль человека «постоянно прикована к объекту повседневного труда, тело его приобретает определенные навыки, от которых он никогда уже не сможет избавиться. Короче говоря, человек принадлежит уже не себе самому, а избранной им профессии...» Тщетны попытки закона и морали устранить мешающие человеку преграды и открыть перед ним тысячи новых дорог к благополучию. Сама профессия привязывает его к рабочему месту, которое он не в состоянии покинуть.

Токвилль ожидал потрясений в фабричной системе в результате противоречий между опекой старой и бессердечностью новой промышленной аристократии: «...Аристократия прошедших эпох в силу закона или сложившихся обычаев приходила на помощь своим слугам, оказавшимся в беде. Но промышленная аристократия наших дней, доведя работающих на нее людей до нищеты, до положения животного, в период кризиса бросает их на милость общественности...» Так писал он не только об американской промышленной и деловой аристократии, но и о том, как, по его наблюдениям, должна была развиваться Европа...

Недавно Объединенный профсоюз работников автомобильной промышленности вступил в переговоры с промышленниками, занимающимися производством автомашин. Он пытался заключить коллективный договор, который предусматривал бы гарантии сохранения рабочего места за членами профсоюза путем включения в него положения, запрещающего увольнение рабочих в период экономического спада. В случае сокращения объема производства или повышения эффективности труда последовало бы эквивалентное сокращение продолжительности рабочего времени всех квалифицированных наемных работников без снижения их заработной платы. Временные или постоянные увольнения не должны иметь места. Подобным же образом Объединенный профсоюз работни-

ков сталелитейной промышленности стремится к всестороннему и надежному обеспечению запросов своих членов с помощью требования о предоставлении пожизненных гарантий сохранения рабочих мест, даже в случае выхода на пенсию.

Соблюдение интересов рабочих сводится скорее к учреждению правовой системы и оказанию юридической помощи, чем к традиционным требованиям, касающимся имущественных отношений. В то время как организованные трудящиеся предпринимают меры в этом направлении, гарантии в отношении обеспечения работой нарушаются в результате судебных решений, подтверждающих изредка права цветных меньшинств, а также женщин в области трудовых отношений. Эти обстоятельства вынудили профсоюзных лидеров напомнить членам своих организаций о том, что наряду с принадлежностью к ним длительный трудовой стаж представляет собой почти столь же ценное достояние.

Предположения Токвилля о том, что возникнут условия, аналогичные крепостничеству, не подтвердились. Однако, если мы поверим свидетельствам людей, с которыми беседовал Стадс Теркель, изложивший свои наблюдения в книге «Работа», степень разочарования и недовольства среди трудящихся очень высока, а чувство безнадежности широко распространено. Психологическое состояние рабочих более неблагоприятно, чем даже материальные условия их существования. В самый разгар своей деятельности они чувствуют — по крайней мере многие из них, — что попали в западню и лишены самостоятельности. Подтверждается предсказанная Токвиллем тенденция к деградации человеческой личности, содержащаяся в вопросе: «Что можно ожидать от человека, который двадцать лет своей жизни изготавливал булавочные головки?»

Токвилль отмечал, что американское правительство проводило политику невмешательства в предпринимательскую деятельность. По его словам, оно «не предоставляло субсидий», не оказывало «содействия торговле» и не «покровительствовало литературе или искусству». Единственным исключением явилась помощь по строительству каналов и магистральных дорог, хотя она исходила главным образом от органов местного управления и штатов. Поддержку развитию различных видов транспорта правительственные органы со временем стали оказывать во все больших масштабах. Предоставление субсидий на строительство железных дорог, особенно путем выделения необходимой для них земли, было характерным явлением.

Федеральная программа создания системы шоссейных дорог за счет введения налога на продажу бензина создала постоянную финансовую базу для осуществления величайшего в истории государственного строительного проекта. Обеспечение судоходства на реках, сооружение и эксплуатация речных портов осуществляются главным образом за счет государственных средств в соответствии с традицией, восходящей по крайней мере к 1830 году.

Токвиль, не останавливаясь на возможных последствиях, отметил еще одну важную тенденцию в области коммерческой деятельности: увеличение регистрируемых корпораций. В период его путешествия частновладельческая — притом чаще всего совместная — собственность превалировала. По словам Токвиля, на него произвела впечатление деятельность корпораций. Свидетельство тому — следующее заключение, явно почерпнутое из книги Джеймса Кента «Комментарии к американскому праву»: «Мы в небывалой степени плодим в этой стране институты корпоративного типа и придаем им столь гибкий характер, наделяем столь разнообразными задачами, что ничего подобного не было известно римскому или английскому праву».

В настоящее время почти 80 процентов производственной деятельности в США контролируется корпоративными организациями, функционирующими согласно выданным властями штатов разрешениям. Расхождения между крупнейшими корпорациями и правительством во все большей мере устраняются не в рамках закона, а на основе переговоров. Несколько лет назад, когда компания «Дюпон» получила распоряжение продать в соответствии с антитрестовским законодательством акции «Дженерал моторс», соответствующие его положения и предусмотренные им санкции не применялись. Конгресс принял специальные правовые акты, призванные обеспечить передачу собственности на акции. Почти аналогичным образом были решены проблемы, связанные с налогообложением страховых и нефтяных компаний, когда чаще прибегали к переговорам, чем к применению решений правительственных органов и законодательных норм. Подобное же отношение было характерно и для правительственных мероприятий, касавшихся сталелитейной промышленности и осуществленных в последний период. Во время корейской войны президент Трумэн, пытаясь предотвратить забастовку, издал распоряжение о передаче этой отрасли под правительственный контроль. Дело было передано в

Верховный суд, а независимое положение сталелитейной промышленности сохранено. Последующие попытки вмешательства в дела этой отрасли осуществлялись различными способами. В ответ на значительное повышение цен на сталь администрация Кеннеди не пыталась применять существующие законы или обращаться в суд. Она прибегла к средствам общественного осуждения этой акции и, согласно некоторым сообщениям, ночным телефонным звонкам, а также по крайней мере намекам на использование услуг ФБР.

Во время пребывания у власти Джонсона президенты сталелитейных корпораций были вызваны в Белый дом для «накачки». Им втолковывали, что цены на сталь следует снизить. Создавалось впечатление, что, если бы руководители корпораций определяли цены, находясь в Белом доме, все было бы нормально, но если бы это было сделано в Питтсбурге, то они могли бы оказаться в тюрьме. Дело обстояло так, будто король вызвал к себе лордов и заявил им: «Если вы согласны одобрить предлагаемые меры в моем присутствии, они утверждаются. Но если вы будете осуществлять их самостоятельно у себя в Уэльсе, вы наживете массу неприятностей». Правительству США вменялось учреждать нечто вроде дипломатических представительств при ведущих корпорациях, особенно тех из них, которые осуществляют активные торговые и финансовые операции за границей.

У нас в Америке существует некий корпоративный феодализм. В одном из определений феодальной системы говорится, что в ее условиях каждый простой человек принадлежит кому-нибудь, а все остальные являются собственностью короля. В соответствии с современными представлениями почти каждый рабочий принадлежит какой-либо корпорации, а все остальные составляют собственность правительства, будь то федеральная администрация, власти штата или местного управления.

Немногие рабочие в Соединенных Штатах владеют собственными предприятиями. К чему они стремятся — так это к безопасности, которую на основе контракта или закона дает им работа. Аргументы, приводимые в подтверждение права на труд, все больше и больше напоминают доводы, используемые для обоснования права на собственность: во-первых, приоритет тех, кто уже имеет работу, а во-вторых, утверждение о необходимости обеспечения «стабильности» общества. Подобные претензии находят поддержку со стороны судебных органов. Например, в 1961 году компания «Джеммер мэньюфэкчуринг», детройт-

ский филиал «Росс гиз энд тул компани оф Индиана». приняла решение о переводе своего производства в Лебанон, штат Теннесси. Она при этом отказалась перевести основную массу занятых у нее членов Объединенного профсоюза работников автомобильной промышленности на новое место работы. Тогда несколько рабочих предъявили судебный иск. Федеральный окружной суд вынес решение о справедливости утверждения рабочих, что их права выходят «за пределы срока, предусмотренного коллективным трудовым договором». Было отмечено, что эти права «распространяются на предприятие независимо от его фактического местонахождения в соответствии с данным и предшествующими контрактами». Согласно судебному решению, компания «обязывалась и должна была восстановить на работе, исходя из продолжительности трудового стажа», лиц, работавших у нее по найму и уволенных в Детройте, даже если перемещение производства в Лебанон могло привести к прекращению функций профессионального союза в качестве представителя рабочих в отношениях с компанией.

Многие корпорации расширили свою деятельность за пределы Соединенных Штатов и превратились в международные или многонациональные объединения. Особенно заметными были темпы их роста в последние годы. Как пишут в своей книге «Глобальная хватка» Барнет и Мюллер, сравнение годового объема продаж некоторых многонациональных корпораций с валовым производством отдельных стран показало: продажи «Дженерал моторс» превысили объем производства таких стран, как Швейцария, Пакистан и ЮАР, а масштабы операций «Ройял датч шелл» превзошли производство в таких странах, как Иран, Турция и Венесуэла. «В процессе развития нового мира,— указывают авторы,—управляющие фирм, подобных «Дженерал моторс», «Интернэшнл бизнес машин», «Пепсико», «Дженерал электрик», «Пфайзер», «Шелл», «Фольксваген», «Экссон» и нескольким сотням других, ежедневно принимают деловые решения, оказывающие более значительное воздействие, чем указания большинства суверенных правительств...» Корпорации благодаря операциям как внутри самих стран, так и в международном масштабе превратились в самостоятельные центры власти. Они приобрели такой характер и сконцентрировали такую мощь, что оказались вне сферы действия американских законов по отношению к коммерческим и финансовым учреждениям.

Форма богатства изменялась на протяжении почти 150

лет, истекших после 1831 года. Вместо владения реальной и четко определяемой собственностью (земля, магазины, машины, инструменты, скот и т. д.) теперь существуют правовые титулы на закладное имущество, акции, облигации, лицензии и сертификаты, контракты, коллективные трудовые договоры и т. д. Однако вымывания собственности до опасного предела, которого опасался Токвилль, не произошло. Сохранилась мелкая, принадлежащая одной семье ферма, хотя общая тенденция состояла в образовании крупных хозяйств. В законах о гомстедах (1862 г.) и о претензиях (1902 г.) были предприняты попытки установить в качестве стандартного участок в 160 акров, однако этот размер не соблюдался. Средняя площадь хозяйств возросла со 151 акра в 1930 году до 387 акров в 1957 году. За то же время количество ферм сократилось с 6,5 млн. до 2,8 млн. Однако темпы уменьшения количества ферм за последние годы резко упали: в 1966 году было ликвидировано 99 тыс. ферм, в 1970 — всего 45 тыс., в 1975 году — 22 тыс. ферм.

Распределение личного богатства выявить трудно, и оно в лучшем случае отражает относительное положение с точки зрения владения собственностью и контроля над ней. Имеются признаки того, что концентрация богатства в Соединенных Штатах снизилась за последние полвека, однако это изменение не было существенным. Видимо, оно отражает проявление временных или особых исторических сил (Великой депрессии и второй мировой войны), а не коренные тенденции в развитии экономики. Исследование распределения богатства, осуществленное Робертом Дж. Лэмпманом, показывает, что наибольшая степень концентрации богатства в Америке существовала накануне Великой депрессии. Как сообщает автор, в 1929 году самые богатые американцы, составлявшие 0,5 процента населения, обладали 30 процентами чистого богатства, находившегося в распоряжении всех граждан. В это время акции корпораций представляли собой основную форму частных активов. Возрастание цен на акции почти в четыре раза за период между 1921 и 1929 годами увеличило стоимость акций, принадлежавших главным образом богатой части населения. Крах на рынке ценных бумаг сократил стоимость активов в виде акций, поэтому к 1933 году указанные 0,5 процента населения потеряли 22 процента своего богатства. По оценке Лэмпмана, в 1939 году эта группа имела 28 процентов собственности, то есть произошло увеличение ее доли по сравнению с 25,2 процента в 1933 году. Им установлено, что в 1945 году

этот показатель составлял 20,9 процента национального богатства, а к 1949 году — уже 19,3 процента.

Исследования, касающиеся периода от второй мировой войны вплоть до спада на рынке ценных бумаг в 1973—1974 годах, показали постепенное увеличение доли богатства, находящегося в руках этой группы. По некоторым данным, она повысилась в 1953 году сначала до 22,7, а затем до 25 процентов и на этом уровне, видимо, стабилизировалась. Единственное существенное изменение в активах состоит в уменьшении количества акций различных корпораций. В 1953 году наиболее богатые 0,5 процента населения обладали 86 процентами акций по стоимости из числа всех акций, находившихся в личном владении. К 1969 году этот показатель оценивался в 44 процента. Результаты переписи, проводившейся нью-йоркской фондовой биржей примерно в тот же период (1952—1970 гг.), показывают почти пятикратное увеличение численности держателей акций. Доля наиболее богатой части населения, владеющей другими видами активов — такими, как некорпоративные коммерческие активы, дома, мебель и т. д., — несколько возросла, но это увеличение не было значительным.

Передача имущества в доверительное распоряжение представляет собой специфическую для богатых слоев форму владения собственностью. Оценка данных за 1976 год показывает, что около 81 процента стоимости подобного имущества принадлежало 0,5 процента наиболее богатых владельцев, а 90 процентов приходилось на долю наиболее богатых граждан, составлявших 1 процент населения.

Более существенным, чем обладание богатством в виде имущества, показателем экономического благосостояния или бедственного положения американцев является распределение доходов. Ведь их обеспеченность зависит главным образом от ежегодных поступлений в виде заработной платы, окладов, пенсий, прибылей мелких коммерческих предприятий или ферм. В распределении доходов наблюдаются значительные различия. Статистические данные о них оставляют желать много лучшего, однако в качестве общих ориентиров они вполне надежны и со всей очевидностью свидетельствуют о двух фактах: во-первых, распределение доходов отличается высокой неравномерностью; во-вторых, значительная часть населения живет на доходы, уровень которых большинство американцев считает совершенно неудовлетворительным. Это говорит также и о том, что за последние двадцать

пять лет не наблюдалось сколь-нибудь существенных изменений в относительной доле доходов богатых и бедных слоев населения.

Недавно опубликованные сведения фиксируют: 20 процентов американских семей с наиболее низким доходом получают около 5 процентов общей ежегодной суммы доходов, а на долю 20 процентов самых богатых семей приходится около 41 процента этой суммы. В отношении дохода на душу населения степень различий оказывается еще более высокой. Самые бедные, а их 20 процентов, получают 4 процента общей ежегодной суммы дохода, а 20 процентов самых богатых лиц — 48 процентов. В 1976 году семья, не связанная с сельскохозяйственным производством, состоящая из 4 человек, квалифицировалась как бедная при ежегодном доходе ниже 5815 долл. Если исходить из относительных критериев и норм, на основании которых определяются статистические показатели бедности, численность бедняков за последние годы снизилась с 39,5 млн. (или 22,4 процента населения) в 1959 году до 25 млн. (или 11,8 процента) в 1976 году. Резкое сокращение их количества произошло между 1962 и 1969 годами, а затем имело место постоянное колебание этого показателя. Среди беднейшей части населения имеется очень высокая доля стариков, детей, негров, а также семей, где главой являются женщины.

По мере того как происходило уменьшение численности бедняков и их доли, они все больше и больше отличались от населения в целом. Хотя имеются признаки того, что реальные доходы беднейших слоев возросли, их положение по отношению к остальному населению за последние десятилетия не улучшилось. Налицо доказательства того, что класс бедняков — более или менее стабильный, характеризующийся общими особенностями возраста, расы и пола — уже сформировался в Соединенных Штатах.

Проблема бедности не сводится только к количественным показателям и не может истолковываться лишь экономическими категориями. Эта проблема связана с национальной философией. И ее сущность не изменилась с того времени, когда ее изложил в XIX веке Герберт Спенсер: «Повсюду в природе мы можем наблюдать суровую дисциплину, которая оказывается немного жестокой, чтобы оказаться очень благодатной... Нищета беспомощных, беды, постигающие безрассудных, голод ленивых и то, как сильные оттесняют слабых... — это требования широкой, дальновидной благотворительности... Нам надо вывести на чистую воду тех фальшивых филантро-

пов, которые, пытаясь предотвратить нищету, вызовут еще бóльшую бедность в среде грядущих поколений. При всем том к подобным филантропам должны быть отнесены все защитники закона о бедности... Они не замечают того, что в соответствии с естественным порядком вещей общество постоянно отторгает от себя своих членов — нездоровых, слабоумных, тупых, неустойчивых, лишенных веры. Движимые филантропией люди, неразумные, хотя и стремящиеся к добру, выступают за вмешательство, которое не только приведет к прекращению очистительного процесса, но даже увеличит пороки общества...» Согласно этой теории, причины бедности и ее последствия коренятся в ней самой. Она, скорее, не является следствием других воздействующих сил — экономических, социальных, исторических, — подрывающих общество, либо личных физических или духовных недостатков.

Дальнейшая программа действия может быть определена на основе выбора между сохранением традиционного подхода (одной из разновидностей его является нечто вроде субсидирования фермерских хозяйств; в этом случае бедняки выступают в качестве иждивенцев государства и просителей) и новым подходом, защищаемым во имя права на благосостояние. Его сторонники весьма смело утверждают: каждый американец имеет право на получение приличного дохода, если он работает, стремится работать, но не имеет для этого возможности либо неспособен трудиться вследствие инвалидности или по семейным обстоятельствам.

В наши дни политическая тенденция не состоит в стремлении к обеспечению равенства в плане владения богатством или к достижению его лучшего распределения. Она направлена на обеспечение уравнивания доходов с помощью регулирования подоходного налога. Первоначальная концепция подоходного налога как источника поступлений для покрытия государственных расходов и механизма по осуществлению выплат налогоплательщиками предусматривала также оказание помощи беднякам. Система эта была дополнена и ныне подразумевает использование подоходных выплат для достижения равенства в доходах, получаемых сверх установленного уровня нищеты. Подобная задача наиболее четко была сформулирована в предложениях о перераспределении доходов, представленных сенатором Джорджем Макговерном в ходе предвыборной кампании 1972 года, когда он баллотировался на пост президента. То же самое имеется в виду и в предложениях специалистов — политэкономов консерва-

тивной ориентации относительно учреждения «негативного подоходного налога», а также отражено в недавно введенных в действие «налоговых скидках».

Политические последствия определения степени увеличения собственных доходов с помощью опросов до сих пор практически не проверялись. Рост личной собственности в Англии эффективным образом содействовал уничтожению средних собственников или по крайней мере укреплению старого класса имущих. В ограниченном виде последствия процедуры голосования для решения вопроса об увеличении собственных доходов проявились в тяжелой ситуации, возникшей в Нью-Йорке. Там при отсутствии соответствующей налоговой базы путем голосования было принято решение о субсидировании системы городского транспорта, здравоохранения, жилищного строительства (особенно это относилось к программе контроля над квартирной платой), повышении пенсий и окладов, а также введении почти бесплатного высшего образования.

Президент Джимми Картер в своей речи при вступлении на президентский пост заявил, что Америка уже достигла высокой степени свободы личности и ныне занята созданием условий по обеспечению равных возможностей. Это — странная трактовка существа Декларации независимости. Ведь в ней, наверное, не подразумевалось, что свобода и равенство представляют собой последовательные этапы развития. При наличии некоторого противоречия между ними они рассматривались в качестве одновременно существующих условий. Однако рамки подобного противоречия должны позволять всем добиваться своего благоденствия и в какой-то мере извлекать из него пользу.

Другим показателем, свидетельствующим о нарушениях в механизме функционирования экономики Соединенных Штатов, является количество безработных в стране. Несмотря на то что производительность американской экономики после второй мировой войны возросла более чем вдвое, уровень безработицы остается высоким и в так называемые «нормальные» периоды, и тем более оказывается еще выше во время экономических спадов. Наиболее сильный спад отмечался в 1975—1976 годах, когда уровень безработицы составил более 8 процентов работоспособных, а число безработных в гражданских отраслях производства достигло почти 8 млн. человек.

При решении проблем безработицы, как и бедности, решающее воздействие оказывают давние, окостеневшие концепции. Теории по этим вопросам не восходят к XIX веку, они возникли в период Нового курса. В каче-

стве способа непосредственного облегчения положения безработных предлагается выплата им пособий в более широких масштабах наряду с учреждением специальных государственных мероприятий, дополнительных рабочих мест (не оказывающих конкурентного воздействия на те из них, которые существуют в условиях нормального функционирования экономики). Попытки решения более сложных проблем предпринимаются на основе рекомендаций и суждений кейнсианских и некейнсианских экономистов, с помощью повышения дефицита федерального бюджета, возникающего в результате снижения налогов и больших государственных расходов.

Продолжает оставаться в силе тезис о том, что расширение масштабов экономики приведет к вовлечению в производство безработных, хотя, как показывает исторический опыт, этого не произойдет. Имеющиеся факты свидетельствуют о том, что целесообразнее было бы перераспределить объем работы среди имеющихся рабочих. В Соединенных Штатах подобные меры не предпринимались с конца 30-х — начала 40-х годов XX века, когда на основании закона о заработной плате и продолжительности рабочего дня для большинства американцев была установлена сорокачасовая рабочая неделя при восьмичасовом рабочем дне. Чтобы вовлечь в производство тех, кто сейчас лишен возможности принимать в нем участие, необходимо сократить продолжительность рабочего дня, недели и количество часов, отработываемых каждым работником ежегодно. В последний раз длительность рабочего времени была установлена почти сорок лет назад, и на протяжении этого периода происходило развитие технического прогресса. Можно ожидать, что ввиду истечения столь большого срока будут внесены необходимые поправки в законодательство.

Еще одна проблема, лишь недавно признанная экономистами, предпринимателями и финансистами, состоит в том, чтобы потенциал американской экономики оказался ограниченным. Поддавшись общему духу оптимизма, который подогревался быстрым экономическим развитием Соединенных Штатов и других стран в послевоенный период, и особенно в 60-е годы, экономисты стали выдвигать прогнозы о почти беспредельном росте в будущем. Финансисты, предприниматели и политики разделяли такие радужные представления, что отражалось на их энтузиазме в деле расширения экономической деятельности. Предприниматели заимствовали средства, банки увеличивали кредит. Правительство использовало дефицитное финансирование

даже для ведения войн, предполагая, что рост экономики в будущем компенсирует подобную безответственность. День или год расплаты наступил в 1974 и 1975 годах совершенно неожиданно, хотя сама она не должна была вызывать удивления. Экономика Соединенных Штатов начала проявлять признаки слабости в самой своей основе: инфляция сопровождалась безработицей. Экономисты ничего не могли сделать, кроме как развести руками, выдвинуть какие-то объяснения политического и морального характера, а также придумать несколько новых терминов вроде «стагфляция»*. Реальная же проблема состояла в чрезмерном потреблении продовольствия, топлива и других материальных ресурсов, перерасходе денежных средств и злоупотреблении кредитом.

К 1975 году американский народ превратился в величайшего — если не сказать, самого чрезмерного — потребителя в истории. Тогда население США составляло 5 процентов мирового населения и израсходовало $\frac{1}{3}$ мирового производства топлива и 40 процентов производства алюминия и марганца. В 1971 году американцы использовали почти в два с половиной раза больше белковых продуктов, чем японцы, которые вовсе не страдают от недоедания. Сейчас 78 процентов американского зерна скормливается скоту. Соотношение между затратами растительного белка и выходом животного белка в этом случае составляет 21:1 для говядины и телятины; 8,3:1 — для свинины и 5,5:1 — для птицы. К примеру, около 21 фунта соевых бобов превращается в 1 фунт протеина.

В 1940 году средняя мощность двигателей в расчете на душу населения составляла 21 лошадиную силу (л. с.); к 1960 году она равнялась 62 л. с., а к 1971 году достигала 93 л. с. Согласно официальным сообщениям, в расчете на каждого американца ежегодно используется 28 тонн материалов, извлеченных из шахт, собранных на полях, добытых в лесах и океанах. Душевое потребление материальных ресурсов в США более чем вдвое превосходит таковое в Западной Европе. Что же касается такого потребления в остальных странах, то невозможно подыскать какую-либо рациональную основу для сопоставления. Народы многих стран мира жили бы гораздо лучше, используя отходы американского производства и потребления вместо имеющихся в их распоряжении товаров и ресурсов, если бы удалось найти способ их доставки.

* Неологизм из слов «стагнация» и «инфляция».

Около 40 процентов всех автомобилей в мире принадлежит гражданам Соединенных Штатов — один автомобиль приходится на два человека. 10 процентов продукции материального производства в стране используется для строительства и обслуживания этих автомобилей, и 15 процентов ежегодного мирового производства бензина расходуется для их заправки.

Америка не всегда была страной чрезмерного и расточительного потребления. Значительное время в начале XX века в сельскохозяйственном производстве и на транспорте использовалось небольшое количество горючего. Основной тягловой силой были лошади, и кормом им служила сельскохозяйственная продукция. Городские рабочие и их семьи проживали поблизости от места работы. Это существенным образом отличалось от нынешнего положения, когда расстояние от дома до работы в США составляет в среднем 15 миль.

Хотя разбазаривание ресурсов и чрезмерный оптимизм имели место на всем протяжении двухсотлетней национальной истории, только после второй мировой войны стали очевидны исключительные масштабы подобного расточительства. Эта война вселила новую уверенность в потенции науки и техники по созданию условий для все большего удовлетворения материальных потребностей человека. Ученые-естественники обнадеживали экономистов, последние вдохнули веру в политиков, банкиров и предпринимателей. Военные, выдвигая доводы экономического порядка, выступали за подготовку ко всевозможным войнам по типу прошлых, настоящих и будущих. Министр обороны Роберт Макнамара отважился заявить о способности Соединенных Штатов вести одновременно две войны, подобных вьетнамской, и все-таки иметь масло. Экономисты начали рассуждать о хозяйственном росте в мирный период, как будто чуть ли не сама война являлась причиной его роста. Для распределения средств, получаемых от федеральных налогов, между администрациями штатов и местными органами управления предлагалось ввести систему рационального использования государственных доходов.

Разбухание федерального бюджета превратилось в правило. Примерно со 110 млрд. долл. в 1963 году он возрос приблизительно до 500 млрд. долл. в 1978 году. Государственный долг федерального правительства увеличился за тот же период с суммы, составлявшей около 100 млрд. долл., до 874 млрд. долл. В огромной мере возросли потребительские и коммерческие кредиты. Экономический

рост и увеличение производства превратились в самоцель. Мы могли производить и продавать автомобили больших размеров, поэтому мы должны были делать это. Крупногабаритные и быстроходные автомобили требовали больше горючего, гаражей, мест для стоянок, больничных коек для пострадавших в автомобильных катастрофах, широкой сети дорог разного типа. Нефтяные компании были готовы предоставить топливо, а общество — удовлетворить другие потребности автосервиса. Тем временем ветхие здания обречались на слом еще до того, как они приходили в негодность, часто это делалось ради специальных налоговых льгот. На смену старым возводились новые здания, многие из них целиком изолировали жильцов от внешней среды и почти полностью зависели от собственных дорожных систем отопления и кондиционирования воздуха.

Новые виды потребления обуславливают специфику активных и пассивных сторон этого процесса. На рынке появляются электрические зубные щетки и открывалки для консервных банок наряду с электрическими велоэргометрами. Создаются телевизоры, на экране которых изображение появляется немедленно после включения, и телевизоры с дистанционным управлением. Моторные лодки вытесняют гребные суда и яхты. Снегоходы сменили санки, лыжи и снегоступы. Упаковка товаров превратилась в крупнейшую индустрию, а оберточная бумага и пластиковая пленка засорили улицы городов и обочины сельских дорог. Уборка мусора превратилась в серьезную проблему.

Заранее планируется устаревание товаров, в обоснование чего выдвигаются соображения, заимствованные из макроэкономической и микроэкономической теорий. И американская промышленность выпускает такие товары, программируя их полное разрушение в пределах установленного срока. Раньше времени устаревшие автомобили попросту бросают на улицах Нью-Йорка или других городов Америки. Вместо неоднократно используемых бутылок применяются жестяные банки, а их приходится выбрасывать. Рекламные агентства призывают «покупать, руководствуясь порывом», и люди поддаются этому призыву.

Бросающееся в глаза обилие мусора, которое ранее невозможно было и вообразить себе, стало отличительной чертой американской жизни. Как нация мы обнаруживаем, что строим слишком много, если не сказать, страдаем от излишка домов; мы перекормлены, хотя миллионы

бедняков страдают от недоедания; у нас переизбыток транспортных средств в виде чрезмерно мощных автомобилей. И к тому же—если принять на веру подсчеты экспертов, а они утверждают, что мы располагаем ядерной мощностью, способной более пятнадцати раз уничтожить административные центры и крупнейшие города СССР,—мы обладаем чрезмерной защитой или чрезмерной обороной, если согласимся, что обычные войны и обычные виды оружия устарели.

Положение в США не является отчаянным. Страна все еще обладает потенциалом, позволяющим удовлетворить ее экономические нужды. Что нам требуется—это пересмотр наших представлений. Прежде всего мы должны задать себе несколько суровых вопросов о самой нашей сущности и о нашем национальном характере.

Насколько далеко мы зашли в уничтожении самих себя как общественных существ? Насколько мы приблизились к бесчеловечному состоянию? Его в следующих словах описал Эрик Фромм: «Человек, как винтик в производящем механизме, превращается в вещь и теряет все человеческое. Его время тратится на занятия, в которых он не заинтересован, он производит вещи для него совершенно безразличные, он проводит время с людьми, не вызывающими у него интереса; когда же он не производит, он потребляет. Человек—это вечный грудной младенец с открытым ртом, «поглощающий» без каких-либо усилий со своей стороны все, что бы ни навязывали ему отрасли, производящие средства против скуки (или вызывающие ее): сигареты, спиртные напитки, кинофильмы, телевидение, спорт, лекции. И использование их ограничено лишь его денежными средствами».

Что нам необходимо, так это постоянная моральная заинтересованность, требующая не жертв или героических добродетелей, а лишь согласия на проявление в разумных пределах сдержанности, ответственности за природу и мировые ресурсы.

ГЛАВА VI

Закон и адвокаты

Во время поездки Токвилля в 1831 году как юридическая практика, так и судопроизводство в Америке были запутанными и противоречивыми. Соответственно общие рассуждения Токвилля о них в условиях демократии более правильны, чем его замечания об их реальном состоянии. Когда в конце 20-х годов XIX века профессия юриста превратилась в мишень, она еще полностью не вышла из того состояния упадка, в котором находилась в период Американской революции и после нее. Накануне революции эта профессия повсеместно пользовалась уважением. Во многих колониальных территориях юристы занимали видное общественное положение. Весьма неопределенное толкование понятия «адвокаты», преобладавшее в тот период, позволило считать ими 26 из тех 56 лиц, которые поставили свою подпись под Декларацией независимости. Из 55 делегатов Конституционного конвента* 31 являлся адвокатом. В составе первого сената Соединенных Штатов насчитывалось 10, а в палате представителей из 65 членов — 17 адвокатов.

Однако в целом революция оказала отрицательное влияние на положение юристов. В революции приняли участие лишь немногие из них, в то время как значительная часть активно поддерживала британское колониальное правление и впоследствии бежала из страны или прекратила занятие юридической практикой. Во многих штатах адвокатам, не оказывавшим поддержки революции, запретили заниматься практикой на основании специальных законодательных актов или в соответствии с постановлениями судов. Влияние, которым пользовались юристы, было еще больше подорвано в результате экономических неурядиц, последовавших за победой революции. В после-революционный период изъятие задолженности, лишение

* Имеется в виду Конституционный конвент, собравшийся в 1787 г. в городе Филадельфии и выработавший текст Конституции США, ратифицированной в 1788 г. и действующей поныне.

права на выкуп заложенного имущества, возвращение собственности ее хозяевам и т. д. являлись основными видами правовой деятельности. В представлении большинства людей адвокаты выступали защитниками собственников и угнетателей.

Суды, законодательство и юристы—все попали под огонь критики. В начале XIX века законодательные собрания некоторых штатов приняли репрессивные законы, направленные не только против самих юристов, но и против норм английского обычного права. Судебная практика из-за общего низкого уровня подготовки правовиков оказалась в состоянии полного хаоса. Оппозиция против норм обычного права становилась все более широкой и ожесточенной. Причиной критики этих норм и отказа от них послужил тот факт, что они вели свое происхождение от английского права, а также их сложность и запутанность.

Происходил процесс развала всей системы судопроизводства и правовых отношений, в среду юристов попадало все больше слабо подготовленных, неквалифицированных людей. Адвокаты, особенно в западных штатах, не имели почти никакого специального юридического образования. Иные из них знакомились с практикой адвокатских контор и, присутствуя на судебных заседаниях либо изучая отчеты о них, получали некоторое представление о правовых нормах. Однако начиная с 1830 года даже требование о знакомстве с практикой адвокатских контор как необходимом условии юридической деятельности повсеместно игнорировалось. Ею разрешалось заниматься кому угодно, если судья выносил решение, что данный человек способен так или иначе трактовать законы.

Отсутствие четких норм и примитивные условия той эпохи находили свое отражение и в деятельности судов. Заселявшие Запад колонисты считали, что процесс судопроизводства должен носить эгалитарный, то есть уравнительный, характер, а опыт является лучшим учителем. Многие судьи были плохо подготовленными, даже малообразованными людьми. Зачастую ими являлись богатые фермеры, торговцы или землевладельцы.

Адвокаты и те, кто проявлял интерес к правовым вопросам как из любопытства, так и в силу своего социального или профессионального положения, не во всех случаях уступали давлению со стороны общественности. В послереволюционный период в индивидуальном порядке и через соответствующие организации они начали ответную борьбу. Хотя и случались неудачи, подобные

усилия продолжались, несмотря на сопротивление Запада и правительства демократов во главе с Эндрю Джексон. Дэвид Хоффман в своей вступительной лекции по праву в университете штата Мэриленд говорил об особой ответственности адвоката как человека, который «соответствует определенным профессиональным требованиям и важному занимаемому им положению». А член Верховного суда США Джозеф Сторн характеризовал выступавших в нем адвокатов как «часовых, охраняющих Конституцию». Сторн добавил также, что «нельзя представить себе более благородной цели для их устремлений и патриотизма, чем роль преданных защитников Конституции...»

Юристы продолжали заниматься практикой, сталкиваясь с острой критикой и не пользуясь полной поддержкой или уважением со стороны общественности. Томас Джефферсон создал в 1826 году юридический факультет в Вирджинском университете «для преподавания обычного и кодифицированного права, правовых норм «канцлерского суда», как и феодальных, гражданских, торговых и морских законов, естественного и национального права, а также основ государственного управления и политической экономии». В феврале 1826 года, когда Джефферсон принимал участие в выборе кандидатуры на пост профессора права, он писал Джеймсу Мэдисону: «Мы должны обратить особое внимание на его политические принципы. Вы наверняка помните, что до революции студентами, изучавшими право, повсеместно использовался элементарный учебник Коука Литлтона, самого разумного автора среди сторонников партии вигов, им наиболее глубоко изложена сущность ортодоксальных доктрин британской Конституции, или того понятия, под которым подразумевались «английские свободы». Вы также помните, что в тот период все наши юристы были приверженцами вигов. Но когда это неуклюжее, хотя и не лишенное коварства учение вышло из моды и подслащенный мэнсфилдизм* Блэкстона** стал повседневным руководством для студентов, с этого времени профессиональные юристы (а из них и вырастают члены нашего конгресса) все более тяготели к политике тори, и почти все молодые юристы придерживаются ныне подобных взглядов. Они не осознают более реального значения понятий «виги» или «республиканцы».

* Словообразование от имени У. Мэнсфилда (1705—1793), известного английского юриста.

** Имеется в виду У. Блэкстон (1723—1780), крупнейший юрист Британии XVIII в.

Именно в наших школах мы должны поддерживать священный огонь, и оттуда он должен распространиться на другие братские штаты».

В 1826 году был открыт юридический факультет Йельского университета, в 1829 году его реорганизовали в юридический факультет Гарвардского университета. Молодые люди из высокопоставленных семей, проживавших в восточных штатах, начали переселяться на Запад. Некоторые из них заложили основу известности и богатства своих семей, занимаясь юридической практикой. Альфонсо Тафт положил начало той группе, которая стала известна под названием «династия Тафтов» в штате Огайо. Переселявшиеся на Запад изменили не только собственную карьеру, но и судьбу последующих поколений своей семьи—они занимались юридической практикой, политикой, как и многим другим. Их имена сохранились в названиях благотворительных фондов, городов и компаний—таких, как «Кимбол» и «Паркер» в штате Висконсин. Джеймс Уайткомб, уроженец штата Вермонт, занимался юридической практикой в Блумингтоне, штат Индиана. В честь него был наречен поэт из этого штата Джеймс Уайткомб Райли.

В этот период в западных приграничных штатах появились собственные юристы. Подобно тому как Нью-Йорк и Филадельфия в более ранние времена завоевали репутацию штатов, располагавших наиболее квалифицированными юристами, отныне западные и приграничные штаты стали постепенно выделяться подготовкой тамошних адвокатов. В начале XIX века адвокаты в штате Индиана считались наиболее образованными на северо-западной территории и соответственно они заняли доминирующее положение в юридической практике и политической жизни там, а позднее и учрежденного штата. Теннесси также пользовался репутацией штата, из которого вышли наиболее выдающиеся юристы. Среди них такие специалисты, как Эндрю Джексон, Джон Белл и Джеймс К. Полк. Отсюда вышли также многие юристы, получившие известность в других штатах, особенно Сэм Хьюстон, выехавший в Техас, и Томас Харт Бектон, переселившийся в Миссури.

Несмотря на путаницу, противоречия и некоторый упадок, годы, непосредственно предшествовавшие поездке Токвилля и последовавшие сразу после нее, стали временем, когда была заложена основа собственно американского обычного права. В течение этого периода великие адвокаты и судьи своими спорами, вердиктами и мнениями формировали грядущее право. В таких адвокатов превра-

тились Лютер Мартин, Уильям Пинкней, Иеримия Мэйсон, Даниэль Вебстер, Хорас Биннери и Реверди Джонсон. К ним относились судьи Джон Маршалл, Джеймс Кент, Джозеф Сторн, Джон Б. Гибсон и Томас Раффин.

Специалист по французскому праву Токвилль пришел к заключению, что практиковавшееся в Америке обычное право было менее точным и менее рациональным, чем в его собственной стране. Тем не менее он считал его подходящим для Америки и видел в нем консервативную силу, которая одновременно способствовала защите свободы. «Родившееся среди варваров, в недрах цивилизации,— писал он,— обычное право несовершенно, однако оно дышит духом независимости, присущим тем векам, когда начало расцветать».

Отмечая противоречия в американском праве, Токвилль писал, что принимаемые законы «зачастую являются нечеткими или неполными, иногда нарушают достигнутые или санкционируют опасные права; даже если бы они оказались хорошими, их частые изменения обернулись бы существенным злом». Однако он видел преимущества ориентации на местные интересы, наблюдая, как различные муниципальные законы способствовали тому, чтобы наиболее острые эмоции населения, способные нанести вред государству, прежде всего концентрировались вокруг проблем данного города или прихода. Его общий вывод состоял в том, что американская правовая система была хорошей и, по всей вероятности, могла стать еще лучше в будущем. Токвилль считал, что американцы располагали достаточным временем, чтобы делать ошибки и учиться на них. Его, кажется, мало взволновали высказывания одного квакера, объяснявшего, почему в Филадельфии предпринимались попытки помешать неграм принять участие в голосовании: «Закон у нас не имеет никакого значения, если он не поддерживается общественным мнением». Токвилль отмечал: «В новых штатах на юго-западе страны граждане почти всегда берут дело отправления правосудия в собственные руки и убийства являются частыми». Он также писал, что «дуэлям там все еще отдается предпочтение по сравнению с судебными исками».

Токвилль считал, что американцы в целом соблюдали законы, поскольку они могли принимать участие в голосовании и этим способом оказать воздействие на их разработку. Он был уверен, что янки повиновались своему праву «не только потому, что эти законы были результатом их активности, но и потому, что они могли их изменить, если бы в силу каких-либо обстоятельств

законы нанесли бы им ущерб; американцы подчинялись законам как злу, навязанному самим себе, а оно вдобавок является лишь временным злом». В соответствии с его теорией участие масс в формировании законоположений обеспечивало поддержку законодательной системы со стороны народа.

Если американцы были подобным образом предрасположены к восприятию законов и их соблюдению, они, по мнению Токвилля, обладали еще более глубокой и не столь критичной лояльностью по отношению к судебным решениям.

Доверие к судам или потребность в таком доверии основываются на двух обстоятельствах. Прежде всего, как отмечал Токвилль, «вряд ли найдется в Соединенных Штатах такая политическая проблема, которая рано или поздно не превратится в юридический вопрос». Затем он обращал внимание на тот факт, что Верховный суд США представлял собой наиболее влиятельный судебный орган в мире, обладавший окончательным правом выносить решения относительно соответствия законов американской Конституции. В дополнение к юрисдикции в отношении договоров, федерального законодательства и международного права Верховный суд, как писал Токвилль, «можно определить в качестве обладающего полномочиями на привлечение к ответственности представителей высшей государственной власти. Когда секретарь суда, поднимаясь на трибуну, провозглашает следующие несколько слов: «Дело по иску штата Нью-Йорк против штата Огайо», сразу чувствуешь—это не обычный суд. А когда задумаешься над тем, что одна из этих сторон представляет миллион человек, а другая—два миллиона, поражаешься ответственности, возложенной на семерых человек, чье решение удовлетворит или огорчит столь многих их сограждан». И далее: «Мир, процветание и само существование Союза постоянно находятся в руках этих семи федеральных судей. Без них буква Конституции оказалась бы мертвой...» Им отмечается жизненно важное значение того обстоятельства, чтобы члены Верховного суда оказались людьми величайшей честности и способностей. Токвилль предупреждал: «Если когда-нибудь в Верховный суд попадут безрассудные или продажные люди, для Конфедерации возникнет угроза анархии или гражданской войны».

Видимо, американцы ощутили важность сохранения целостности Верховного суда, его независимости от политического влияния и стабильности. Следует в первую очередь отметить сопротивление попыткам Франклина

Д. Рузвельта «заполнить суд своими сторонниками» даже в период его наибольшей популярности и самой широкой повсеместной поддержки предложений в политической области, если они ни в коей мере не выходили за конституционные рамки. План президента предусматривал уступку в пользу существующего суда, поскольку он предполагал расширить его состав, когда состоявшие в нем члены достигали семидесяти лет, чтобы не вынуждать их выходить в отставку.

По мнению Токвилля, Верховный суд был, как он остается и в наши дни, последней инстанцией и важнейшим защитником свободы. Он считал, что его значение возрастет по мере того, как демократия будет становиться все более эгалитарной. Причина этого, по его убеждению, состояла в том, что «таким образом частные права и интересы всегда оказываются в опасности, если только не происходит рост полномочий судов и расширение их сферы в той же степени, в какой возрастает равенство условий». В наши дни судебные решения часто содержат требования об обеспечении равенства. Совсем нелегкой оказывается участь судов во время усиления напряженности в общественных отношениях, когда равенство или требование его затрагивают принцип свободы и то неравноправие, которое составляет условие свободы и ее следствие.

Составители Конституции испытывали опасения в отношении демократии и равенства. Из-за самонадеянности или в силу мудрого предвидения они предусмотрели, что составленная ими Конституция не может быть изменена, если предложение о внесении поправок не будет одобрено двумя третями членов обеих палат конгресса либо Конституционным конвентом и утверждено не менее чем тремя четвертями законодательных собраний всех штатов. Возможно, они проявляли излишнюю скромность в своих стараниях сохранить Конституцию в том виде, в каком она была составлена. Если бы они в меньшей мере доверяли демократии, стремление к изменению Конституции, особенно характерное для нашего века, могло бы значительно ослабнуть. За весь XIX век было внесено всего четыре поправки. Три из них—тринадцатая, четырнадцатая и пятнадцатая—представляли собой изменения, обусловленные итогами Гражданской войны*.

* Имеется в виду война между северными и южными штатами в 1861—1865 гг., в основе этого конфликта находилась проблема рабства.

В XX веке, начиная с принятия шестнадцатой поправки спустя примерно сорок лет после предыдущей, тенденция изменить Конституцию становилась все более выраженной. Попытки применения механизма поправок получили значительно более широкое распространение. Это делалось для достижения реальных политических целей, а не только ради изменения существующих процедур или уточнения фундаментальных прав. Например, шестнадцатая поправка в большей степени касалась существа законодательства, нежели изменения правовых принципов. Однако ее принятие сопровождалось ослаблением конституционных гарантий относительно соблюдения установленного порядка и сохранения личной тайны. Они были неизбежны в силу способа взимания подоходных налогов, как и контроля за соблюдением налогоплательщиками соответствующих правил. Семнадцатая поправка, предусматривающая прямое голосование при избрании сенаторов, отражала общенациональное стремление к совершенствованию косвенной избирательной системы. Этим самым в национальных масштабах распространилась практика, уже существовавшая во многих штатах либо находившаяся в процессе внедрения. Она имела действительно радикальный характер, поскольку затрагивала конституционный принцип представительного государственного управления с помощью различных выборных процедур. Вместе с тем поправка противоречила бытовавшему со времен принятия Конституции представлению о роли сенаторов. В тот период они рассматривались в качестве представителей штатов, действовавших на довольно формальной и самостоятельной основе — почти как если бы они являлись послами.

Восемнадцатая поправка (о запрете торговли спиртными напитками) знаменовала собою новый шаг: использование механизма изменения Конституции для достижения конкретных социальных решений, в данном случае — воздействия на нравы и моральные нормы. Хотя она была отменена через тринадцать лет после вступления в силу, ее неудача не предотвратила усилий, направленных на достижение других моральных и социальных, даже религиозных целей путем поправок к Конституции. Недавние решительные усилия сводились к принятию такой поправки, которая обеспечила бы отмену или изменение соответствующего постановления Верховного суда. Согласно ему, все, что касается абортов, не подлежит строгому или существенному контролю со стороны законодательных органов. Другая выдвинутая поправка, менее активно

поддержанная населением (однако отстаивавшаяся как некоторыми политиками, так и гражданскими лицами), предлагала разрешить—вновь вопреки решению Верховного суда—чтение молитв в средних бесплатных школах. Это явилось одним из объектов предвыборной кампании, хотя и менее острой и напряженной сравнительно с борьбой по вопросу об абортах.

Количество поправок, как принятых, так и предложенных, касающихся решений Верховного суда либо предвосхищающих их, увеличилось. И это весьма показательно. Очевидными примерами тому являются принятые в нынешнем веке такие поправки, как шестнадцатая, восемнадцатая и двадцать четвертая. Сам факт их принятия свидетельствует об иной оценке роли Конституции—по крайней мере в трактовке Верховного суда. В то же время степень уважения к суду как институту (то есть поддержка его со стороны населения) продолжала оставаться высокой. Существует общее мнение, что участие в работе Верховного суда оказывает положительное влияние на характер судей. После эксперимента Рузвельта немногие политики осмеливались вносить предложения, сколь-нибудь серьезно затрагивающие prerogatives Верховного суда. А тезис, будто занимаемая должность изменяет человека, использовался для оправдания лишь поверхностного рассмотрения прямо относящихся к его обязанностям предложений.

Об уважении к должности члена Верховного суда непосредственным образом свидетельствует следующее. Президенты, использовавшие сам суд или его членов для проведения политических мероприятий либо в иных целях, немедленно подвергались критике. Президент Трумэн столкнулся с ожесточенными нападками из-за того, что поручил судье Роберту Джексону принять участие в Нюрнбергском процессе. Аналогичным образом президент Джонсон оказался под огнем критики, когда он назначил Верховного судью Эрла Уоррена главой комиссии по расследованию обстоятельств убийства Д. Кеннеди. Л. Джонсона порицали и за использование сотрудников других высших государственных органов для выполнения функций вовсе не юридического и не законодательного характера.

В целом отношение к судам низшей инстанции и к самим судьям в значительной мере иное, чем к Верховному суду. Если оценки Токвилля соответствуют действительности, то они свидетельствуют об изменении такого отношения, поскольку он отмечал повсеместное уважение к судьям и

их влияние далеко за пределами суда. Он писал, что «американский судья постоянно окружен людьми, привыкшими уважать его более высокий интеллект по сравнению со своим собственным, происходит ли это на каком-либо частном увеселении или в суматохе политической деятельности, на рынке или в законодательном органе».

Отсутствие уважения к судьям отражает недоверие и подозрительность к политической деятельности. Обычно они занимают свою должность, обладая определенной политической поддержкой или придерживаясь соответствующей ориентации. Кандидатуры в федеральные судебные органы выдвигаются президентом и утверждаются сенатом. В двадцати двух штатах судьи назначаются губернатором или законодательным собранием; в некоторых случаях они выдвигают кандидатов, которые затем проводят самостоятельную избирательную кампанию. В четырнадцати штатах судьи избираются без указания их партийной принадлежности, в двенадцати других — как представители той или иной партии. Сроки пребывания на судебном посту также разнообразны.

Недоверие к судам и интерес к их деятельности имеют более глубокие причины, чем те политические моменты, которые связаны с назначением или выборами судей. Только после окончания второй мировой войны и принятия исторических решений о гражданских правах нация начала свое движение к созданию единой правовой системы для всех американцев. В прошлом, то есть по крайней мере с момента достижения компромиссов, которыми закончилась эпоха Реконструкции*, юридическая практика, в том числе по вопросу о назначениях на судебские посты, носила региональный характер. Существовал один комплекс требований, предъявлявшихся к судьям на Северо-Западе, несколько иные выдвигались на Среднем Западе и на Севере, по-другому выглядели они на Юго-Западе, специфические критерии существовали в южных штатах. Региональные различия, сказывавшиеся на позиции сенаторов от отдельных штатов, весьма сильно воздействовали на президентские решения о назначениях в федеральные судебные органы. В самом сенате рекомендации их членов от тех районов, где должны были функционировать судьи, принимались почти без колебаний.

Впервые оппозиция региональным различиям возникла в связи с назначением окружных судей. Сенаторы, пред-

* Имеются в виду преобразования, проводившиеся на Юге в период с 1865 по 1877 г.

ставлявшие соответствующие округа и даже не имевшие к ним непосредственного отношения, стали проявлять заинтересованность в этом вопросе, по мере того как гражданские права превращались в общенациональную проблему. Притом растущая мобильность промышленности, расширение деловых контактов исключали изолированное существование какого-либо отдельного штата. Стремление к единой правовой системе в конечном итоге коснулось назначения членов федеральных окружных судов. При этом исходили из справедливой предпосылки, что стандартная юридическая система по всей стране должна создаваться прежде всего на этом уровне. В большинстве случаев не было необходимости дожидаться пересмотра структуры нижестоящих судебных инстанций или соответствующих решений Верховного суда.

Одно из первых предложений Уоррена Бергена, выдвинутое после того, как он стал председателем Верховного суда, сводилось к тому, чтобы заменить прямоугольный стол, за которым заседают его члены, столом в форме подковы. (Он утверждал, что подобное изменение позволит судьям видеть, кто из них в данный момент высказывается. Длительное время считалось, что правосудие является слепым, а не глухим.) Существуют гораздо более серьезные проблемы и трудности в осуществлении правосудия, чем вопрос о глухоте судей. Прежде всего возникает вопрос: почему столь большое количество проблем передается на рассмотрение суда?

Первая причина состоит в том, что социальные, экономические и политические институты в США функционируют неэффективно. В своем традиционном виде они почти никогда не воспринимаются без сомнений или критической оценки. Старые отношения теряют свою силу, они более не имеют поддержки со стороны общественности. То, что некогда воспринималось в виде разумных правил достижения договоренности и разрешения спора, более не считается таковым. Институционные отношения, которые в прошлом обеспечивали разрешение конфликтов между индивидуумами и организациями, более не признаются. Держатели акций, раньше пассивно ожидавшие дивидендов, теперь предъявляют судебные иски директорам корпораций. Пациенты, прежде нежно привязанные к своим врачам, возбуждают дела об их профессиональной некомпетентности. Студенты судятся с университетами. В роли ответчиков выступают представители церкви, когда ее инакомыслящие члены ставят вопрос о том, кто в качестве истинного приверженца древней религии имеет под-

линные права на эту церковь. Детская лига через суд была принуждена допустить девочек к участию в организуемых ею играх.

Вторая причина сводится к тому, что сложность американской жизни требует нового определения основных свобод, гарантированных первыми десятью поправками к Конституции. Применяемые определения и законы не соответствуют современному уровню техники и существующей практике. Свобода слова и печати имеют сейчас совершенно иной смысл по сравнению с ранними днями существования нашей республики. Первая из них вряд ли означала что-либо иное, кроме права заявить что-либо на площади перед скоплением народа, другая — опубликовать брошюру или выпускать газету. Ныне свобода слова и печати затрагивает сложные вопросы монопольного контроля прессы, деятельности телевизионных и вещательных станций по правительственным лицензиям, да и права самой администрации (превратившейся в основной источник информации для средств ее распространения) предоставлять или скрывать всякого рода важные сведения. Свобода собраний в прошлом обозначала не что иное, как право людей организовывать митинги. Теперь она должна распространяться на демонстрации, марши протеста и даже неопределенные формы организации, основанные лишь на обычном общении, притом некоторые из них представляют собой нечто вроде заговора.

Когда были приняты первые десять поправок к Конституции, право на неприкосновенность личности осуществлялось требованием предъявления ордера на обыск, а также запрещением расквартировывать войска в домах, принадлежащих частным владельцам. Ныне этому праву возникает угроза вследствие наличия сложных технических устройств для слежки за людьми. Многие из этих проблем не поддаются достаточно четкой юридической классификации, что вызывает огромные трудности для судебной практики.

Третья причина усложнения работы судов состоит в том, что другие государственные институты оказались неспособными выполнять свои основные функции. Когда конгресс и президент не в состоянии проявить инициативу в отношении проблем, связанных с гражданскими правами, в действие были вынуждены вступать суды. Особенно четко это проявилось в вопросе о соблюдении принципа «один человек — один голос», а позднее — при осуществлении попыток устранить расовую сегрегацию в школах путем доставки учеников в школы на автобусах. Неспособ-

способность конгресса и исполнительных органов к осуществлению соответствующих мер свидетельствовала об отсутствии административного механизма, процедурных правил или средств, необходимых для выполнения решений суда.

Четвертая причина осложнений в деятельности судов обусловлена тем, что конгресс и президент не смогли привести старые законы в соответствие с требованиями современности. Ими приняты другие законы, представляющие собой не что иное, как благие намерения, почти неприменимые на практике. Например, федеральные законы против торговли наркотиками устарели. Наказания за употребление марихуаны абсурдны, однако предполагается, что суды будут обеспечивать соблюдение неприменимых и смехотворных законов. Значительная часть нашего антитрестовского законодательства не имеет существенно-го отношения к текущим проблемам.

Следует ожидать, что отправление правосудия окажется в какой-то мере запутанным и противоречивым при существовании системы, которая должна обеспечивать равные права при равном для всех законе. Если говорить откровенно, то вопрос сводится к тому, реальна ли задача достижения равенства. На него трудно дать верный ответ. Не составляет труда найти примеры провалов в достижении идеала. Факты, касающиеся свободы и равенства прав, свидетельствуют, что положение в этой области далеко от идеального. Древние римляне были более честными или более объективными, чем мы. Они признавали, что имели две правовых системы: одну — для граждан римского государства, вторую — для других проживавших в империи людей. Мы же настаиваем, что имеем только одну систему, однако в действительности их по крайней мере четыре.

Во-первых, существует идеальная система, которой мы справедливо гордимся. Сюда относится Конституция, где сформулированы права; процесс жизнедеятельности государства не абстрактен, но является реальностью. Мы верим в эту систему. Она существует и действительно функционирует для многих американцев, которые имеют положение, деньги и соответствуют одному-двум другим требованиям.

Вторая правовая система предназначена для бедных, расовых меньшинств, молодежи, для тех, кого не устраивает их положение. Она допускает подслушивание телефонных разговоров и применение другой изощренной аппаратуры. Именно в рамках такой системы ФБР проникло в социалистическую рабочую партию и другие группы,

противостоящие истеблишменту, и приняло меры по подрыву их деятельности. Внутри системы конституционные права истолкованы самым различным образом.

В-третьих, имеется система для военнослужащих. В ней сохраняются многие из противоречий и неравенство, существующие в гражданском обществе в более ограниченном специализированном комплексе правовых норм. Этой системе была предоставлена возможность совершенно независимого развития. На нее почти не обращали внимания до тех пор, пока жестокости войны и несправедливости, присущие военной среде, не были распространены и на саму Америку в результате вьетнамской войны. Последствие — наказание одного лейтенанта за массовые убийства в деревне Ми Лай, в то время как генералу, отдавшему распоряжение о несанкционированных налетах на Вьетнам, было позволено уйти в отставку даже без рассмотрения его «казуса» военным трибуналом. Его лишь незначительно понизили в звании, и ему назначили полную пенсию.

Одновременно главнокомандующий войсками США вел кампанию за переизбрание на пост президента страны, угрожая, что он заставит уклоняющихся от призыва на военную службу молодых людей «дорого заплатить» за это.

Четвертая система применяется в отношении тех, кто обеспечивает соблюдение законности в других структурах. Существо применяемого в данном случае принципа состоит в следующем. Лица, действующие от имени государства, должны соблюдать правила процедуры и нести ответственность в соответствии с нормами, отличающимися от правил и норм, существующих для других людей. Наличие такой исключительной системы в наиболее очевидной форме проявилось при осуществлении правовых акций в отношении самых значительных политических фигур администрации Никсона — президента и вице-президента.

Выдвигаются предложения и предпринимаются усилия с целью обеспечения большего порядка, согласованности и справедливости. Одна группа соображений касается изменения существующего процессуального порядка: сокращения сроков рассмотрения дел в судах, пересмотра функций присяжных, ограничения числа апелляций, назначения большего количества судей, более четкого определения юрисдикции, осуществления контроля за информацией общественности о существе дела до его судебного рассмотрения или до вынесения решения суда и т. д. Другие

инициативы относятся к улучшению деятельности тех, кто осуществляет толкование и применение законов — речь идет о повышении квалификации адвокатов и судей.

Многие споры по разным вопросам, имевшие место в прошлом, сохранили остроту и актуальность. Является ли система суда присяжных эффективной в качестве инструмента отправления правосудия? Во времена Токвилля ее дееспособность подвергалась сомнениям. Адвокат из Алабамы указал Токвиллю на проблему гласности до судебного заседания. «Присяжные заседатели,— сказал он,— знают о деле до того, как оно будет рассматриваться в суде. В таверне это дело будет обсуждено и решено до того, как оно попадет в суд». По мнению французского юриста, приходилось отменять некоторые решения присяжных из-за неправильного толкования законов или (не столь часто) из-за ошибок в оценке фактов. Токвиль вообще выразил сомнения по поводу оправданности существования суда присяжных и даже в отношении степени его влияния на правосудие, особенно в области ведения гражданских дел. Однако он рассматривал такой суд в качестве политического института и утверждал, что всегда именно с этой точки зрения должно оцениваться его значение. Этот суд, писал он, следует «считать одной из форм осуществления суверенных прав населения». По мнению Токвилля, институт присяжных способствует распространению уважения к судебным решениям, содействует формированию у граждан представлений о равенстве, убеждает их в необходимости осознавать и нести ответственность за свои собственные поступки перед обществом. «Я считаю,— отмечал он,— что основная причина практической рациональности и политического здравого смысла американцев состоит в их давнем опыте по применению суда присяжных в гражданских делах». И он добавлял: «Я знаю, что он полезен для тех, кто принимает решение. Я считаю его одним из наиболее эффективных средств в управлении обществом».

Хотя участие в коллегии присяжных является в наши дни уделом немногих граждан и очевидные преимущества в сфере гражданского воспитания, отмеченные Токвиллем применительно к деятельности присяжных заседателей, не могут быть отчетливо продемонстрированы на конкретных примерах, его общие наблюдения сохраняют силу и в наши дни. Коллегия присяжных рассматривается в качестве формы, с помощью которой могут быть выражены суверенные права населения, даже если степень этого суверенитета в действительности может быть очень огра-

ниченной. Суд имеет право пренебречь мнением присяжных заседателей, однако во многих случаях их вердикт имеет решающее значение. А коллегия присяжных рассматривается в качестве ограничения власти кодифицированного закона и его практического применения в судебной практике.

Адвокаты в наши дни выполняют такие же функции, как и их предшественники еще до начала Гражданской войны. Они занимают прежнее место в обществе или по крайней мере претендуют на него и поныне оказывают влияние на американскую политическую жизнь. Оно, правда, совершенно несоразмерно с их количеством, хотя существовавший до Гражданской войны тип адвоката — государственного деятеля более не существует. Их воздействие и влияние носит теперь скорее количественный, чем качественный характер. Около 55 процентов членов конгресса США составляют адвокаты. Из четырех последних хозяев Белого дома двое были адвокатами, хотя они получили известность в большей мере благодаря своей политической карьере, нежели юридической деятельности.

Отмеченная Токвиллем тенденция к ориентации адвокатов на консервативную точку зрения, которая была распространена во время его поездки, не столь четко проявляется в наши дни. Она в большей степени присуща тем адвокатам, кто занимается скорее юридической практикой, чем политикой, либо тем, кто совмещает эти два занятия. Если исключить адвокатов, ведущих уголовные дела, и то новое поколение, которое специализировалось на проблемах публичного права или защите отдельных классов, то обычная адвокатская практика связана с имущественными интересами. Может быть, неверно, что изучение права приводит к консервативным тенденциям и ощущению принадлежности к привилегированному и вышестоящему слою интеллектуалов, о которых говорил Токвилль, или что «в глубине души адвоката обнаруживаются склонность и привычка, присущие аристократии». Либо что адвокаты разделяют присущую аристократам «инстинктивную приверженность к порядку и их естественное стремление к соблюдению формальностей, благодаря которым у них формируется свойственное им сильное отвращение к поведению толпы и тайное презрение к народовластию». Однако справедливо и следующее утверждение. Юридическая практика приводит многих адвокатов в ту среду, которой принадлежат накопленные богатства, в нее входят люди, в чьих руках находится экономическая власть над нацией.

Покойный сенатор Уэйн Морзе утверждал, что не существует такой вещи, как частная юридическая практика; он считал, что каждый адвокат (в силу его профессии и принесенной им клятвы) является слугой суда, закона, справедливости и общества. Жизненности концепции Морзе в большой мере способствует деятельность адвокатов, которые посвящают свое время и таланты защите бедняков, тех, кто непопулярен, и отщепенцев американского общества. Достаточно свежим примером является тот факт, что в 1976—1977 годах адвокаты, добровольно участвовавшие в процессах, выиграли восемнадцать из них по вопросу о праве независимых кандидатов на участие в выборах.

Однако в действительности юридическая практика в основном носит частный характер. В таких случаях первое место, видимо, занимают интересы самого адвоката, затем—его клиента, третье место принадлежит профессиональным амбициям адвоката, четвертое—требованиям самого закона и наконец—интересам общества. Адвокат корпорации и вообще адвокат, работающий по найму как в частной промышленности, так и в государственном секторе, представляют собой сравнительно новое явление. Из-за этого к юристам возникает больше вопросов, чем они сами могут задать или ответить на них.

Конфликты в обществе вызывают коллизии в юридической теории и практике. В демократическом обществе, хотя процесс трансформации и может занять значительное время, в конечном итоге право должно стать обычным. Влияние мер или препятствий конституционного характера и замедленный характер правовых процессов могут затормозить, но не предотвратить изменения. В наши дни на юристов постоянно оказывается особое давление. В некоторых отношениях оно направлено не по адресу и даже необоснованно, поскольку основную ответственность за существующее положение несут политики и законодатели. Преобразования нового типа, начавшиеся с 60-х годов XX века, потребовали более далеко идущих изменений, иных даже по своему характеру, чем предшествующие реформы.

Все это привело к усилению воздействия на правовую систему. Законы стали приобретать не личностные и конкретизированные, а социальные черты. Гражданские права, оппозиция против войны во Вьетнаме, борьба против нищеты, против ущерба окружающей среде и ее загрязнения—все это быстро приобрело социальный характер и притом настолько широкий размах, что не

позволяло ждать осуществления соответствующих законодательных акций. Непосредственно это бремя легло на суды и на юристов, им был брошен вызов. Стали необходимы адвокаты и преподаватели права иного толка, даже видоизмененные школы в области юриспруденции. И они были найдены, а большинство правовых школ признало наличие новых тенденций и потребностей в обществе.

Возникает все больше свидетельств того, что Америка готова осуществить серьезное вмешательство в процесс самоуправления—он осуществляется юристами через свои профессиональные ассоциации. Имеются признаки противодействия общему контролю над подготовкой юристов со стороны правовых школ. Законодательные собрания штатов принимают законы, требующие от уже занимающихся практикой юристов обучения на курсах повышения квалификации в качестве необходимого условия для продолжения их деятельности. Председатель Верховного суда внес предложение об осуществлении значительных изменений в методы подготовки адвокатов к юридической практике. Были затронуты и особые, надежные источники доходов для юристов—залоговые операции с собственностью, иски о праве на нее, даже гонорары за ведение в судах рутинных дел о наследстве. Более специализированные и персонифицированные виды практики, способные принести крупные гонорары адвокатам, подвергаются теперь рассмотрению со стороны законодательных органов и подлежат по крайней мере частичному контролю.

В ряде штатов было одобрено введение страхования автомобилей, не предусматривающее предъявление иска виновной стороне. Вносятся также предложения о внедрении в бракоразводных процессах процедуры, не требующей доказательства вины ответчика. Предпринимаются меры по установлению максимальной суммы иска и, соответственно, пределов адвокатских гонораров за ущерб, нанесенный в результате врачебных ошибок. Внесены предложения о введении разграничения между теми, кто занимается частной юридической практикой либо такой же практикой в корпорациях или правительственном аппарате, и теми, кто ведет дела от имени государства. Ассоциации юристов занимают все более строгую позицию при оценке действий своих членов. Бывший президент и вице-президент были исключены из ассоциаций, в которых они состояли, и наблюдается увеличение числа обвинений против юристов в злоупотреблении служебным положением.

Путаница, существующая в юридической практике и в

самом законодательстве, представляет собой отражение — концентрированное и одновременно упрощенное — противоречий и изменений в американской жизни. Ясно, что еще в течение длительного времени сохранит свою правоту одно из замечаний Токвилля: все в Америке подвержено рассмотрению в судебном порядке. Любой вопрос можно передать в суд, чтобы справедливо разрешить его, даже если он будет в лучшем случае улажен временно — только до того момента, пока не изменится состав Верховного суда. Лишь когда общество достигнет стабильности, американские законы и юридическая практика станут отражать подобную устойчивость и достигнутый порядок. Ни одно из этих условий, видимо, не будет выполнено в ближайшем будущем.

ГЛАВА VII

О средствах массовой информации

Во времена путешествия Токвилля по Америке основным источником информации для населения служили газеты. Она пополнялась с помощью частной переписки и личного общения. Количество газет, выходивших в Америке в 30-е годы прошлого столетия, считают по-разному: указывается цифра в 700—800, максимально — около 1000 названий. В одном исследовании из примерно 700 учтенных изданий 650 числились еженедельными, а 65 ежедневными. Существовало несколько газет, выходивших дважды или трижды в неделю либо только по воскресеньям. Однако строгое соблюдение религиозных обычаев именно в эти дни не способствовало чтению, что препятствовало увеличению воскресных публикаций.

Многие издания, выходившие в 1830 году, носили преимущественно коммерческий характер. И зачастую «торговые» газеты уже своим названием отражали рекламную направленность, например «Дейли эдвертайзер» (дословно: «Ежедневный рекламодаватель»), выходившая в городе Бостоне, как и одноименная газета в городе Рочестере. В большинстве газет подобного рода на рекламу приходилась половина или даже свыше половины публикуемых материалов. Чаше всего для объявлений использовался такой же или чуть более крупный шрифт, что и для обычных сообщений. В целом же объявлениям в ту пору отводилось сравнительно меньше места, чем в большинстве столичных газет наших дней. Современные газеты точнее соответствуют несколько завышенному указанию Токвилля на то, что в 30-е годы XIX века на рекламу приходилось $\frac{3}{4}$ площади основных газет.

Наряду с рекламой и коммерческой информацией «торговые» газеты публиковали международные и местные новости, а также сообщения из других штатов. Некоторые из них помещали много материалов о политической жизни страны, другие, наоборот, воздерживались от этого. Газеты, предназначенные для широкого круга читателей, как правило, содержали меньше объявлений, но больше сообщений о внутренних и международных событиях. К

специальным или рассчитанным на определенные читательские круги относились религиозные и сельскохозяйственные издания, публикации на иностранных языках (главным образом немецком), несколько рабочих газет. Начали выходить первые печатные органы противников рабства.

По современным масштабам разовый тираж отдельных газет был невелик. В крупных городах он не превышал примерно 4 тыс. экземпляров. Газеты не продавались на улицах, а распространялись только по подписке. Подписная цена для ежедневных изданий колебалась в пределах от 6 до 10 долл. в год. (В Новой Англии для двух или трех газет меньшего формата она составляла всего 4 долл.) Подписка на еженедельники и газеты, издававшиеся дважды в неделю, естественно, стоила дешевле.

Поскольку издатели выходивших в восточных штатах газет постоянно настаивали на предварительной оплате подписки, для рабочих они оказывались недоступными. Крупные газеты, выпускавшиеся в больших городах, были рассчитаны главным образом на предпринимателей, занимавшихся частной практикой лиц и интеллигенцию. Лишь некоторое время спустя после поездки Токвилля получили распространение дешевые газеты, тогда их смогли приобрести и городские рабочие.

Издатели газет в западных штатах проявляли больше гибкости в отношении условий подписки. Вероятно, их подписная цена была в среднем ниже, чем на Востоке. Некоторые издатели соглашались на оплату подписки в конце года по несколько более высоким ставкам, чем при предварительной оплате. В тех районах Запада, где ощущалась нехватка наличных денег, газеты могли оплачиваться товарами. Их редакторы и издатели принимали при подписке вместо наличных денег дрова, свечи и т. д. Такой порядок не всегда оказывался успешным. Так, одна из газет — она распространялась на территории современного штата Мичиган — поместила зимой 1835 года следующее объявление: «Сообщаем подписчикам, обязавшимся снабжать нас дровами, что мы замерзаем».

Для первых издателей реклама являлась важным источником дохода. Публикуемые объявления были невероятно разнообразными. В них шла речь обо всем — от сообщений о потерявшихся лошадях и коровах до предложений о продаже невольников или сведений о розыске беглых рабов, от расписаний пароходов, дилижансов и омнибусов до рекламы патентованных лекарств. Часто рекламные объявления помещались без всяких изменений из номера в номер в течение многих месяцев, года, а то и дольше.

Плата за их публикацию в этом случае оказывалась невысокой, по крайней мере в одном историческом исследовании высказывается мнение, что она была явно заниженной.

Как и в наши дни, заказные публикации составляли важный источник доходов, особенно для издателей и типографий в небольших городах и в сельской местности. Подобно тому, как сейчас газеты, прежде всего в центрах графств, конкурируют между собой за право помещать официальные сообщения, в 30-е годы прошлого века велась борьба за получение заказов, обеспечивавших издателям финансовую поддержку. В эпоху Джефферсона и Гамильтона политические деятели общенационального масштаба осуществляли непосредственное субсидирование газет. С приходом к власти Джексона методы осуществления политики стали более утонченными. И газеты, занимавшие по отношению к его администрации дружественную позицию, начали получать заявки на публикацию правительственных материалов. Подобные заказы от конгресса и министерств могли приносить прибыль. Федеральные органы оказывали поддержку некоторым провинциальным газетам. Например, несколько раз в год местные почтовые отделения публиковали списки имевшихся у них невостребованных писем. Заказы на такие публикации, вполне понятно, доставались органам печати, пользовавшимся покровительством властей. Одна из газет, выступавшая против Джексона, потеряла этот источник дохода после прихода его к власти. Правительства штатов, местные органы власти также отдавали предпочтение «ортодоксально мыслящим» газетам при размещении заказов на публикацию официальных материалов.

В 30-х годах XIX века большинство газет по своему формату не отличалось от нынешних, хотя в то время выпускалось и несколько малогабаритных изданий. Обычно они состояли из четырех полос, каждая делилась на шесть колонок. Чаще всего применялся шрифт в пять с половиной пунктов. В 1833 году бостонская «Транскрипт» с целью экономии места и, значит, увеличения количества публикуемых объявлений стала использовать для рекламных материалов шрифт диамант (четыре с половиной пункта). Объем газеты и размер шрифта, как и в целом формат, определялись техническими возможностями и наличием бумаги. Обычно в типографиях применялись плоскочечатные машины. Четырехполосная газета печаталась с двух сторон на одном бумажном листе. Сначала оттискивалась та его сторона, где располагались первая и

четвертая, а затем — вторая и третья полосы. Поэтому на первой и последних полосах помещались объявления и другие материалы, которые могли быть набраны задолго до выхода газеты. Внутренние страницы отводились главным образом для новостей, редакционных комментариев и рекламных объявлений, поступавших в последний момент. Иллюстрации помещались только в разделе объявлений, причем они были стандартными и представляли собой лишь своего рода символические обозначения. Небольшой рисунок дома использовался в виде заставки для объявлений о продаже недвижимости, изображением парохода или дилижанса обозначался раздел о расписании транспорта. В силу ряда причин для объявлений не использовался крупный декоративный шрифт. Некоторые издатели считали это бесполезной тратой газетной площади, другие — ущемлением интересов основных рекламодателей. Возникали также проблемы технического характера, связанные с изменением стандартных размеров колонок. Подлинный расцвет рекламы наступил примерно четверть века спустя.

В описываемый период количество распространенных по подписке номеров не отражало степень популярности газеты и круг ее читательской аудитории. Токвилль отмечал, что пресса достигала самых отдаленных уголков — таких, как Мичиган, который во время его поездки еще именовался территорией. «В Америке в каждом новом штате одной из самых неотложных задач считается доставка почты, — писал он. — В лесах Мичигана нет такой одинокой хижины, такой дикой долины, куда хотя бы раз в неделю не приходили письма и газеты...» Условия жизни и нравы обитателей Кентукки и Теннесси оставляют желать много лучшего, отметил он. И вместе с тем обратил внимание на то, что в любом, самом убогом жилище часто можно было обнаружить книги «и почти всегда газеты». Упомянув о лениости западных пионеров-колонистов, он утверждал, что «эти люди тем не менее принадлежат к наиболее цивилизованным и разумным во всем мире... Как и все американцы, они сохранили философский склад ума и полемический дух англичан. Просто поразительно, сколько писем и газет доставляется в эти глухие леса... Не думаю, что даже в самых просвещенных провинциях Франции существует в таких размерах и столь динамичная интеллектуальная жизнь, как в этой дикой глуши».

Повсеместное распространение прессы не было случайным. Еще в тот период, когда Америка была колонией, разрешалось бесплатно обмениваться по почте отдельны-

ми номерами газет. Такая практика сохранилась и в XIX веке. В результате сложилась система обмена новостями, подобная той, что существует в наше время в практике телеграфных агентств. Широко применялась перепечатка и распространение сообщений о новостях, заимствованных из других газет. В этих случаях дата первоначальных публикаций часто не указывалась. Видимо, издатели предполагали, что их читатели, имея некоторое представление о расстояниях и существующих сроках доставки почты, могут сами определить эту дату.

Примерно через шесть недель после приезда Токвилля и Бомона в Америку журнал «Детройт курьер» поместил без указания числа следующее сообщение:

«Тюремные порядки. Два французских джентльмена по поручению короля Франции прибыли в нашу страну, чтобы посетить тюрьмы и ознакомиться с существующим в них режимом. Они провели две недели в графстве Вестчестер, штат Нью-Йорк, и заявили, что организация дела во многих из существующих там тюремных заведений гораздо лучше, чем в тех тюрьмах, которые они посетили в Европе».

Обычно краткое изложение официальных сообщений или комментарии к ним содержались только в редакционных статьях. В отличие от «Нью-Йорк таймс» и других современных изданий в те времена не практиковалась публикация каких-либо сообщений на видном месте в одной части газеты, а затем полного текста соответствующей речи или документа — в другой. Такой текст сам по себе представлял информацию о новостях и не сопровождался каким-либо предварительным или заключительным анализом.

Обычным явлением была перепечатка материалов или краткое изложение новостей, опубликованных в иностранных газетах. Хорошо освещались события внутренней жизни страны. Зачастую они излагались в форме переписки между высокопоставленными должностными лицами, например между президентом Джексоном и различными сотрудниками правительственного аппарата. Осуществлялась публикация президентских посланий, а также выдержек из речей, произнесенных в конгрессе. Две вашингтонские газеты приводили подробные и исчерпывающие отчеты о заседаниях конгресса, выполняя примерно ту же самую роль, что и «Конгрешнл рекорд» в наши дни. Подробно освещались также события в политической жизни штатов, особенно это относится к газетам, выходившим в их столицах. «Огайо стейтс джорнал» и «Колам-

бус газетт» публиковали отчеты о заседаниях законодательных органов своих штатов, а также пространные доклады о стоящих перед ними проблемах.

Как правило, местным новостям уделялось меньше внимания, чем сообщениям из-за рубежа, общенациональным событиям или информации, касающейся жизни отдельных штатов. Возможно, это происходило потому, что обычно всякий редактор отбирал материалы для публикации всецело по своему усмотрению, лишь иногда ему помогали члены его семьи или какой-нибудь доброволец. Фигура профессионального репортера в то время была вовсе неведома. Газета «Рипабликэн», выходившая в городе Спрингфилде, штат Массачусетс, в частности, относительно местных новостей свидетельствовала: «Редактор исходил из того, что они все равно уже известны каждому. Поэтому он посвятил все свои усилия информированию читателей о том, о чем нельзя было узнать каким-либо иным образом». И действительно, «в первых номерах «Рипабликэн» можно обнаружить сообщения о чем угодно, кроме событий в самом Спрингфилде», — записал Токвилль.

Хотя обычно в газетах существовали специальные отделы рекламы и новостей, читатель сталкивался с невероятной мешаниной из тех же самых объявлений и разнообразной информации. Особенно часто это имело место на внутренних полосах, где совершенно без всякой логической связи могла быть опубликована переписка между президентом страны и его аппаратом, международная информация и материалы, которые мы теперь назвали бы чисто развлекательными. Однако они, как предполагалось, должны были оказывать воспитательное воздействие на читателей. В номере от 30 марта 1827 года выходившая в Нью-Йорке «Фридемз джорнэл» на одной и той же странице поместила продолжение «Мемуаров капитана Пола Каффи», рецензию на книгу «Яркие личности» и трактат под названием «Как протрезветь». Один из историков прессы высказал предположение, что редакторы не придавали особого значения расположению материалов, поскольку, по их мнению, читатели в любом случае должны были ознакомиться целиком со всем номером.

В начале XIX века газеты не печатали советов относительно того, как правильно играть в карты. Не было колонок обозревателей, уголка юмора, сплетен, гороскопов, объявлений о желании вступить в брак, спортивных разделов и светской хроники. Некрологи публиковались редко. Карикатуры, особенно политического характера,

обычно появлялись в журналах или в чисто рекламных изданиях, но не в газетах.

Создается впечатление, что поэты и их творчество пользовались бóльшим вниманием и уважением со стороны газет, чем сейчас. Стихи иногда попадали на первую полосу, при этом они могли быть напечатаны и без указания автора, и за его подписью, и под псевдонимом. Ранние поэтические произведения Джона Гринлифа Уиттьера впервые увидели свет на газетной полосе. Он также писал прозу для газет и работал как редактор, подобно Уильяму Каллену Брайанту, редактировавшему нью-йоркскую «Ивнинг пост». Вскоре после путешествия Токвилля в одну из типографий в качестве посыльного поступил тринадцатилетний мальчик по имени Уолт Уитмен. Значительную часть своей сознательной жизни он проработал на журналистском поприще как редактор, а затем и писатель. По всей вероятности, поэты, особенно если они занимались политикой, неохотно публиковали свои произведения под собственным именем. Наиболее известен в этом отношении случай с Авраамом Линкольном. В 1846—1847 годах Линкольн часто переписывался со своим другом Эндрю Джонсоном—он проживал в штате Иллинойс. Джонсон, как и Линкольн, проявлял большой интерес к поэтическому творчеству. Будущий президент отправил другу несколько своих стихотворений, которые тот предложил для пробы опубликовать. Линкольн согласился при условии, что это будет сделано анонимно. «Короче говоря,—писал он,—я вовсе не испытываю неудовольствия от соблазна напечатать стихи, они же вирши или как их там еще можно назвать... Однако мое имя не должно упоминаться ни в коем случае. Я не настолько уверен, что они хоть кому-нибудь понравятся, чтобы подвергать себя риску оказаться посмешищем из-за того, что я их автор». Между тем две поэмы Линкольна—«Дом моего детства» и «Маньяк»—были опубликованы в газете «Виг», выходившей в городе Куинси.

Пресса 30-х годов прошлого столетия наталкивалась и на критическое отношение со стороны своих современников. Токвилль беседовал с теми, кто придерживался таких взглядов, и во многом соглашался с ними. «В целом американские журналисты занимают в обществе очень невысокое положение,—писал он,—а их образование весьма поверхностно...» Конечно, на северо-востоке страны было много редакторов с высшим образованием. В отношении же мелких городов и западных территорий Токвилль был совершенно прав. Однако все говорит за то,

что даже в таких местах к издателям и редакторам относились если не как к литературным или интеллектуальным дарованиям, то по крайней мере как к почитаемым предпринимателям.

Молодая американская пресса, с которой познакомился Токвилль, отражала по своему содержанию и характеру низкий уровень образования и культуры, характерный для редакторов того времени. Сравнивая американские газеты с французскими, он отмечал, что в Америке публиковалось гораздо больше рекламы, чем важных сообщений или комментариев. «Там три четверти вороха газетной бумаги, который окажется у вас в руках, обычно заполнено объявлениями, а остальная часть содержит политическую информацию или просто анекдоты. Только изредка, в каком-нибудь укромном уголке, вы наткнетесь на действительно заслуживающие внимания рассуждения, в которых французские читатели испытывают повседневную потребность»,— писал Токвилль. И он приходил в ужас от низкопробного стиля американской прессы, почти полного отсутствия у нее каких-либо моральных принципов. «Грустно видеть, какой поток грубых оскорблений, мелкого злословия и грязной лжи захлестывает газеты, эти органы политических партий, и с каким постыдным пренебрежением к человеческим приличиям они ежедневно выставляют на суд общественного мнения честь семьи и тайны домашнего очага». Далее он пояснял: «Отличительной чертой американского журналиста является прямая и грубая, без каких бы то ни было тонкостей атака на эмоции своих читателей; он отбрасывает все принципы ради того, чтобы, осуществляя слежку за личной жизнью людей и выявляя их слабости и пороки, завоевать их внимание».

Возможно, что подобные оценки Токвилля в значительной мере были связаны с его впечатлениями от нападков прессы, которым постоянно подвергалась политика Джексона, да и сам президент. Отдельные газеты выделялись как стилем своих редакционных статей, так и степенью ожесточенности, с которой они отстаивали свою политическую линию. Многие печатные органы действительно публиковали страстные редакционные статьи в защиту президента Джексона и его администрации либо остро критиковали его. Однако в целом пресса не проявляла ни «пагубных стремлений», ни «ярости», на которые сетовал Токвилль. Не столь часто писалось в газетных репортажах и о личной жизни государственных деятелей.

Во время поездки Токвилля газеты в разделах новостей—или по крайней мере сплетен—много писали об

истории Пегги О'Нил Тимберлейк-Итон. За пятнадцать лет до этого привлекательная и кокетливая Пегги вышла замуж за военного моряка Тимберлейка. Поскольку он надолго уходил в море, Пегги продолжала жить в доме своего отца в Вашингтоне. Там же на полном пансионе долгое время жил близкий друг президента Джексона, сенатор от штата Теннесси Джон Итон. По Вашингтону поползли сплетни о том, что, пока бедный Тимберлейк находился в плавании далеко в море, его жена завела роман с сенатором Итоном. В 1828 году Тимберлейк умер. Меньше чем через год Пегги вышла замуж за Итона, а вскоре после этого Джексон назначил его своим военным министром. Жены нескольких членов кабинета Джексона, шокированные поведением Пегги Итон, отказались нанять ей визиты. За внешне светской «баталией» в какой-то мере скрывалась подспудная борьба за власть между известными политическими деятелями. Женитьба самого Джексона на разведенной женщине стала причиной многочисленных сплетен на всем протяжении его политической карьеры. Именно из-за этого, а также в силу дружеской привязанности он постоянно принимал сторону семьи Итонов. Токвилль, весьма возможно, возмущился непристойными выпадами прессы по поводу женитьбы Джексона, как и по адресу Пегги Итон. И эти, в общем-то, частные случаи побудили его сделать чересчур широкие обобщения относительно злонамеренного характера американской печати.

Во второй четверти XIX века газеты оказывали большое влияние на политическую атмосферу страны, по крайней мере так считали тогда политические деятели. Одно из обвинений против Джексона состояло в том, что он развратил прессу, назначая на государственные должности оказавших ему поддержку редакторов. И в наши дни, следует заметить, редакторы пользуются расположением президентов и часто в качестве вознаграждения назначаются членами различных комитетов, послами либо на другие государственные должности.

Когда президент Джексон понял, что его не устраивает активность одного из вашингтонских печатных органов, он начал содействовать созданию новой газеты — «Вашингтон глоб». Она стала получать большое количество заказов на публикацию правительственных документов, а назначенных Джексонем сотрудников государственного аппарата и его сторонников всячески поощряли подписываться на нее. В свою очередь «Вашингтон глоб» превратилась в правительственный рупор и оказывала неизменную под-

держку президенту. По рассказам, сам Джексон (близкий друг и политический союзник Фрэнсиса П. Блэра, редактора этой газеты), когда к нему обращались за решением сложного вопроса, неизменно говорил: «Посоветуйтесь с Блэром»,—либо: «Пусть этим займется Блэр—он знает все».

В наши дни президенты менее откровенно проявляют свое отрицательное отношение к прессе. Во времена правления Джона Кеннеди получил огласку случай, когда одна из газет была исключена из списка изданий, заказываемых для библиотеки Белого дома. А сам президент как-то заметил, что, «чем больше он читает, тем меньше ему нравится это занятие». Президент Никсон на приеме в честь Алисы Рузвельт-Лонгуорт в день ее девяностолетия сказал, что она прожила так долго в известной мере и потому, что не слишком часто читала «Вашингтон пост» или «Вашингтон стар».

На ранних этапах своего существования американская пресса с ее непосредственностью была свободной, а опасность ее монополизации невелика. Экономическая сторона издательского дела позволяла без особых затруднений начать выпуск новой газеты. «Каждый может заняться этим,—говорил Токвилль,—однако конкуренция препятствует тому, чтобы какая-либо одна газета могла рассчитывать на большие прибыли, и поэтому коммерсанты с размахом предпочитают не тратить времени на подобные начинания».

Один юрист из Нью-Йорка, объясняя Токвиллю существо американского закона об ответственности за клевету, настаивал на том, что высказывать свое мнение можно совершенно беспрепятственно. Однако, если газета публикует клеветнические измышления, если «она необоснованно усматривает в каких-либо действиях преступные мотивы, тогда она подвергается преследованию в судебном порядке и на нее налагается крупный штраф». Юрист рассказал, что он сам возбудил дело против автора статьи, в которой утверждалось о вынесении судом присяжных приговора на основании политических мотивов.

Хотя Токвилль настоятельно подчеркивал важную роль свободной прессы в Америке и вообще в условиях демократии, он серьезно сомневался в том, что пресса действительно свободна и оказывает большое воздействие на общество. Он не верил, что печать способствовала формированию непредвзятого динамичного общественного мнения. На его взгляд, дело обстояло совсем иначе: «Если уж американцы ухватились за какую-нибудь идею, будь

она правильной или совершенно неразумной, нет ничего более трудного, чем выбить ее из головы». Токвиль считал, что во многом повинна свобода прессы: «Замечено, что во времена, когда кипели религиозные страсти, люди иногда меняли веру, в период же всеобщего скепсиса каждый упорно придерживался своих убеждений. В политике при наличии свободной прессы происходит то же самое. Все общественные теории поочередно оспариваются и опровергаются; те, кто одобряет одну из них, упорно держатся за свои взгляды не потому, что они уверены в их правильности, а в силу того, что сомневаются в возможности изыскать что-либо лучшее».

В 1830 году существовало около 65 ежедневных газет, а их тираж, вероятно, составлял менее 300 тыс. экземпляров. В 1977 году в Америке было 1762 ежедневные газеты. Их общий тираж достигал примерно 61 млн. экземпляров. Поскольку население США составляет около 216 млн. человек, одно название приходится на каждые 122 тыс. жителей. Если бы в 1830 году кто-либо возымел желание приступить к изданию нового периодического органа, то это могло быть осуществлено при наличии очень небольшого первоначального капитала. Теперь же для учреждения крупной ежедневной газеты требуются миллионы долларов. Почти никто, кроме очень богатых людей, не может иметь такую газету в личной собственности.

Газетным концернам в наши дни принадлежит около 60 процентов ежедневных изданий в США, тираж которых составляет примерно 70 процентов совокупного общенационального тиража. Компания «Ганнет» имеет приблизительно 70 газет, «Скриппс лиг ньюспейперс» — около 20, «Ньюхаус» — примерно 30, «Скриппс-Говард» — 15 газет и т. д. Некоторые из концернов, заинтересованные главным образом в коммерческом потенциале своих предприятий, позволяют редакторам на местах пользоваться значительной самостоятельностью. Другие владельцы, как корпорации, так и отдельные лица, осуществляют строгий контроль над редакционной политикой и отбором новостей.

Высокая степень концентрации собственности и контроля характерна не только для газет. Во многих случаях это относится и к владению радио- и телевизионными станциями, даже сетями таких станций, книгоиздательскими компаниями и журналами, а также к контролю над ними.

Компания «Си-би-эс» владеет более чем 20 журналами и издательством «Холт, Райнхарт и Уинстон» — по крайней мере так обстояло дело в недавнем прошлом. Сообщить

точные сведения весьма трудно, поскольку в мире конгломератов продажа и передача собственности происходят ежедневно.

«Радиокорпорейшн оф Америка» является хозяином издательства «Рэндом хаус», а также вещательной компании «Нэшнл бродкастинг». Компания «Доу Джонс» издает «Уолл-стрит джорнэл» и «Бэрронс нэшнл бизнес энд файненшл уикли». Она занимается изданием книг и принимает участие в деятельности двух зарубежных коммерческих информационных служб. Компания «Вашингтон пост» владеет газетой того же названия, газетой «Трентон таймс», журналом «Ньюсуик», одной радио- и четырьмя телевизионными станциями. Совместно с газетой «Лос-Анджелес таймс» ей принадлежит также информационное агентство.

Австралийский издатель Руперт Мердок — конгломерат в лице одного человека — в настоящее время контролирует журналы «Нью-Йорк» и «Нью Уест», газеты «Нэшнл стар», две техасские газеты, «Нью-Йорк пост» и «Виллидж войс», также выходящую в Нью-Йорке.

Компания «Нью-Йорк таймс» издает одноименную газету, «Фэмили сёркл», «Ас», журнал о теннисном спорте, два журнала о гольфе, три газеты в Северной Каролине, а также десять газет во Флориде. Ей принадлежат книгоиздательские компании «Арно пресс», «Кэмбридж бук» и «Квадрангл — Нью-Йорк таймс бук».

Во многих американских городах отсутствует конкуренция между какими бы то ни было газетами, принадлежащими разным хозяевам. Согласно последним сведениям, лишь в менее чем 40 городах читатели имеют возможность выбирать между ежедневными изданиями, контролируемые различными лицами. Эти города не составляют и 3 процентов всех городов, где выходят ежедневные газеты. Какое воздействие подобная концентрация оказывает на информирование общественности, формирование ее взглядов, установить трудно. В большинстве издательских концернов можно обнаружить сходство позиций редакторов и совпадения в освещении событий. То же самое относится и ко многим не входящим в концерны газетам; для них основным источником поступления новостей являются телеграфные агентства. В качестве редакционных комментариев такие газеты публикуют статьи объединенных в общенациональные синдикаты обозревателей.

Обозреватели-профессионалы — сравнительно новое явление в американской прессе, и их роль еще полностью не определена. Использование услуг таких журналистов

представляет собой признак капитуляции со стороны редакторов и издателей и в некоторой степени нарушение интересов читателей. Джон К. Гэлбрейт* дал на этот счет такие пояснения: «С одной стороны, журналисты, призванные готовить комментарии для газетных колонок еженедельно или несколько раз в неделю, исчерпывают всю правдивую информацию и вынуждены пускать в ход воображение, что зачастую само по себе порочно... С другой стороны, почти все наши политические комментарии рождаются в Вашингтоне. Столичные политики, обсудив положение дел между собой, передают ложную информацию вашингтонским журналистам, которые в свою очередь после дополнительных дискуссий публикуют ее в изданиях, внимательно изучаемых теми же самыми политиками. Это единственная, на редкость успешная закрытая система для повторного использования мусора, которая когда-либо существовала».

Почти каждая, по крайней мере всякая примитивная цивилизация создавала организационные формы для выражения непродуманных суждений. В некоторых обществах их авторами становились шаманы, в других — гадалки, оракулы, прорицатели, в третьих — священнослужители. В нашем же случае ими, видимо, являются газетные обозреватели, хотя они сталкиваются с конкуренцией со стороны сенаторов Соединенных Штатов.

Современные газеты отличаются от газет 30-х годов XIX века и другими чертами. Изменилась форма подачи материалов, особенно это относится к рекламе. Возникли специальные разделы новостей, которые публикуются отдельно от остальных материалов. Светская хроника, страницы для женщин и гороскопы занимают значительную часть площади большинства ежедневных газет. Они могут быть и развлекательными. Однако в этом случае не оказывают большого влияния на воспитание и информирование общественности.

Право на свободу слова и печати существует только как неотъемлемая часть права на правду. Поскольку правда не может быть определена заранее, единственный практический подход состоит в том, чтобы позволить свободно говорить, писать и распространять то, что сказано и написано. По мере концентрации контроля над прессой все больше растет беспокойство как в самой прессе, так и среди общественности. Оно сводится к следующему: рас-

* Гэлбрейт Д. К. — известный американский ученый и политический деятель.

пространяет ли печать сведения именно о тех фактах, о которых она должна извещать, и излагает ли она альтернативы в тех случаях, когда возникают расхождения во мнениях.

Некоторые газеты поручили задачу выполнения критической оценки публикаций своим собственным редакторам и репортерам. Было создано несколько региональных журналистских советов по рецензированию, в настоящее время образованы и общенациональные объединения такого рода. Большинство представителей газет решительно высказались против учреждения особого органа, наделенного правом рецензирования. Особенно если бы в его составе оказались лица, не являющиеся профессиональными газетными работниками. Подобная позиция кажется разумной, хотя и вступает в противоречие с готовностью принимать различные награды за лучшие редакционные статьи, освещение событий и т. д. от организаций и лиц, не имеющих отношения к газетному цеху. Почему бы не согласиться с тем, чтобы такие или подобные им эксперты постоянно выражали свои суждения—что хорошо и что плохо в прессе?

Исследования показывают, что только небольшая часть населения Соединенных Штатов читает редакционные статьи и публикации обозревателей. Каким образом формируется общественное мнение, остается в известной мере загадкой. Однако все факты свидетельствуют о воздействии новостей в результате их преднамеренной или непреднамеренной редакторской обработки, тенденциозного изложения событий. И это воздействие оказывается значительно более сильным, чем влияние публикуемых в редакционном разделе газеты комментариев.

Существует еще и телевидение. Но прежде о радио. Оно вошло в категорию средств информации столь незаметно, что вызвало лишь незначительные, едва выявляемые изменения в обществе; они могли бы стать предметом изучения социологов и психологов. Сообщения по радио представляли собой зачитывание текста вслух, такими они, в сущности, остаются до сих пор. Некоторые специалисты, обследующие политические процессы, утверждают, что передававшийся по радио голос Франклина Д. Рузвельта во многом способствовал его политическому успеху. Находятся другие исследователи, по мнению которых при отсутствии телевидения Никсон оказался бы избранным на пост президента в 1960 году, и это не исключено. Достоверно, однако, что дополнение печатного слова радиосообщениями не привело к радикальному

изменению реакции общественности на получаемую информацию. Люди привыкли слушать чтение вслух. Написанное и произнесенное слово не очень отличалось друг от друга. Однако озвученное слово известной личности вместе с ее визуальным изображением и осветительными эффектами телевидения—это нечто иное, особенно если такое выступление не прямая передача событий, а «постановка», их разыгрывание.

Маленькие дети, впервые увидев людей на экране телевизора, стараются обойти его, чтобы обнаружить их сзади. Члены одной семьи в процессе съемки ее повседневной жизни для телепередач, по мнению некоторых исследователей, уже не были уверены, являются ли они действительно семьей или группой актеров. В одном из стихотворений президент Никсон был описан следующим образом:

Как крепость Белый дом, и президент
С седой щетиною уткнулся в телевизор.
Накал страстей в болельщике предельен—
Не может оторваться от экрана, где игроки
Плетут узор нестройный.
Весь в позе он боксера-джентльмена.
«Гони! Шуруй!» Ведь школа выражений—достойных и уместных—за плечами.
Внезапно вырывается: «Джентльмены, позвольте мне заявить, что...»—и молчанье.
Он слишком долго за собой следил,
Глаза его вращаются, как фрукты
В окошке аттракциона-автомата...

Как отметил Джей Эпштейн в своей книге «Новости ниоткуда», телевизионные сообщения формируются определенными структурными, навязываемыми извне регламентациями: правительственным регулированием вещания, установленным единым порядком оценки и отфильтровки информации, а также принятия решений. Кроме того, имеет значение сложившаяся практика найма репортеров и телережиссеров, у которых свои представления о ценностях в их текущей работе.

Личность телевизионных дикторов приобретает особое значение. При опросах с целью выявления общественного мнения в стране Уолтер Кронкайт* обычно заслуживает доверия. Почему же это происходит? Потому ли, что он может воспринимать сигналы суфлера совершенно незаметно для зрителей? Потому ли, что людям нравится его

* У. Кронкайт—один из самых известных и популярных телекомментаторов в США.

голос? Или, по их мнению, он излагает сбалансированную программу новостей? Являются ли его передачи несколько более продуманными, нежели передаваемые другими телевизионными компаниями? Отличаются ли его выступления лучшей режиссурой? Чувствуют ли люди себя увереннее, когда в конце программы он говорит: «Ну, вот так обстоят дела...»?

Ричард Салант, президент «Си-би-эс ньюс», однажды заметил: «Наши репортеры освещают события не со своей, а с *ничейной* точки зрения». Но существует гораздо большая вероятность, что информация о новостях представляет собой отражение не столько «ничейной» точки зрения, сколько мнения данной корпорации или организации. Это может приводить к возрождению сфабрикованных новостей.

Другой характерной чертой телевизионного информирования является зависимость от правительства как результат существующей практики выдачи разрешений на вещание и правил функционирования передающих станций. Этот факт отмечен руководителем службы информации одной из телевизионных систем, он заявил следующее: «На журналиста, работающего в газете или журнале, когда он занят освещением последних событий, оказывают влияние главным образом традиционные каноны американского журнализма... Журналист, ведущий передачи... должен также учитывать, что он работает в органе информации, который в отличие от печатного функционирует в соответствии с федеральными установлениями, регламентирующими то, что подлежит распространению».

Для деятельности телевизионных служб особенно характерно чувство страха — страха перед падением своей популярности, введением новых правил, утратой разрешения на вещание. Наиболее очевидно различия между телевидением и прессой проявляются в реакции отдельных органов на президентские послания. На практике президент США ставит телевизионные компании в известность о необходимости прервать их регулярные передачи, поскольку он намеревается выступить в наиболее благоприятное для вещания время. Обычно компании идут на это и предоставляют ему то количество времени в эфире, которое он считает необходимым, причем президент использует своих собственных продюсеров и редакторов.

Существует и ряд других способов регулирования деятельности телевизионных и в меньшей степени радиовещательных станций. Обычно для обоснования правительственного вмешательства в их деятельность выдвигается

довод, что они функционируют на основе выданных федеральной администрацией лицензий, и, соответственно, конституционные гарантии свободы самовыражения в этом случае недействительны. Данный аргумент кажется сомнительным. Более убедительным представляется утверждение о необходимости защиты личной независимости, поскольку теле- и радиопрограммы попадают в любой дом прежде, чем создается возможность оценить, что они собой представляют.

Вместе с тем контроль над передачами новостей и образовательными программами наряду с вопросом о распределении времени в эфире приводит к возникновению ряда серьезных проблем, связанных с осуществлением цензуры. Конечно, если должны существовать правила и контроль, они обязаны быть точными и ясными, а не косвенными, осуществляемыми в виде угрозы лишения лицензии на право вещания. До тех же пор, пока не удастся выявить последствия воздействия телевизионных передач, если не считать их чисто развлекательных функций, требуется предпринять попытки предоставить большую свободу при составлении программ. Либо, если опасность станет очевидной, как это было установлено в отношении рекламы сигарет и крепких спиртных напитков, следует совершенно отменить передачи новостей и комментариев или те из них, которые касаются областей, где они могут иметь наиболее серьезные последствия, то есть религии и политики.

В то же время владельцы станций должны иметь больше уверенности относительно продления выданных им лицензий, как и возможности получения новостей из различных источников.

Не составляет труда выражать возмущение существующим положением вещей, создавая некий искомый идеал. Нелегко, однако, выработать конкретные рекомендации о том, что должно быть предпринято для обеспечения полного и беспристрастного, свободного от субъективных оценок освещения событий и публикаций сбалансированных редакционных комментариев.

Самым надежным путем является обеспечение многообразия публикаций, форм владения средствами информации или контроля над ними и повышение профессионального уровня работников телевидения и газет. Противоречия, конфликты и распри, которые возникают в результате деятельности свободной прессы, представляют собой неизбежный риск в свободном обществе.

ГЛАВА VIII

Добровольные ассоциации: естественное право людей

По мнению Токвилля, свобода объединения в организации являлась «самым естественным правом человека после права на самостоятельную деятельность. Поэтому право объединяться представляется мне почти столь же неотъемлемым, как и личная свобода»,—писал он. И в Америке это право использовалось лучше, чем где бы то ни было в мире, притом для достижения самых разнообразных целей.

«Если что-либо задерживает уличное движение, соседи немедленно образуют совещательный орган, который и устраняет причину затруднений еще до того, как официальные власти примут соответствующие меры»,—писал он.

За последние сто пятьдесят лет не произошло значительных изменений в этой склонности американцев к организации. Почти столь же часто, как высказывается предположение: «Должен же быть закон, запрещающий это» (о чем бы ни шла речь), раздается призыв: «Давайте организуемся...»

Несметно число организаций в Америке, и оно продолжает расти. Сфера их деятельности охватывает весь спектр существующих в стране интересов и возникающих у нас конфликтов. Приведем названия некоторых из многочисленных организаций, указанных в «Энциклопедии ассоциаций» за 1977 год.

Торговые, деловые и коммерческие организации: «Фонд наименования товаров», «Американская ассоциация импортеров сыра», «Профессиональная ассоциация агентов — распространителей товаров по почте», «Американская вертолетная ассоциация», «Институт по использованию удобрений», «Ассоциация изготовителей галстук-бабочек», «Институт применения асфальта», клуб под названием «Кроты» (объединяющий строителей туннелей, метрополитена, канализационных сетей, фундаментов, морских, подводных и других крупных сооружений).

Сельскохозяйственные организации и товарные биржи: «Международная организация фермеров по использованию авиации», «Национальная ассоциация рождественских елок», «Американский институт льна», «Национальный совет по аллигаторам», «Защитники бобров», «Друзья морской выдры», «Фонд владельцев птицефабрик в прериях», «Американская ассоциация производителей красной смородины», «Североамериканский совет по чернике», «Национальный совет по земляным орехам», «Совет производителей свинины».

Юридические, правительственные, государственные и военные организации: «Национальная конференция судей по банкротствам», «Конференция контрольных советов похоронных служб Соединенных Штатов», «Американская академия адвокатов по вопросам брака», «Национальная конференция контролеров торговли спиртными напитками в штатах», «Ассоциация главных старшин военно-морского флота».

Научные, инженерные и технические организации: «Американская ассоциация инженеров хлебопекарной промышленности», «Национальное общество пищевых приправ», «Американский комитет по изучению метеоритов», «Ассоциация специалистов по производству прохладительных напитков».

Организации в области культуры: «Национальное общество охраны крытых мостов», «Общество по реставрации старых мельниц», «Балтиморское общество Эдгара По», «Американское общество по содержанию каналов», «Общество созидательного анахронизма» (так называет себя объединение специалистов по истории средних веков), «Американская гильдия любителей английских колокольников», «Ассоциация старых поселенцев и хлеборобов Среднего Запада», «Историческое общество «Титаника» (ранее называвшееся «Американские энтузиасты „Титаника“»), «Общество Ричарда III» и др.

Братства: «Родные сыновья золотого Запада», «Почетный орден голубого гуся», «Международный орден взаимного поиска».

Общества любителей: «Американский клуб безлошадных экипажей», «Ассоциация любителей кошек», «Американское общество коллекционеров использованных пивных банок», «Национальное общество любителей бегоний».

Деятельность правительственных органов обычно не пользуется доверием. Еще до того, как проводятся выборы, возникают организации, призванные оказывать влия-

яние на правительство. Обычно их называют «лобби». Некоторые из них отражают общенациональные интересы по важным проблемам, другие представляют запросы хорошо организованных групп. «Национальная ассоциация обрабатывающей промышленности» имеет собственных «лоббистов», пытающихся оказать влияние на правительственную политику. Подобным же образом обстоит дело и в отношении АФТ—КПП, «Американского нефтяного института», «Ассоциации американских железных дорог» и почти всех крупных группировок промышленников, рабочих или служащих и финансистов. Так называемые «маленькие люди» также имеют своих представителей в кулуарах конгресса США.

«Лобби» может состоять из крупных, хорошо финансируемых групп людей либо даже из одного человека. Некоторые из них получают высокие оклады, другие же получают лишь небольшую надбавку к средствам, выплачиваемым в виде компенсации за понесенные расходы. Кое-кто из «лоббистов» воздействует непосредственно на чиновников как в правительственном аппарате, так и в конгрессе. Другие же используют обходные пути, оказывая влияние на коллегия выборщиков или на избирателей. Среди «лоббистов» встречаются адвокаты, часть которых превратила свою деятельность в кулуарах конгресса в профессиональное занятие. Есть и непрофессионалы, не занимавшиеся адвокатской практикой. Некоторые из них могут тратить огромные суммы денег, другие расходуют совсем немного или вообще не несут никаких затрат. Есть и такие, кто пытается добиться общественного признания при помощи получения документов о привилегиях, лицензий, специальных прав на освобождение от налогов и других официальных подтверждений их особого положения. Иные предпочитают оставаться независимыми и связывают себя лишь необходимым минимумом юридического оформления своих прав.

Существует пять или шесть организаций ветеранов войны—основными среди них являются «Американский легион» и «Ветераны иностранных войн». Среди других объединений участников войн—«Американские ветераны-инвалиды», «Ветераны войны—католики», а также «Ветераны войны—евреи». После второй мировой войны был организован Американский комитет ветеранов. Существовала и организация «Вьетнамские ветераны против войны».

Причиной создания организаций до сих пор остаются соображения морального характера. Никогда не сдавались

сторонники запрета на торговлю спиртными напитками. Существуют ассоциации, отстаивающие практику более широкого распространения аборт и, наоборот, выступающие за их запрещение. Фермеры объединены в несколько больших групп, каждая из которых утверждает, что она лучше всего отражает их интересы: «Национальный союз фермеров», «Бюро федерации американских фермеров» и «Национальная организация фермеров». Раньше всех возникла «Национальная ассоциация фермеров».

Усиление в наше время интереса к охране окружающей среды привело к возникновению множества организаций по ее защите. Некоторые из них занимаются проблемами космического пространства, другие — вопросами микросреды. Есть и организации, выступающие главным образом против загрязнения среды промышленными отходами, в том числе гор, рек, озер и океанов. Борьба ведется против их нерационального хозяйственного использования. Появились организации, ставящие своей целью сохранение исчезающих видов растений и животных, например волков и койотов. Празднование двухсотлетия США дало толчок созданию групп энтузиастов, занимающихся сохранением и восстановлением исторических памятников и зданий.

Взаимная помощь, осуществляемая по принципу страхования, вызвала к жизни огромное число благотворительных обществ и братств, причем степень совпадения интересов их членов может быть самой различной. Большинство названий таких обществ носят чисто условный характер. «Лесорубы мира», как и «Католический орден лесников» — это благотворительные общества. Аналогичны по своему характеру добровольные ассоциации «Канадские олени» и «Лоси». Процветает братство масонов, как и еще более экзотическое братство «Рыцарей Колумба».

Деловой мир организован в торговые палаты, в том числе в отраслевые, систему клубов «Ротари», «Кивани», «Лайонз», «Сивитан» и т. д. В большинстве городов имеются филиалы женской организации «Младшая лига», хотя никто не слышал о существовании «Старшей лиги».

Братства пользуются особыми социальными и юридическими привилегиями. При утверждении устава зачастую предоставляется и лицензия на торговлю спиртными напитками. Ее разрешено производить в таких местах и в такое время, которые запрещены для тех, кто не состоит в организации. Некоторые из них освобождены от уплаты налогов. Это означает, что они могут оставлять себе все денежные поступления и расходовать их в соответствии со своим уставом или выданной им лицензией. Положение

отдельных организаций позволило им добиться освобождения от налогов на пожертвования для тех лиц, кто такие пожертвования делает. Когда любой общественный орган получает право не соблюдать некоторые общепринятые законы, это рассматривается как свидетельство его особой значимости. Например, законы штатов и установленные городскими властями правила рассматривают бинго* как азартную игру, поэтому она находится под запретом. Исключения сделаны для трех видов организаций: для церкви (главным образом римско-католической и некоторых из протестантских, наименее тяготеющих к догматам пуританства), для организаций ветеранов, а также для добровольных пожарных команд (включая их различные подразделения, в том числе и спасательные группы).

В добровольных пожарных командах находят применение способности и стремление американцев к организации, на что не мог не обратить внимание Токвилль. В наши дни в Америке существует 22 тыс. пожарных команд. Из них только 1800 состоят из персонала, получающего полную заработную плату, остальные же 20 200 команд целиком или частично состоят из добровольцев. Хотя пожарные команды стали возникать еще во времена образования Соединенных Штатов, особенно большой рост их численности происходил после второй мировой войны. В этот период они начали приобретать многие общественные и близкие к политическим функции вдобавок к своим прямым задачам по борьбе с пожарами и их предупреждению. Распространение добровольных пожарных команд не удивило Токвилля, на него могло бы произвести огромное впечатление развитие и влияние двух других видов организаций. Имеются в виду движение в защиту интересов потребителей, вдохновителем и лидером которого стал Ральф Надер, и движение «Общего дела» — деятельность «лоббистов» в защиту общественных интересов, в свое время начатая Джоном Гарднером.

Мероприятия по защите интересов потребителей не были новым явлением в Америке. Однако движения того типа, какой возглавлял Надер, никогда не приобретали общенационального характера. Предназначенные для защиты «общественных интересов» от их подчинения «частным или особым интересам», сами надеровские начинания бросили вызов таким правительственным организациям, как Управление по контролю за качеством продуктов питания и медикаментов, Федеральная торговая комиссия, Комитет

* Игра, напоминающая лото.

по межштатному транспорту и торговле и ряду других. Что касается неправительственной сферы, то это движение было направлено против власти корпораций в целом и автомобильной промышленности в частности. Именно давлением со стороны группы Надера в значительной мере объясняется тот факт, что автомобильная промышленность совершенно изменила свое отношение к обеспечению безопасности движения, более того, к техническим характеристикам автомобилей, как и снижению уровня загрязнения окружающей среды. Наименьшего успеха движение сторонников Надера добилось в попытках информировать конгрессменов о проблемах защиты потребителей.

Другим крупным событием явилось «Общее дело» — кампания, возглавляемая Джоном Гарднером. Ее мероприятия затрагивают главным образом вопросы политики и государственной деятельности. Первостепенное внимание уделяется политическому процессу, финансированию предвыборных кампаний, деятельности «лоббистов», а также попыткам обеспечить большую гласность функционированию правительственных органов. «Общее дело» выдает себя за выразителя мнения народа, осуществляющего от его лица оценку и критику деятельности правительства. Эта организация призывает людей доверять ей, а не избранным официальным лицам. Выступая в качестве критика и источника информации, она взяла на себя часть того бремени, которое обычно приходится на долю прессы. Токвилль изумился бы, увидев, как группа, насчитывающая в своих рядах около 250 тыс. членов, приняла на себя подобные функции и добилась заметного успеха в их осуществлении в стране с населением свыше 200 млн. человек.

Наряду с различными формами организации в Америке существует и другая форма открытого выражения мнения или точки зрения. Иногда она приобретает и организованный характер, а подчас используется отдельными лицами. Речь идет о распространенной привычке носить значки.

Подобно привычке носить значки широко распространена практика помещать наклейки на бамперы или другие части легковых машин, грузовиков и прицепов. Как и значки, наклейки эти представляют собой способ открытого выражения своих целей, привязанностей, определенную форму самоутверждения. Наклейка не способствует выражению индивидуальности, подобно значку, поскольку в этом случае человек отгорожен от внешнего мира самой своей автомашиной. Пока неизвестны случаи, чтобы

кто-либо попытался протаранить чужую автомашину из-за своего несогласия с девизом-наклейкой на ее бампере. Между тем нередки нападения на обладателей значков.

Наклейки, подобно значкам, служат средством выражения точки зрения по целому ряду личных и общественных проблем. Особую популярность они приобретают в период проведения политических кампаний. Эксперты учитывают, как будет выглядеть имя кандидата на такой-то наклейке и какая расцветка лучше всего подойдет для нее. Сочетание красного и белого цветов считается политически более выгодным. Повсеместно бытовало убеждение, что в период кампании 1976 года Картер и Мондейл лучше выглядели на автомобильных наклейках, чем Форд и Доул, а Никсон в 1972 году казался привлекательнее, чем Макговерн или Шriver.

Приверженцы идеи об охране окружающей среды испытывают страсть к наклейкам, гласящим: «Спасите Редвудс», «Спасите Раппаханок», «Спасите Снейл-Дартер» — то есть природные красоты той или иной местности и т. д. Наклейки предупреждают: «Мы тормозим во имя блага животных». Не забывают и о Бетховене или Бахе. Популярны лозунги о религиозной приверженности.

Существует серьезное различие между описываемыми Токвиллем и нынешними ассоциациями. Оно состоит в негативном или «охранном» характере многих, если не большинства, современных организаций. В то время как основная масса группировок, описанных Токвиллем, преследовала позитивные цели, такие, как строительство дорог, школ или церквей путем объединения усилий жителей данной местности, многие организации создаются теперь ради того, чтобы предотвратить, приостановить, отменить то движение, которое уже приобрело организованные формы или имеет массовую поддержку. Ныне существуют ассоциации, цель которых состоит в предотвращении строительства плотин или дорог, отмене обрезки деревьев, запрещении посадки самолетов в определенных местах, прекращении строительства электростанций или линий электропередач, отказе от всего, что обычно называют «прогрессом».

ГЛАВА IX

Политика: еще один вид хаоса

На Токвилля произвела огромное впечатление заинтересованность американцев в проблемах государственной власти и степень их участия в политической жизни. «Рассуждать о вопросах управления обществом,—писал он об американских гражданах,—и разглагольствовать о том, как обстоит дело в этой области, представляет собой, так сказать, единственное доступное им удовольствие... И если бы американец был бы теперь обречен заниматься лишь своими собственными делами, он бы наполовину лишился смысла жизни, ощущал бы ее опустошенность и чувствовал бы себя крайне несчастным».

Один из наиболее громких лозунгов Американской революции гласил: «Налогообложение без народного представительства — тирания». Подобная приверженность к самоуправлению, видимо, просуществовала по крайней мере до 50-х годов XIX века, хотя и были введены значительные ограничения на право участия в голосовании. В большинстве штатов такое право предоставлялось только белым гражданам, достигшим двадцати одного года. В некоторых других этим правом обладали и свободные негры, однако оно не всегда соблюдалось на практике. Повсеместно существовал имущественный ценз. Токвилль отмечал, что в пятнадцати из существовавших тогда двадцати четырех штатов выдвигались требования в отношении собственности, военной службы или уплаты налогов в качестве условий для участия в голосовании. Сведения, которыми он располагал, были несколько неточными и не отражали в известной мере противоречивые тенденции периода 20—40-х годов XIX века. Тогда требования в отношении наличия собственности были снижены, неграм же вообще запрещалось голосовать во многих штатах. Никто в это время не выступал за предоставление права голоса женщинам.

Хотя и существовали большие ограничения в отношении участия в голосовании, те, кто обладал таким правом, активно и широко использовали его. Во многих штатах

выборы в нижние палаты законодательных собраний (как и губернаторов некоторых штатов) проводились ежегодно. Джефферсоновский приверженец Натаниель Мейкон, как утверждают, заслужил признание своим лозунгом: «тирания начинается там, где прекращаются ежегодные выборы».

В большинстве штатов предвыборная кампания проводилась в конце лета или осенью, когда заканчивались основные сельскохозяйственные работы, президентские же выборы имели место в ноябре. В некоторых штатах голосование продолжалось два-три дня с тем, чтобы избиратели из отдаленной сельской местности могли добраться до избирательных участков. Подобная практика сошла на нет по мере того, как были созданы более благоприятные транспортные возможности. В некоторой мере причиной этому послужило то обстоятельство, что из-за длительных сроков голосования создавались условия для всевозможных махинаций.

Тайное голосование, каким мы его знаем, не существовало. Штаты не обеспечивали составления официальных бюллетеней, скорее речь шла о голосовании в его современном виде, когда каждая партия или группа кандидатов составляли собственный список. Посторонние наблюдатели при известных навыках могли определить, за кого данный избиратель собирается голосовать по тому, какой у него бюллетень. В штате Род-Айленд избиратели подписывали бюллетени; в трех штатах выборы проводились открытым голосованием.

Угроза давления или шантажа, особенно когда конкуренция между кандидатами оказывалась ожесточенной и никто из них не получал явного большинства голосов, видимо, не отпугивала избирателей. По расчетам Ричарда Маккормика, в выборах 1828 года, когда кандидатами в президенты являлись Адамс и Джексон, в штате Нью-Гемпшир приняло участие в голосовании более 75 процентов, в Нью-Йорке—70, в Нью-Джерси—около 72, в Огайо—76, в Индиане—почти 70 процентов избирателей.

Токвилль и не пытался разобраться в различных видах избирательной процедуры. Однако он все же отметил ее запутанность и сильный накал страстей. «Как только вы вступите на американскую землю, то сразу же столкнетесь с хаосом—со всех сторон доносятся беспорядочные выкрики, раздаются тысячи голосов, каждый из них отстаивает собственное требование в социальной области»,—писал он в статье «Демократия». Граждане активно участвуют в учреждении школ, церквей, прокладке дорог,

в избрании своих представителей, активно поддерживают правительство либо же выступают против него и даже, к его большому изумлению, борются против алкоголизма при содействии общества трезвенников.

Токвиль пришел к выводу, что столь активное участие в политической жизни приносит пользу Америке. Особенно, если учесть как побочный результат то, что население приобретает навыки самоуправления. А расширение грамотности способствует развитию промышленности, росту общего благосостояния. С меньшим энтузиазмом отнесся он к наблюдавшимся прямым последствиям политической агитации, особенно в ходе президентской избирательной кампании.

«По мере того как приближаются выборы, все больше плетутся интриги, все увеличивается и распространяется возбуждение. Население распадается на несколько лагерей, каждый из них выступает за своего кандидата. Вся нация оказывается в состоянии лихорадки, тема выборов не сходит с газетных страниц, только об этом говорят люди между собой, с предвыборной кампанией связаны все их поступки и мысли, в это время они ничем другим не интересуются».

Токвиль также отмечал: «Президент, со своей стороны, целиком углублен в проблему собственной защиты. Он более не управляет в интересах государства, лишь в целях своего переизбрания. Он раболепствует перед большинством и зачастую вместо того, чтобы усмирять страсти, согласно своим обязанностям, поспешно пытается предугадать все его капризы».

Как раз накануне выборов 1972 года президент Никсон согласился увеличить выплаты по социальному страхованию на 20 процентов, и это после того, как он отстаивал необходимость их увеличения всего на 5 процентов и угрожал запретить любое превышение этого размера. Позднее ему пришлось обосновывать выплату государственных субсидий с целью стабилизации цен на молоко ссылками на исключительно сильное политическое давление со стороны конгресса. Оба эти момента, видимо, подтверждают мнение Токвиля о тех мотивах, которыми руководствуются президенты США в ходе кампании по их переизбранию.

Токвиль отметил и, похоже, одобрил большое значение отдельных личностей в политике. Не случайно он писал, что «в Соединенных Штатах, как и везде, политические партии испытывают потребность в объединении вокруг одного человека, чтобы облегчить разъяснение своей

позиции толпе. Таким образом, американцы вообще используют имя кандидата на президентский пост в качестве символа, в нем они персонифицируют свои теории».

Американская политическая жизнь во времена визита в страну Токвилля находилась в состоянии быстрого изменения и была крайне запутанной. Федералисты, видимо, отказывались от своих традиционных представлений и присоединялись к новым фракциям, нередко формируя их. Последователи Эндрю Джексона и Генри Клея претендовали на роль истинных наследников старой республиканской партии Томаса Джефферсона и продолжали использовать самое ее название. По их мнению, звание республиканцев выглядело вполне достойно.

Старые республиканцы занимали преобладающее положение в национальной политике в период с 1800 по 1824 год и были представлены «вирджинской династией» в лице Томаса Джефферсона, Джеймса Медисона и Джеймса Монро. Джефферсон и Медисон занимали президентский пост дважды, а затем передавали президентские полномочия государственному секретарю на основе решения республиканской фракции конгресса и коллегии выборщиков. Монро также избирался на пост президента, однако в конце своего второго срока пребывания на этой должности он не передал полномочия избранному преемнику. Он устранился от активного участия в выборе такого преемника как раз в тот момент, когда применение совещаний партийных фракций в конгрессе в качестве инструмента для выбора представителя партии на пост президента США подвергалось ожесточенным нападкам. Соответственно Джон К. Адамс, являвшийся государственным секретарем в период пребывания Монро у власти, должен был вести напряженную кампанию за избрание на президентский пост. Точнее, эту борьбу вели его сторонники, поскольку в то время считалось, что кандидату не следует заниматься активной пропагандой за свое избрание. Напоминанием о подобной практике служит существующий в наши дни порядок, в соответствии с которым при проведении национальных съездов ведущих политических партий кандидаты на президентский пост не выступают перед делегатами съезда.

Партия федералистов, истоки которой восходят к Конституционному конвенту, достигла максимального влияния в период пребывания у власти Джона Адамса. После этого роль партии сводилась в основном к оппозиции по отношению к правительству. Она никогда не отличалась хорошей организацией, а ее претензии на аристократичность не

могли привлекать мелких фермеров и функционеров, во все большем количестве вовлекаемых в политические организации. Федералисты потеряли своего величайшего лидера Александра Гамильтона, убитого на дуэли с Ароном Барром в 1804 году. Оппозиция федералистов в войне 1812 года еще больше способствовала падению популярности этой партии. Более того, старые федералистские программы—такие, как введение протекционистских таможенных тарифов и создание крупной армии в мирное время,—были взяты на вооружение некоторыми республиканцами.

Хотя федералисты участвовали в работе конгресса вплоть до 1824 года, а в законодательных собраниях некоторых штатов и в последующем, их партия как политическая организация прекратила свое существование к 1824 году. Из-за ее упадка и пассивности Монро президентские выборы в том году превратились в состязание между четырьмя членами старой республиканской партии. Это были Джон К. Адамс, государственный секретарь при Монро, сенатор Эндрю Джексон, Уильям Крофорд, министр финансов при Монро, и Генри Клей, спикер палаты представителей.

Поскольку ни один из кандидатов не получил необходимого большинства в коллегии выборщиков, вопрос об избрании президента был «передоверен» палате представителей.

Генри Клей из Кентукки при голосовании в коллегии выборщиков оказался четвертым, его исключили из представленного для рассмотрения палатой представителей списка. Хотя Клей был из западного штата, он оказал поддержку Джону К. Адамсу из Новой Англии. Адамс одержал победу при голосовании в палате представителей и вскоре назначил Клея государственным секретарем. Сторонники Джексона ожесточенно набросились на эту, как они называли, «бесчестную сделку». Джексон выразил свое собственное отношение к Клею следующим образом: «Итак, вы видите, что Иуда с Запада подписал контракт и получит свои тридцать сребреников. Он кончит так же, как и настоящий Иуда. Видел ли кто-либо прежде в какой-нибудь стране подобную коррупцию?»

Предвыборная кампания 1828 года началась сразу же после выборов 1824 года, когда палата представителей избрала Адамса на пост президента США. Адамс никогда не смог оправиться от неудачного начала своей карьеры и ущерба, который был ему нанесен обвинением в «бесчестной сделке». Он оказался последним из президентов

США, связанных с колониальным прошлым этой страны. Законодательное собрание штата Теннесси выдвинуло Джексона в качестве кандидата на пост президента осенью 1825 года. В конгрессе сторонники Крофорда, известные своим радикализмом, выступая против Адамса, присоединились к сподвижникам Джексона. Кампания в поддержку Джексона стала по существу своему кампанией против Адамса, а победа Джексона носила скорее личный характер и не определялась особенностями его идеологии или выдвигаемых программ. Джексона изображали как представителя народа, а Адамса — как высокомерного аристократа. Джексон победил и во время поездки Токвилля находился у власти, будучи избран 56 процентами всех голосов избирателей и получив поддержку со стороны 178 против 83 выборщиков, проголосовавших за Адамса.

Для периода пребывания у власти Джексона характерно возникновение ряда мелких политических партий. Одна из них возникла на основе антимасонского движения, которое началось в Нью-Йорке в 1827 году после таинственного исчезновения Уильяма Моргана — одного из масонов, решившего раскрыть их тайны. Предполагалось, что он был убит кем-то из коллег-масонов до того, как ему удалось осуществить свое намерение. В 1828 году противники масонов укрепили свои позиции в западной части штата Нью-Йорк, а также в некоторых районах Пенсильвании и Огайо. В 1832 году их кандидат на пост президента получил 8 процентов голосов избирателей. Помимо противников масонов, существовали партии, объединявшие трудящихся (они выступали под названием «народной партии», «общества фермеров и механиков» и т. д.). Первая партия рабочих возникла в Филадельфии в 1828 году, другая — в Нью-Йорке через год, и еще одна — в Бостоне в 1830 году. Партии рабочих начали создаваться в крупных и мелких городах штатов Коннектикут, Делавэр, Мэн, Нью-Гемпшир, Нью-Джерси, Огайо и Вермонт. Такие партии занимались главным образом местными проблемами. Они призывали к осуществлению всеобщего образования, предоставлению квалифицированным ремесленникам права на удержание имущества их должников, к отмене тюремного заключения за невыплату долгов, налоговой реформе и реформе избирательной системы.

Такова была запутанная и постоянно меняющаяся картина политической жизни, которую Токвилль увидел в Америке. Именно в ней он и пытался разобраться. Не удивительно, что это ему не совсем удалось. Большинство людей, с которыми он беседовал, в том числе по политиче-

ским вопросам, сохраняло колониальные, почти аристократические традиции. Люди этой категории выражали недовольство главным образом расширением избирательных прав и деятельностью президента Джексона. Они вспоминали, как им казалось, лучшие дни, когда правительство да и сама политика отличались большей стабильностью, а чередование президентов означало лишь замену людей, а не политики.

«Америка имела великие партии, они более не существуют. Это позволило людям стать гораздо более счастливыми, но не способствовало улучшению их морали»,— писал Токвиль в статье «Демократия». Он, видимо, имел в виду тот период, когда существовала партия федералистов и только что возникла партия Джефферсона, и считал это время эпохой великих партий. Токвиль отмечал, что федералисты составляли меньшинство в силу совершенно естественных причин—Америка являлась демократической страной. Однако он считал, что федералисты могли контролировать правительство в первые годы существования американского государства в силу двух обстоятельств: во-первых, поскольку большинство вождей Американской революции были федералистами, а их влияние—огромным, а во-вторых, провал «Статей конфедерации»^{*} заставлял людей опасаться анархии.

Во всяком случае, Токвиль считал, что в период его поездки в Америку там не существовало великих партий. Подобному мнению способствовали и взгляды тех американцев, с которыми ему приходилось беседовать. Например, адвокат из Балтимора заявил Токвиллю, что, когда к власти пришли сторонники Джефферсона, «они вели дела почти во всех отношениях точно таким же образом, как это делали бы их противники... Если к власти приходят представители оппозиции, они никогда не могут пользоваться принципами, позволившими им добиться успеха. Теперь, по правде говоря, в Соединенных Штатах не существует партий, все вращается вокруг вопроса об отдельных личностях. Налицо люди, заполучившие в свои руки власть, есть и те, кто стремится этого добиться, члены правительства и оппозиция». Подобным же образом высказывались и другие американцы—Николас Биддл, президент банка Соединенных Штатов, и Питер Шермерхорн, с которым Токвиль познакомился, пересекая Атлантический океан.

^{*} Речь идет о первой американской Конституции, принятой конгрессом в 1777 г. и утвержденной штатами в 1781 г.

«Из-за отсутствия крупных политических партий в Соединенных Штатах юлят перед мелкими партиями и общественное мнение распадается на бесконечное число фракций по различным второстепенным вопросам»,— говорил Токвиль.

Токвиль был невысокого мнения о политических партиях, особенно о наиболее мелких из них. Он разделял мнение, что партии «являются злом, присущим свободной форме правления». Далее он писал: «Небольшие партии вообще не обладают политическими убеждениями. Поскольку они не руководствуются возвышенными целями, характерный для них эгоизм открыто проявляется во всех их действиях. От этого их помыслы наполнены фальшивым энтузиазмом, у них грубый лексикон, однако достигнутые ими успехи невелики и ненадежны. Используемые ими средства столь же постыдны, как и цели, которые они преследуют». Об американских политических партиях он говорил, что «почти в каждой партии имеются цельные натуры, однако не существует целостной политической партии... Я не могу,—продолжал он,—представить себе более убогого зрелища где-либо в мире, чем то, которое представляют собой различные мелкие группки (они не заслуживают названия партий), раздирающие страну на части. При свете дня можно наблюдать проявление на лицах людей тех мелких позорных страстишек, которые обычно спрятаны в самой глубине человеческой души».

Несмотря на признание достоинств некоторых должностных лиц, Токвиль весьма низко оценивал общий уровень сотрудников государственных органов Соединенных Штатов. Он, видимо, соглашался с мнением тех представителей американской аристократии, которые считали причиной подобного положения всеобщее избирательное право. И разделял их точку зрения о том, что Джексон не обладал необходимыми для президента качествами. Токвиль ссыался на слова Ливингстона, заявившего, что государственные посты повсеместно «занимают люди, чьи способности и собственные качества превращают их во второразрядные личности. Подобные должности не обеспечивают нужного заработка, не дают социального положения или власти, достаточных для того, чтобы привлечь действительно выдающихся людей. Но не так обстояло дело в первые годы после получения независимости. Ныне в нашей политической жизни нет великих людей. Они применяют свои способности и энергию в других областях деятельности».

Токвиль и Бомон все же имели официальную беседу с

президентом Джексон. Визит к нему, хотя и носил протокольный характер, нисколько не изменил мнение Токвилля, а именно: Джексон «является человеком буйного нрава и посредственных способностей; ничто во всей его карьере не свидетельствует о качествах, необходимых для руководства свободными людьми; более того, большинство просвещенных классов Соединенных Штатов всегда враждебно относилось к нему». Токвилль считал, что положительные качества были «повсеместно распространены среди тех, кем управляли, и редко отмечались у тех, кто управлял». Более того, выдающиеся американцы «нечасто попадали на правительственные должности».

Токвилль был уверен, что сенаторы выгодно отличались по своим достоинствам от членов палаты представителей. В работе сената принимали участие «красноречивые адвокаты, выдающиеся генералы, умные мировые судьи и известные государственные деятели». Палата представителей, по его мнению, состояла из посредственностей. Такое различие он объяснял тем, что сенаторы избирались законодательными собраниями штатов, в то время как члены палаты представителей — непосредственно населением. Токвилль упомянул об одном члене палаты представителей в качестве примера того, «насколько ошибочным может оказаться общественное мнение...». Он писал, например: «Два года назад жители округа с центром в Мемфисе, штат Теннесси, направили в палату представителей конгресса человека по имени Дэвид Крокетт. Этот избранник, не получивший никакого образования, едва умевший читать и не имевший собственности или постоянного места жительства, все время проводил на охоте, зарабатывал только продажей дичи и всю жизнь фактически не расставался с лесом».

Обладание богатством, считал Токвилль, являлось препятствием для кандидата при его избрании на государственный пост. Обычно богатые люди избегали выдвижения своих кандидатур, поскольку не хотели принимать участия «в борьбе — а она зачастую оказывалась неравной — против наиболее бедных из своих сограждан».

На Токвилля не произвела большого впечатления партийная дисциплина в условиях демократии, ее низкий уровень — он, как ему казалось, особенно резко проявлялся в публичных выступлениях. Его обобщения по данному вопросу, видимо, основывались и на собственных рассуждениях о демократии, и на личных наблюдениях за практической реализацией демократических принципов в Америке. Во всяком случае, он выразил мнение, что

партии в условиях демократии «проявляют повиновение только в случаях, когда опасность очень велика. Даже тогда, когда авторитет лидера может оказаться достаточным, чтобы заставить людей говорить и действовать, его может не хватить, чтобы принудить их замолчать». Токвиль усматривал причину этого в тщеславии и давлении со стороны массы избирателей. Последнее, по его словам, «доводит до отчаяния тех добропорядочных и посредственных людей, которые, зная свои ограниченные возможности, никогда не позволили бы себе выдвинуться на первый план. Подстрекаемый подобным образом, депутат поднимается на трибуну, чтобы произнести речь к величайшему ужасу своих друзей. И стремительно ворвавшись в среду известных ораторов, он нарушает само обсуждение, навевая скуку не присутствующих. В результате подобных обстоятельств, отмечал французский исследователь, дебаты в конгрессе «зачастую носят туманный и запутанный характер; кажется, что они еле тащатся, вместо того чтобы бодро шагать к намеченной цели».

Токвиль проявил более терпимое отношение к пустопорожней риторике, которую невозможно устранить. Он писал, что американцы, видимо, примирились с этой проблемой и «демонстрируют свой длительный опыт в области парламентской деятельности, притом не путем отказа от скучных речей, а с помощью собственного мужества, вытерпев их до конца. С ними смирились, поскольку, как свидетельствует практика, это зло не может быть устранено».

Самому Токвиллю не удалось наблюдать за ходом общенациональных выборов. Однако он использовал их описание, заимствованное по крайней мере у двух американских авторов. Один из них, житель Мэриленда, баллотировался в законодательное собрание штата, выступая противником президента Джексона. Он следующим образом описывал свои впечатления: «Мой оппонент оказался одним из моих лучших друзей. За два дня до выборов мы отправились на площадь имени Вашингтона, где возвели трибуну для выступлений перед избирателями. Я поднялся на нее первым и начал объяснять присутствующим — а их собралось по крайней мере 10 тыс. человек — ошибки генерала Джексона и нынешней администрации после прихода к власти. Мой соперник выступил в защиту правительства. Мы старались, но возмущенные выкрики сторонников каждой из враждовавших партий заглушали наши голоса. Несколько человек передрались между собой. Кое-кому переломали руки или ноги, и наконец все

отправились спать. На следующий день мы вместе с моим противником выехали в поездку по стране. Мы путешествовали в одной карете, питались за одним столом, останавливались в одних гостиницах, а затем появлялись как соперники на одной и той же трибуне». Это звучит несколько анекдотично, особенно учитывая количество людей, которые, как сообщается, присутствовали на этих выступлениях.

Второе сообщение поступило из штата Огайо, где Токвиллю сказали, что «на Западе кандидат должен выступить с горячей и страстной речью перед своими сторонниками в любом общественном месте, а также должен пьянствовать с ними в тавернах». Токвилль поверил в эту историю и написал впоследствии в своих очерках, что ради получения голосов кандидаты «должны опуститься до применения методов, вызывающих отвращение у людей, пользующихся известностью. Каждому приходится бродить по тавернам, пить и спорить с чернью, именно это и называется проведением предвыборной кампании в Америке».

Хотя практика раздачи государственных должностей вслед за победой партии, видимо, не вызывала особого беспокойства у Токвилля, он сообщил о жалобе одного молодого адвоката. Когда Джексон пришел к власти, рассказывал этот юрист, он «уволит 1200 государственных служащих по той лишь причине, что пожелал водворить на их места своих сторонников... Раздача должностей стала оплатой за услуги, оказанные лично ему. Больше всего я осуждаю его за то, что он распространил коррупцию на центральное правительство, и его примеру будут следовать и дальше. Все журналисты, работавшие на него, получили хорошие места. Даже для назначения в Верховный суд он отбирал кандидатуры среди своих друзей».

Токвилль не упоминал ни о каких источниках финансирования избирательных кампаний, помимо описанного способа вознаграждения после ее завершения. Безусловно, система раздачи должностей представляла собой способ компенсации за приложенные усилия, как и за жертвования в пользу кандидата. Газеты, выступавшие в поддержку правительства, получали от него выгодные заказы; некоторые редакторы назначались на государственные посты, которые отнимали мало времени, но приносили неплохой доход.

Правительственным чиновникам и тем, кто получал государственные контракты, предлагалось делать взносы

на проведение избирательных кампаний. Конгрессмены использовали право на бесплатную пересылку по почте своей корреспонденции. Это делалось также для распространения газет своей партии и материалов предвыборных кампаний, видимо, даже с большим успехом, чем в наши дни. Устройство так называемых политических обедов частично позволяло осуществлять сбор средств, хотя основная их цель, очевидно, сводилась к повышению авторитета партии, духа ее членов. Иногда делегаты съездов в отдельных штатах должны были уплачивать определенные взносы.

Значительная часть средств, собранных Даниелем Вебстером для проведения предвыборной кампании республиканской партии в 1828 году, поступила, как полагали, от деловых кругов. Утверждалось, что на деньги «Бэнк оф Юнайтед Стейтс» в 1832 году велась кампания против Джексона. Однако, по сообщениям из более надежных источников, участие банка в ней носило опосредованный характер. Во второй половине 1832 года этот банк израсходовал около 17 тыс. долл. на то, чтобы отпечатать и распространить почти 30 тыс. экземпляров послания Джексона. В нем он официально выступил в защиту банковских интересов.

Как это обстоит в наши дни, кандидаты вовсе не располагали персоналом квалифицированных специалистов по проведению предвыборной кампании, арендованными поездами или самолетами. Однако во многих отношениях выборы президента США в 1828 и 1832 годах предвосхитили современные кампании. Они носили гораздо более непосредственный и захватывающий характер, чем в предшествующие годы. Избрание Джексона не явилось результатом счастливой случайности, поскольку Мартин Ван Бьюрен и другие его помощники были способными и искусными организаторами подобных кампаний. Джексон и его приверженцы не изобрели новых методов борьбы, они лишь довели до совершенства старые, применив их с большим умением.

Джексон лично активно занимался вопросами организации предвыборных мероприятий. Его поддерживал эффективный политический механизм, образованный в таких штатах, как Нью-Йорк, Вирджиния и Нью-Гэмпшир. Созданный в 1827 году в городе Нэшвилл, штат Теннесси, центральный предвыборный орган, поддерживая контакты с комитетами в других штатах, отражал все атаки против генерала. Другой центр в Вашингтоне, округ Колумбия, распространял пропагандистские материалы. В конгрессе

сформировалась группа сторонников Джексона, и организаторы мероприятий в его поддержку были направлены во все уголки страны. На периферии возникли комитеты за избрание его на пост президента и филиалы клуба «Гикори». Сторонники Джексона использовали также метод, который можно назвать ранней формой посылки представителей на место для «предварительной организации» всевозможных мероприятий. Токвилль свидетельствовал: «Чтобы возбудить энтузиазм (избирателей), накануне митинга местные комитеты зачастую высылали людей на лошадях «с надписями на их шляпах» с указанием партии и имени кандидата. В 12-м районе Балтимора такие всадники разбрасывали мелкие монеты среди собравшейся толпы и призывали мальчишек кричать «ура» в честь Джексона».

Специально для проведения кампании была составлена биография Джексона. Были изготовлены самые различные значки с его портретом. Один из них фактически представлял собой медаль. На одной стороне было выбито его изображение, на другой — лозунг; и имелось отверстие для того, чтобы при помощи ленты или шнура ее можно было прикрепить к лацкану пиджака.

Предпринимались попытки заполучить голоса представителей различных национальностей. Пропагандистская литература печаталась на немецком языке и распространялась среди выходцев из Германии. Ирландским иммигрантам Джексона представляли как ирландца (он происходил из смешанной шотландско-ирландской семьи), а верующим людям — как крайне набожного. Удачные мероприятия были проведены сторонниками Джексона и непосредственно в день выборов. В некоторых местах партийные активисты колоннами привели множество избирателей на участки для голосования, и перед ними несли знамена с портретами Джексона.

Особенностью выборов 1832 года явился созыв национальных съездов. Федералисты проводили его еще в 1808 году, однако позднее не применяли подобной практики для выдвижения кандидатов. Республиканцы обычно назначали кандидатов на заседаниях своей фракции в конгрессе. В условиях сложной политической жизни в 20-е годы XIX века кандидаты выдвигались законодательными собраниями штатов и даже на массовых митингах. Однако все три партии, участвовавшие в предвыборной кампании 1832 года, провели свои национальные съезды.

Первый из них состоялся в сентябре 1831 года в Балтиморе. Его организовали противники масонов; канди-

датом на пост президента избрали Уильяма Уирта, бывшего генерального прокурора. Национальная республиканская партия вслед за этим провела свой съезд в том же городе в декабре 1831 года, и в качестве ее кандидата был выдвинут Генри Клей.

И демократы собрали свой съезд в Балтиморе в мае 1832 года. Поскольку их кандидатура в президенты не вызывала сомнений, основной задачей съезда стало выдвижение претендента на пост вице-президента. Джексон стремился отвести кандидатуру Джона Калхуна, отдавая предпочтение Мартину Ван Бьюрену. Делегаты согласились с предложением Джексона. На первом съезде демократической партии применялось правило, в соответствии с которым кандидатуры утверждались большинством в две трети голосов; существовало также правило, позволявшее представителям отдельных штатов голосовать только за одного кандидата. Первое из них сохраняло силу примерно в течение ста, второе — в течение почти ста со-рока лет.

В целом высказывания Токвилля относительно американской политической жизни 30-х годов XIX века оказались совершенно верными. Однако он был неправ, когда утверждал, что богатые люди предпочитали отказываться от государственных должностей. Ближе к истине оказалось бы упоминание о «старых богачах». Как раз во время поездки Токвилля на государственных должностях находилось много аристократов, наживших большие состояния (к ним относился и Эндрю Джексон). Практически даже относительно радикальные слои поддерживали кандидатуры из числа богатых людей. Это реальное обстоятельство подтверждало доводы, выдвигавшиеся Александром Гамильтоном в Конституционном конвенте против пропорционального представительства в палате представителей. Он утверждал, что рабочие, имеющие низкий уровень образования, предпочтут голосовать за того, кто имеет лучшую подготовку.

Токвилль, видимо, недооценивал качества государственных деятелей того времени. Их перечень включал Джона К. Адамса, Томаса Бентона, Джона Калхуна, Генри Клея, Сэма Хьюстона, Джеймса Полка, Роджера Б. Тейни, Мартина Ван Бьюрена и Даниеля Вебстера. Даже Дэвид Кроккет не был столь плохим, как полагал Токвилль.

Каково же политическое положение в Соединенных Штатах примерно через 150 лет после поездки Токвилля? На первый взгляд, а может быть, и при более тщательном рассмотрении, можно было бы утверждать, что оно не

очень изменилось или, во всяком случае, изменилось к худшему.

Человеческие качества и поведение, сам образ жизни конгрессменов и других ответственных лиц в государственном аппарате и сейчас вызывают такое же беспокойство, как и в 1831 году. Повсеместно сложилось мнение, что в целом члены палаты представителей обладают худшими качествами, чем сенаторы. Однако примерно пятая их часть в прошлом состояла членами этой палаты. Политики, историки и обозреватели толкуют и пишут о гигантах прошлого, точно так же, как это делали люди, с которыми Токвиллю приходилось беседовать во время его поездки. Невозможно точно определить, являются ли способности и моральные качества государственных служащих в настоящее время более высокими или они ухудшились по сравнению с прошлым. Достаточно лишь заметить, что они и поныне неудовлетворительны и отличаются порочностью. Питер Одегард, упоминая о политической коррупции в статье для «Энциклопедии общественных наук», отмечал, что Соединенным Штатам, если их сопоставить с другими великими нациями современности, меньше всего приходится завидовать в отношении уровня их общественной морали. Уотергейтское дело и связанные с ним события свидетельствуют, что немного изменилось сравнительно с условиями сорокалетней давности, когда он высказал это мнение.

Существуют по крайней мере три фактора, самым непосредственным образом воздействующие на политическую мораль. Первый из них — общие моральные требования и нормы, господствующие в обществе; второй — уровень морали в сфере бизнеса, среди юристов и других специалистов, оказывающих непосредственное влияние на политическую жизнь и правительство. И третий — принятые идеалы и традиции относительно обязанностей в политической сфере.

Общий уровень морали в каком-либо обществе будет, по-видимому, отражаться на поведении избранных или отобранных сотрудников государственных органов. Я не стану предпринимать попыток выносить суждения об уровне морали в Соединенных Штатах, замечу лишь, что он оставляет желать лучшего.

Более непосредственно относится к обсуждаемому нами вопросу и легче поддается определению уровень моральных норм, принятых в сфере деловых отношений и в профессиональном мире, в политике. Они оказывают непосредственное воздействие на применяемые методы

управления. В большинстве случаев, когда сотрудники государственного аппарата пытаются защищаться от выдвинутых против них обвинений, они утверждают, что их действия не выходят за обычные рамки. Во внешнем (по отношению к аппарату) мире люди, наживающиеся за счет влияния на других, те, кто искушен в искусстве оказания грубого давления, специалисты в области общественных отношений (некоторые из них исповедуют философию, которая сводится, как рассказывают, лишь к тому, чтобы выявлять сомнения и усиливать их), оказываются если не во главе стола, то, во всяком случае, на его почетном месте. Перенос же отношений соперничества, приемлемых в рамках правовых и судебных процедур, на другие области общественных отношений может подорвать взаимное доверие.

Причина наличия неудовлетворительных моральных норм, определяющих деятельность правительства, состоит затем в отсутствии прочных традиций. Имеется в виду степень особой ответственности, возлагаемой государственной должностью, и оказываемой назначенному на нее лицу чести. Когда в первый период существования самостоятельной американской нации были отброшены аристократические традиции Старого Света и принята эгалитарная политическая система, каждый гражданин заполучил свою долю политической власти. Наделив ею, мы почему-то не смогли внушить соответствующее чувство политической ответственности, а его, с определенной степенью успеха, давние традиции и институты возлагали на правящую элиту. Нам не удалось создать новые институты и традиции, устанавливающие непосредственную взаимосвязь между занимаемой должностью и ответственностью.

В то время как условия в основном неизменны или в лучшем случае изменяются очень медленно, выдвигается множество предложений по улучшению состава государственных служащих. Предполагается добиться их большей честности при осуществлении своих обязанностей, как и в целом повышения эффективности их деятельности. Периодически производится повышение заработной платы членов конгресса и других сотрудников государственного аппарата. Обычно в обоснование этого выдвигается довод, что более высокие оклады будут способствовать привлечению на их должности обладающих более высокими качествами кандидатов. Нет никаких доказательств, будто повышение ставок приводило в прошлом к подобным результатам.

В наши дни от членов конгресса требуется представле-

ние официальных отчетов о размерах и источниках побочных доходов или поступающих в их распоряжение средств. Добровольное представление информации о своем финансовом положении практиковалось прежде довольно широко. Иногда это делалось по личной инициативе, а подчас — в результате давления со стороны оппозиции. Остается неясным, оказывает ли такая информация влияние на результаты выборов или поведение должностного лица.

Кампания по выборам президента в 1976 году имела уникальный характер в том смысле, что она оказалась первой в истории, проводившейся в соответствии с недавно принятым законом о федеральной избирательной кампании. Согласно ему финансирование предвыборной президентской кампании осуществляется за счет государства. Необычность названной кампании заключалась в том, что обе партии обнаруживали признаки внутреннего надлома и замешательства. Подобного не отмечалось со времен борьбы между Адамсом, Клеем и Джексоном в 1824 — 1832 годах, если не считать периода, предшествовавшего Гражданской войне. Тогда партия вигов находилась в состоянии распада, а республиканская партия еще не сформировалась. На этом промежуточном этапе проявляли активность все группировки — аболиционисты, фрисойлеры, независимые демократы, «сознательные» виги, «поджигатели амбаров», «ничего не знающие» * и даже сторонники запрещения торговли спиртными напитками.

Республиканцы вступили в избирательную кампанию 1976 года, имея в качестве кандидата человека, занявшего президентский пост после отставки президента и вице-президента. Его избрали в 1972 году. В ходе предвыборной борьбы республиканцы занимались главным образом оправданием всего комплекса преступных или почти преступных действий во время уотергейтской операции. Кроме того, они пытались объяснить причины провала политики правительства, а следовательно, и курса всей страны в решении таких проблем, как безработица, нищета, инфляция, нехватка нефти и т. д.

Среди демократов возник раскол, если не открытая вражда. На ранних стадиях предварительных выборов у них было много самых различных кандидатов — от Фреда

* Имеется в виду полутайная «Американская партия», защищавшая интересы рабовладельцев. На все вопросы о деятельности этой партии ее члены должны были отвечать «ничего не знаю», откуда и произошло само название.

Харриса, самозванного популиста, до Джорджа Уоллеса, которого таковым объявила пресса. В конечном итоге они выдвинули кандидатуру и затем добились избрания Джими Картера. Он расчистил себе дорогу, утверждая, что в чем-то несколько превосходил своих непосредственных соперников либо совсем немного уступал им. Его позиция оказалась менее крайней, чем губернатора Джорджа Уоллеса, он показал себя милитаристом, но не до такой степени, как сенатор Генри Джексон, и вместе с тем менее либеральным, чем конгресмен Моррис Юдолл, был моложе сенатора Губерта Хэмфри, но старше губернатора Калифорнии Джерри Брауна.

Еще одной проблемой в ходе избирательной кампании стала сама жизнеспособность так называемой «двухпартийной системы». Возник также затрагивающий конституционные принципы вопрос о том, должна ли политическая жизнь Соединенных Штатов на практике и в юридическом плане сводиться фактически к деятельности двух политических партий — такая концепция была положена в основу федерального закона о выборах. Сам он эффективным образом обеспечивал государственное финансирование только кандидатов от республиканской и демократической партий. В соответствии с законом независимые кандидаты, как и претенденты от третьих партий, лишались правительственных средств на проведение избирательных кампаний. Затруднялась сама их организация и сбор средств на покрытие необходимых расходов.

Концепция двухпартийной политической системы в виде основного принципа функционирования американской демократии не получила развития в ходе конвента, на котором разрабатывалась американская Конституция. Напротив, перспектива осуществления политики на узкопартийной основе и особенно двухпартийной политической системы вызвала беспокойство среди его участников. Джон Адамс заметил в 1780 году, что наихудшей формой политической организации в условиях Конституции, подобной принятой в стране, стал бы политический курс, контролируемый и проводимый двумя сильными политическими партиями. Он полагал, что это предопределило бы безответственное политиканство и никудышное руководство. Конституция, как подразумевалось, в некоторой степени ограждала страну от правления отдельной фракции, предупреждала партийный контроль над правительством. Даже институт партийных организаторов, ныне весьма активных как в сенате, так и в палате представите-

лей, показался бы «отцам-основателям» страны извращением конституционной системы.

Принятие идеи об осуществлении политики на основе двухпартийной системы не сопровождалось публикацией специальных документов или особыми событиями. Специалисты в области политической философии утверждали, что двухпартийная система представляет собой признак политической зрелости. И затем, исходя из необоснованных сравнений с правительствами, действующими на принципах парламентаризма, попросту отмечали существование стабильного и справедливого государственного руководства в странах, где вся политическая жизнь сконцентрирована вокруг деятельности двух партий. (В качестве примера обычно ссылаются на Англию, все еще обладающую двухпартийной политической системой, однако итоги ее функционирования обычно не называют обнадеживающими. Плохим примером чаще всего служила Франция.) Специалисты в области политических наук приступают к преподаванию курса под названием «Двухпартийная система». Это представляет собой удобную основу для анализа, даже если он оказывался неверным. Двухпартийная система выглядит сбалансированной, чем-то вроде ньютоновского закона физики. Ее легко можно представить на различных диаграммах.

Политикам понравилась подобная идея. В одном штате за другим демократы и республиканцы принимали меры по обеспечению особых преимуществ своим партиям и по предупреждению эффективного участия в политической жизни третьих партий и независимых политических деятелей. Двухпартийная система превратилась в символ веры. Когда Джеральд Форд говорил о своем преклонении перед ней, создавалось впечатление, что он зачитывает часть Священного писания или присягает Конституции.

В действительности двухпартийная система наряду с теоретической несостоятельностью положенной в ее основу концепции привела к не очень благоприятным практическим результатам.

В XIX веке политика, ориентированная на деятельность двух партий, оказалась неспособной решить проблему рабства, а после Гражданской войны — совершенно непригодной для Реконструкции Союза. В XX веке двухпартийная система господствовала в американской политической жизни, в то время как мы испытали на себе воздействие Великой депрессии, а позднее оказались глубоко вовлеченными во вьетнамскую войну. До сих пор система эта

оказывает решающее влияние на американскую политику и государственное управление. Нам же среди прочих проблем приходится осознавать реальности безработицы, инфляции и деградации крупнейших американских городов.

Несмотря на все это, те же две партии, контролируя американское правительство, добились принятия федерального закона, позволяющего им занять особое положение и получить преимущества по сравнению с любыми другими политическими организациями. Когда этот закон впервые апробировался в 1976 году, Верховный суд отметил, что из-за него совершенно определенно нарушались основополагающие конституционные установления в двух важнейших сферах: во-первых, в области права на свободу слова и в осуществлении принципа разделения власти, во-вторых. Суд также вынес решение, что готов рассмотреть опыт практического применения этого закона с целью доказательства, что он препятствует осуществлению других прав, гарантированных Конституцией, таких, как право на личную неприкосновенность и свободу собраний в политических целях.

Я уверен: доведись Токвиллю посетить Америку в наши дни, он был бы озадачен, если не сказать, ошеломлен. И это потому, что он увидел бы, насколько легко страна, рожденная революцией—а она основывалась на праве осуществлять политическую организацию и преследовала самоуправление в виде конечной цели,—приняла этот закон. Ведь в соответствии с ним политика страны определяется главным образом самим правительством, а его действия в свою очередь предопределены контролируемой политической системой. Токвилль мог бы охарактеризовать политику страны как «политику правительства, осуществляемую правительством и ради правительства».

ГЛАВА X

**Деятельность президента:
заставьте
этого джентльмена
в Белом доме
спустить его флаг**

Токвилль совершил свою поездку в период первого срока на посту президента Соединенных Штатов Эндрю Джексона. Избранный в 1828 году, он готовился вместе со всей страной к проведению кампании за переизбрание. Мнение Токвилля о Джексоне в значительной мере определялось теми людьми, с кем ему приходилось беседовать. Его собственные впечатления были основаны на весьма непродолжительной встрече с президентом—в ходе светского визита, серьезный разговор не состоялся. Более консервативные, занимавшие прочное положение юристы, врачи и коммерсанты, обсуждая с Токвиллем личность Джексона, неизменно принижали его достоинства как человека, военного руководителя и президента.

Если бы описание деятельности Джексона оказалось более точным, то стало бы ясно, что она отражала его характер и личные качества. Джексон проявил себя решительным и смелым—об этом свидетельствуют факты. Однажды приняв решение о линии поведения, он мог неотступно противостоять любой личной, военной или политической оппозиции, откуда бы она ни исходила. Президент не боялся физической расправы, эта его черта характера казалась привлекательной всем американцам, особенно жителям территорий—они сталкивались с такой опасностью почти всякий день. Он мог стойчески переносить боль. Когда Джексона впервые избрали президентом, в его теле рядом с сердцем все еще сидела пуля—напоминание о дуэли примерно двадцатилетней давности. Врачи невысокой квалификации, не располагавшие анестезическими средствами, видимо, считали, что лучше ее не трогать. Еще одна пуля—результат перестрелки—пятнадцать лет причиняла ему беспокойства. Занимая президентский пост, Джексон часто болел и, как сообщалось, дважды или трижды оказывался на грани смерти. Однако он был активным президентом, и, казалось, нездоровье ему почти не мешало.

Джексон обладал превосходным чувством юмора, отличался вежливой сдержанностью по отношению к незнакомым людям и овладел манерами, обычно приписываемыми джентльменам из южных штатов. Если такая характеристика соответствует действительности, то третья из отмеченных черт должна была удивлять или импонировать тем его политическим противникам, которые имели достаточно высокий уровень культуры и занимали прочное положение в обществе.

В целом Джексон выносил правильные суждения о людях, с которыми имел дело, хотя временами преданность его друзьям (совсем недурное качество у политиков) и его упрямство приводили к серьезным ошибкам. Наиболее показательной стала уже упоминавшаяся история с Пегги Итон, когда Джексон превратил вопрос о женитьбе одного из членов кабинета в проблему большой политической важности. В число людей, чьи государственные таланты он признавал, входили Мартин ван Бюрен, Роджер Б. Тейни, Эцмос Кеддалл и другие.

Одни лишь личные качества и особенности характера не могут объяснить популярность Джексона среди американцев его времени. Обычно в условиях любой конкуренции он выходил победителем. Когда человек достигает вершины своего политического успеха, особенности его характера, идет ли речь об Эндрю Джексоне, Линдоне Джонсоне или Ричарде Никсоне, приобретают второстепенное значение. Победа Джексона в битве под Новым Орлеаном стала одним из немногих очевидных успехов в войне 1812 года. Она способствовала, вполне очевидно, повышению боевого духа нации и позволила отвлечь внимание от того тупика, в котором оказались военные действия. Токвиль, однако, считал, что победа досталась легко. В одной из записных книжек он писал: «Что определило выбор народа в пользу генерала Джексона, который, видимо, является посредственным человеком? Что способствует получению им голосов, несмотря на оппозицию со стороны просвещенных классов? Битва под Новым Орлеаном. И все-таки она была весьма заурядным ратным делом. И у людей, проявляющих столь большое восхищение, наблюдаются в высшей степени антивоенные настроения». Культ Джексона, возникший задолго до того, как он стал президентом, расчетливо использовался организаторами избирательной кампании в интересах достижения победы на выборах в 1828 году. Торжественные обеды в честь победы под Новым Орлеаном 7 января каждого года превратились в патриотическое мероприятие. Во время

избирательной кампании 1828 года ее организаторы выступили за то, чтобы такие обеды использовались для возвеличивания Джексона как кандидата на президентский пост и для содействия его успеху на выборах. (Демократы до сих пор отдают почести Джексону на «обедах в честь дня Джефферсона—Джексона», как он назывался до недавнего времени. В наши дни в список тех, кому воздаются такие почести, включены имена и других президентов.)

В ознаменование Старого Гикори, как прозвали Джексона, устраивались торжественные церемонии посадки деревьев гикори, из них изготовляли столбы, на которых вывешивались предвыборные плакаты, создавались клубы «Гикори».

Конечно, Джексон и его администрация не пользовались всеобщей поддержкой. Среди тех, кто не одобрял их, были разные люди. Некоторые рассказывали Токвиллю, что президент недостаточно компетентен; политические противники обвиняли его в склонности к тирании, а карикатуристы наклеили ярлык «Король Эндрю I». Горячо преданные сподвижники Джексона остались верны ему даже в последние годы его жизни, проведенные в родовом поместье «Эрмитаж». Об этом времени один из биографов Джексона писал: «Как и в прошлом, не прекращается поток посетителей. Демократы появляются, чтобы засвидетельствовать свою преданность, виги — чтобы покаяться в своих грехах и просить о прощении. И все они стараются срезать сук гикори для трости. Она стала символом приверженности Джексону...»

Джексон дважды успешно занимал пост президента. В большинстве своих политических сражений он оказывался победителем. Почти целиком погасил национальный долг, что в те времена считалось большим достижением. Достиг успеха в своей политике переселения индейцев, одержал победу в борьбе против «Секонд бэнк оф Юнайтед Стейтс». Добился получения огромного долга от Франции. Нанес поражение выступавшим в Северной Каролине сторонникам права штатов не признавать на своей территории принятых конгрессом США законов. Таковы были крупнейшие достижения Эндрю Джексона. Политические условия и его личные качества, благодаря которым он занял президентский пост и осуществлял свои полномочия, придали его администрации особый характер. Его правление было более ярким, можно сказать, более демократическим, поскольку оно в какой-то мере отражало дух и настроения новой Америки, устремленной на Запад.

Джексон, подобно Томасу Джефферсону, отправился пешком из дома, где жил, на свою первую церемонию вступления на президентский пост. Его сопровождали ветераны, выполнявшие роль почетного эскорта, а не личной охраны. После церемонии Джексон триумфально направился в Белый дом верхом на лошади, сопровождаемый огромной толпой своих почитателей. Политиканов потрясло, когда иные из сторонников Джексона, даже не имея формальных приглашений, заявили на прием в честь его вступления в должность президента.

Во времена Джексона Белый дом представлял собой, как сообщал Бомон, нечто вроде изящного частного особняка, по американским стандартам выглядевшего весьма внушительно, но, видимо, не производившего впечатления на француза. «Его интерьер,— писал Бомон,— декорирован просто, но со вкусом, гостиная, где он (президент) принимает посетителей, выглядит гораздо менее шикарно, чем приемные его министров. У дверей охраны нет, и если у него и имеются придворные, то они не очень внимательны к нему. Когда мы вошли в гостиную, президент находился там в одиночестве, хотя в этот день происходил прием посетителей. За время нашего визита вошли лишь два или три человека...»

В Белом доме имелось восемнадцать слуг — они, видимо, оплачивались Джексоном или содержались как его рабы. Президенту полагался оклад в размере 25 тыс. долл. ежегодно. Это позволяло ему устраивать приемы для своих друзей и посетителей Белого дома. Во время второго срока пребывания на президентском посту Джексон был вынужден уменьшить расходы на развлечения, поскольку его сын, который вел дела семейной усадьбы «Эрмитаж», в штате Теннесси, не преуспел в этом. Точнее, отпрыск его наделал столько собственных долгов, что Джексон выплачивал их из президентских средств.

Предшественник Джексона президент Джон К. Адамс часто совершал в окрестностях Вашингтона прогулки пешком, Джексон же — верхом на лошади. В те времена не существовало агентов секретной службы и, видимо, постоянных телохранителей, хотя Джексон во время пребывания у власти получил несколько угроз, предупреждавших о готовящихся покушениях на его жизнь. Одно из них состоялось в 1835 году в Капитолии, непосредственно в здании конгресса. Пистолет покушавшегося оказался неисправен, и президент остался невредим. «Вооруженный» лишь тросточкой, Джексон двинулся на напавшего, однако один из армейских офицеров схватил

его раньше, чем президент успел к нему приблизиться.

Специальные средства для оплаты помощников президента и его персонала правительством не выделялись. Племянник Джексона Эндрю Джексон-Донельсон работал в качестве его личного секретаря, оказывая помощь в делопроизводстве и переписке. Номинально Донельсон занимал должность клерка в государственной конторе по регистрации земельных сделок, что обеспечивало ему заработную плату. Подобная практика, представляя собой явную махинацию, не носила широкого характера. Клерки из департаментов могли привлекаться для выполнения особых видов работы—таких, как изготовление дополнительных экземпляров ежегодных президентских посланий (тогда ведь не существовало ни аппаратов «Ксерокс», ни мимеографов, ни ротаторов). Однако они не получали от Белого дома заданий, требовавших длительного времени для их исполнения. Два или три члена «кухонного кабинета» Джексона занимали посты в правительственных департаментах, где им долгое время приходилось работать весьма интенсивно.

Подобно другим президентам своего времени, Джексон был загружен огромным количеством текущей работы и не имел составителей речей, помощников по связи с конгрессом и правительственными департаментами, наделенных полномочиями проводить политические мероприятия и выполнять другие важные функции. «Кухонный кабинет» Джексона как раз и возник для выполнения некоторых из этих задач. Его члены привлекались в качестве советников, координаторов и политических помощников. Они-то и делали многое из того, чем в недавние годы занимались такие члены персонала Белого дома, как Теодор Соренсен, Лоуренс О'Брайен и Ричард Гудвин—сотрудники административного аппарата в годы правления Кеннеди; Г. Р. Холдеман, Джон Эрлихмен, Джон Дин и Патрик Буханан—при администрации Никсона; Джоди Пауэлл и Гамильтон Джордан—во время правления Картера.

В кабинет Джексона входило только шесть членов: государственный секретарь, министр финансов, военный министр, министр по делам флота, генеральный прокурор и министр почт. Военный министр по своим функциям примерно соответствовал современному министру обороны. Такой должности не существовало, поскольку президент обладал полномочиями непосредственного руководства военным аппаратом. Джексон часто осуществлял замену членов кабинета. Он добился отставки почти всех

из них в 1831 году из-за внутренних расхождений по вопросу об общественном статусе Пегги Итон, жены военного министра Джексона. Во время своего второго срока пребывания на президентском посту Джексон уволил министра финансов, отказавшегося изъять государственные вклады со счетов «Секонд бэнк оф Юнайтед Стейтс».

Джексон не обладал полной властью над членами своего кабинета. Некоторых из них ему приходилось держать в составе правительства дольше, чем хотелось. В основном его взаимоотношения с министрами соответствовали традициям, которых придерживались наиболее удачливые из президентов. Джексон консультировался с членами своего кабинета, но не считал себя обязанным выполнять их рекомендации. Неофициальный «кухонный кабинет» конкурировал с правительственным, стремясь завоевать внимание президента. И в некоторых областях Джексон больше надеялся на первый из них, чем на созданный в соответствии с Конституцией.

Исполнительный аппарат правительства, возглавлявшийся Джексонем и его соратниками, с современной точки зрения являлся небольшим. В 1831 году в государственных органах работал всего 11 491 гражданский служащий. Из них только 666 находились в Вашингтоне. Наибольшее число федеральных сотрудников (свыше 8 тыс.) было занято в почтовом ведомстве. Менее 400 гражданских служащих работали в штате военного и морского министерств.

В 1831 году в государственную казну поступало около 28 млн. долл., расходы составили приблизительно 15 млн. долл. и, следовательно, превышение доходов над расходами — около 13 млн. долл. Финансирование деятельности федерального правительства представляло собой относительно простое дело и с политической точки зрения не вызывало осложнений. Основным источником поступлений являлись таможенные сборы. Вторым по значению источником доходов являлась продажа государственных земель. Третье место занимали внутренние налоги, однако за счет них в 1831 году федеральная казна пополнилась только на 7 тыс. долл. Джексон, как видим, не прибегал к широкому использованию налогов. Во время его пребывания у власти ежегодно достигалась сбалансированность федерального бюджета. Ему также удалось добиться наиболее низкого уровня государственной задолженности со времени принятия американской Конституции. При вступлении Джексона на президентский

пост в 1829 году размер государственного долга составлял 58 млн. долл., к концу 1834 года он снизился до 38 тыс. долл.

Паника 1837 года, экономический кризис и серьезные нарушения в области налогообложения, последовавшие за правлением Джексона, рассматривались как результат его политического курса. Однако специалисты по истории народного хозяйства утверждают, что дело обстояло иначе. Они считают, что паника была вызвана совокупностью факторов. События почти полностью вышли из-под контроля Джексона и его экономических советников и вряд ли ими осознавались. Большой объем импорта капитала из Англии в сочетании с особым отношением Китая к серебру как к валюте привел к быстрому увеличению его количества в Соединенных Штатах. Значительно возросли ликвидные резервы банков, а в соответствии с существовавшей в тот период теорией и практикой банковского дела их увеличение почти автоматически приводило к росту количества денег в обращении и расширению кредита. Показательно, что особую политическую важность приобрел вопрос об экономической и налоговой политике.

На протяжении сроков пребывания Джексона у власти палата представителей находилась под контролем его сторонников. По большинству вопросов она оказывала Джексону поддержку. Впрочем, имели место некоторые враждебные выступления по вопросу о банках и выражалось недовольствие расширением президентских полномочий. В июне 1834 года, например, член палаты представителей Дэвид Крокетт обрушился на Джексона с такими нападка: «Какова польза от Твоих, Господи, законов, когда он, президент, попирает их, как и данную Тобой Конституцию, совершенно безнаказанно? Мне кажется неразумным сидеть здесь (в конгрессе) и принимать законы, над которыми Эндрю Джексон просто смеется, а между тем в этой бессмыслице нет ничего веселого. Обращает ли, Господи, он внимание на данную Тобой Конституцию и законы? Он правит сам по себе, и его воля — закон для страны... И из тех людей, кем президент окружил себя, а я за все время, пока нахожусь здесь, увидел лишь одного человека с приличной наружностью, и гот только что ушел в отставку... Разойдемся все по домам, пусть один год все люди поживут спокойно. Это приведет их в чувство: они пошлют нас обратно в Капитолий и поручат нам, чтобы мы заставили этого джентльмена в Белом доме спустить его флаг. Люди дадут

ему знать, Господи, что не он является правителем. Я надеюсь увидеть лучшие времена».

В наши дни несколько более сдержанно нападал на президента Джимми Картера лидер меньшинства в палате представителей Джон Родс. Белый дом при Картере, попросту заявил он, продемонстрировал «неуверенность и некомпетентность, которые усугублялись моральной слепотой и непониманием сущности процесса руководства». По мнению Родса, «ничего не было сделано по существу, и одна из причин состояла в том, что администрация приступила к выполнению своих обязанностей, не имея ни малейшего представления о конгрессе, о принципах руководства, и, видимо, гордая этим, считает, что все происшедшее до 20 января (день вступления Картера на пост президента) совершенно никуда не годится...».

Джексон не имел решающего влияния в сенате, где разногласия по вопросам его политики оказались более острыми, чем в палате представителей. В составе сената имелись люди, подобные Даниелю Вебстеру, Генри Клею и Джону Кэлхуну, проводившие эффективную оппозиционную политику. Сенат проголосовал за отмену решения президента об изъятии вложенных федеральным правительством средств со счетов «Бэнк оф Америка». К концу второго срока пребывания Джексона у власти эту резолюцию формально исключили из отчетов сената.

В дополнение к спору о банковских вложениях федерального правительства важнейшие проблемы в период пребывания Джексона у власти сводились к «внутренним улучшениям» (строительство дорог и другие общественные работы), а также к переселению индейцев. Подход Джексона к решению этих задач подтвердил мнение Токвилля о том, что он обладал сильным характером. Президент обычно добивался своего в вопросах внутренней политики, поскольку в отношении некоторых из них отражал общественное мнение (в частности, по поводу переселения индейцев), а по ряду других он охотно использовал право вето и свои президентские полномочия, не практиковавшиеся его предшественниками.

Внешняя политика Джексона в целом оказалась успешной и осуществлялась в рамках Конституции. К его достижениям следует отнести возобновление торговли с Британской Вест-Индией и урегулирование претензий к Франции в связи с захватом ею торговых судов во время наполеоновских войн.

Существенные расхождения Джексона с Верховным судом имели место в 1832 году, когда он отказался обеспечить выполнение его решения в пользу индейцев племени чероки, обитавших в штате Джорджия. Отказавшись применить полномочия федеральных органов в защиту племени чероки, Джексон тем самым весьма воодушевил сторонников отмены таких полномочий из Южной Каролины, которые выступали против федеральной политики по вопросу о тарифах. Однако их акции Джексон нейтрализовал с помощью демонстрации военной силы и компромиссными решениями.

Вооруженные силы США в 1831 году составляли около 11 тыс. человек, то есть примерно такую же численность, как и гражданские служащие правительственного аппарата. Из них в составе армии насчитывалось около 6 тыс., во флоте — более 4 тыс. и в морской пехоте — примерно 800 человек. Уже имелся армейский инженерный корпус — он обеспечивал работу морских портов и внутренних водных путей. Большинство американских гражданских инженеров прошли подготовку в Вест-Пойнте, поэтому некоторые из них привлекались к строительным работам. Джон К. Адамс, например, направлял армейских инженеров для оказания помощи при постройке железных дорог в Огайо и Балтиморе. В период правления Джексона армия не участвовала в военных действиях и занималась главным образом освоением территорий, строительством; участвовала в схватках с индейцами.

Политика Джексона по выселению индейцев опиралась на угрозу применения силы. В 1834 году Джексон послал федеральные войска в Мэриленд в связи с разрозненными стычками между враждующими группами ирландских рабочих, занятых на строительстве канала Чесапик — Огайо.

Джексон больше заботился об укреплении позиций страны на суше, чем на море. Он призывал конгресс поддержать строительство оборонительных сооружений для защиты побережья, что позволяло обеспечить работой большее количество людей, чем в судостроении. Конгресс также охотнее и с большим энтузиазмом одобрял эти решения, несмотря на эффективные действия военно-морского флота. Его Джексон использовал для защиты американской морской торговли, особенно на Тихом океане, где активно вели промысел китобойные суда из Новой Англии. После того как в результате атаки на судно «Френдшип» из Салема часть его команды была истреблена в Куала-Бату на побережье Суматры, Джексон напра-

вил фрегат «Потомак» для ответного удара. Операцию эту считали тогда успешной. Подобным же образом шлюп «Легсингтон» отправился на Фолклендские острова, чтобы взять под защиту охотников на морского зверя из Коннектикута. В 1826—1830 годах шлюп «Винсеннес» впервые в истории американского военно-морского флота заходил на Фиджи, Маркизские острова и Таити; его команде удалось спасти американских моряков, которых держали под арестом на острове Палау; затем они сожгли дотла по крайней мере одну деревню в Самоа, где были убиты американские китобои. Джексон использовал также военные корабли для угрозы Чарлстону, когда Южная Каролина объявила об аннулировании федерального законодательства о тарифах и угрожала выходом из Союза. Заслуги военного флота оказались значительными, но он оставался небольшим. В конце 1831 года министр военно-морского флота Леви Вудбери сообщал конгрессу: «Находящиеся в строю корабли военно-морского флота насчитывают 5 фрегатов, 11 шлюпов и 7 шхун, однако из этого числа 4 небольшие закупленные шхуны временно используются для охраны лесных угодий, а также обследования побережья и вряд ли могут считаться постоянной составной частью флота... Наши силы за границей разделены между Средиземным морем, Вест-Индией, Бразилией и Тихим океаном...»

Наблюдения Токвилля относительно роли американских президентов не основывались на его впечатлениях от деятельности Джексона на этом посту: ее он рассматривал как некоторое отклонение от нормы. В своих оценках Токвилль исходил, скорее, из анализа функций президента, как они определены Конституцией, мнений современных ему специалистов и деятельности президентов—предшественников Джексона. Обобщив весь этот материал, Токвилль пришел к выводу, что пост президента лишен особых полномочий и не приносит славы. Он совершенно определенно отметил, что в проведении внешней политики президент в существенной мере зависит от сената. Причина, по его словам, состояла в том, что «сенат контролирует его отношения с иностранными государствами и назначения должностных лиц таким образом, чтобы президент не мог никого подкупить и нельзя было бы подкупить его самого». Однако в то же время французский юрист отмечал, что и власть сената ограничена, поскольку тот «не может заставить его (президента) действовать или делить с сенатом исполнительную власть». Конгресс в силах посягать на президентские

полномочия опосредованно, что Токвиль рассматривал как один из коренных недостатков (по его выражению — «порок») республиканской Конституции. Авторы Конституции заслужили его похвалу за то, что они ограничили этот порок, предоставив президенту право вето. Оно, по мнению Токвиля, обеспечивало реальность президентских полномочий, хотя и уточнялось, что, если конгресс проявит особое упорство, ему удастся обойти это право.

Со времен правления Джексона роль президента изменилась весьма существенно. Предоставленные ему полномочия, диапазон обязанностей при осуществлении исполнительной власти, требования протокольного характера, как и привилегии, значительно возросли.

Много лет прошло с тех пор, когда Джексон отправился на церемонию своего вступления на пост главы правительства пешком. Президент Картер проделал то же после принятия официальных полномочий, однако его, конечно же, окружали агенты секретной службы. Она, естественно, не сообщает, сколько агентов занято охраной президента, тем не менее их количество оценивается в сотню человек. Кроме того, специальные сотрудники охраняют Белый дом и его территорию.

Церемония вступления на президентский пост в наше время непроста. Немалые средства затрачиваются на возведение специальных трибун около восточного фасада Капитолия. Проводится красочный парад, в котором предполагается участие многочисленных представителей всех штатов, многих национальных организаций, особенно из числа военных.

Со времен Джексона во многом изменился и сам Белый дом. Если бы генерал попал в него вновь в наши дни, он с удивлением узнал бы, что в подвале оборудовано бомбоубежище, что в виде служебных помещений пристроены западный и восточный флигели, а соседнее огромное здание также используется для размещения различных служб. Согласно проведенному еще до избрания Картера обследованию, обслуживающий персонал Белого дома насчитывал 75 человек, и они оплачивались из правительственных средств. Кроме того, эксплуатацией помещений, как и уходом за зелеными насаждениями на территории Белого дома, занимался 21 человек. Примерно 65 армейских военнослужащих прикомандированы к Белому дому в качестве шоферов.

Даже после осуществленного по указанию Картера сокращения в распоряжении Белого дома осталось 17

легковых автомобилей, 19 грузовиков и специальных машин, 7 самолетов «Боинг-707», 6 — типа «Джетстар-Локхид», 2 — «Ди-Си-9», 14 — «Сейбрайнер» и 13 вертолетов. Помимо этого, выделены специальные самолеты для президента, других высокопоставленных руководителей и многочисленного персонала «боевого штаба» в случае, если непосредственная угроза ядерной войны создаст необходимость поспешной эвакуации.

Ежегодный оклад президента составляет 200 тыс. долл., кроме того, дополнительно оплачиваются его затраты в сумме 50 тыс. долл. Пенсия бывшего президента — 60 тыс. долл. в год, он также располагает значительными суммами для оплаты персонала и служебных помещений, а секретная служба обеспечивает его личную охрану пожизненно.

Если число персонала при Джексоне, включая его «кухонный кабинет», было ограничено, ныне в аппарате Белого дома примерно 350 сотрудников. В конце 1973 года среди них насчитывалось 14 прикомандированных военнослужащих, в том числе генерал-майор ВВС (ему вменялись обязанности личного врача президента), вице-адмирал ВМФ и армейский полковник в качестве его помощников. Каждый из видов вооруженных сил, а также морская пехота выделяют своих представителей как помощников президента по военным вопросам. Два офицера были прикомандированы к Совету национальной безопасности, армейский полковник являлся одним из его руководителей по внутренним вопросам. В последние трудные дни пребывания у власти администрации Никсона, в самый разгар кризиса, генералу Александру Хейгу были предоставлены широкие полномочия.

Как гражданские, так и военные советники президента обладают особыми прерогативами, они весьма влиятельны. Их роль определяется тремя специфическими условиями. Во-первых, они конкурируют в плане формирования политики с членами правительственного кабинета, вынужденными затрачивать много времени на выполнение административной работы. Во-вторых, они в основном независимы от конгресса, поскольку сенат не утверждает их назначение, и не обязаны отчитываться непосредственно перед ним, что обязательно для членов кабинета. К тому же президентский персонал настаивает на своем праве обладать «административными привилегиями». В-третьих (и в этом, возможно, состоит их самое большое преимущество), они контролируют политическое окружение президента и определяют, кто из членов правительства будет

наиболее близок к нему. Как отмечал Джордж Риди, в целом аппарат не снабжает президента ложной информацией, поскольку «положение президента, как правило, внушает такой страх, что люди боятся лгать ему. Однако это означает, что поступающие к нему сведения не будут содержать тех противоречивых оттенков, которые имеют столь существенное значение, особенно когда политический лидер в условиях демократии пытается выявить саму суть реакции со стороны населения». Риди продолжал: «Вот почему Линдону Джонсону было столь трудно судить об истинном размахе оппозиции против его политики во Вьетнаме. Для него «настоящими» молодыми людьми были чистенькие, тщательно причесанные юные сотрудники Белого дома с энергичными лицами. «Подлинными» интеллектуалами являлись в его представлении те люди в хорошо сшитых костюмах, обладавшие учеными званиями, которые рассчитывали при помощи ЭВМ вероятность достижения победы в зависимости от «эффективности применения оружия» в Юго-Восточной Азии. Могучие потоки, возникавшие во внешнем мире, не могли преодолеть эти преграды, и он продолжал рассчитывать на надежную поддержку со стороны населения тогда, когда ее просто-напросто не существовало».

Значение правительственного кабинета, а оно в некоторой степени оказалось принижено в результате создания Джексоном «кухонного кабинета», еще больше ослабилось вследствие увеличения численности советников президента и других изменений. Например, создание Совета национальной безопасности, как и Совета по внутренним вопросам, а также множества независимых агентств привели к подобным последствиям.

Со времен Джексона число членов правительства удвоилось — в настоящее время в кабинет входят двенадцать человек. Видимо, политика состоит в следующем: когда возникают сомнения и настоятельная необходимость решения трудной проблемы, создается новый департамент, назначается новый член кабинета и остается лишь надеяться на лучшее. Недавнее расширение правительства предусматривает включение в его состав таких членов, против которых Джексон, ссылаясь на Конституцию, возражал бы, — например, министра транспорта и министра жилищного строительства и городского развития.

Численность федеральных гражданских служащих, составлявшая примерно 11 тыс. человек во времена Джексо-

на, возросла почти до 3 млн. человек в наши дни. Больше всего их в 30-е годы XIX века было в почтовом ведомстве, а ныне — в Пентагоне, где занято 35 процентов общего их количества. Федеральный бюджет с 15 млн. долл. в 1831 году увеличился почти до 500 млрд. долл. в текущем финансовом году. Дефицитное финансирование и большой государственный долг превратились в неотъемлемую часть федерального бюджета. Теперь государственный долг составляет приблизительно 874 млрд. долл., в то время как 144 года назад он равнялся примерно 38 тыс. долл.

Во времена Джексона основная часть налоговых поступлений приходилась на таможенные сборы, а внутренние налоги являлись относительно малозначительным источником правительственных доходов. В наши дни подоходный налог представляет собой наиболее важное средство, обеспечивающее поступления в государственную казну. Налоги на социальное страхование занимают второе место, а на корпорации — третье. Таможенные сборы — очень незначительная часть поступлений в федеральную казну.

Возможно, самым большим изменением в сфере государственной власти, притом поддающимся количественному измерению, стал рост военной мощи. Состоявший из 23 кораблей военно-морской флот превратился в армаду, насчитывающую более 300 боевых единиц, в том числе 13 авианосцев и 70 наступательных атомных подводных лодок. Военная машина располагает 1054 межконтинентальными ракетами с ядерными боеголовками, 656 ракетами «Поларис» и «Посейдон» (также носителями ядерного оружия) и 24 эскадрильями бомбардировщиков «В-52», также имеющих на вооружении ядерные бомбы.

Военная мощь США, которая в 1831 году в основном позволяла вести лишь непрерывные мелкие стычки с индейцами, подавлять восстания и справляться с пиратами, сейчас может уничтожить все население земли. В наши дни более 2 млн. мужчин и женщин находятся в вооруженных силах и в дополнение к ним — более 1 млн. гражданских служащих, что составляет резкий контраст с 11 тыс. военнослужащих в 1831 году. Военный бюджет разбух до 120 млрд. долл. в год. Американские военные базы, военный персонал размещены на всех континентах или вблизи от них. Если американские обязательства в области внешней политики во времена Джексона были очень невелики, сейчас они почти

беспредельны.

Наряду с увеличением власти на протяжении последних двадцати четырех лет все большее значение приобретали личные качества тех, кто занимал президентский пост. Начало этому процессу положил Дуайт Эйзенхауэр. Он повлиял на представления о роли президента не превышением своих прав или их узурпацией, а скорее тем, что не смог применить данную ему власть. И в чрезмерной мере передал свои полномочия государственному секретарю Джону Ф. Даллесу, а через него — Центральному разведывательному управлению. Находясь на посту президента, Д. Эйзенхауэр не обращал внимания на рост военно-промышленного комплекса, хотя и предупредил страну о факте его существования в своем прощальном послании.

Пришедшая на смену администрация Кеннеди носила на себе отпечаток личности президента. Назначения на министерские посты производились без учета ранее состоявшихся и партийной принадлежности кандидатов. Решающее значение имели семейные связи. Методы руководства, введенные или практиковавшиеся Эйзенхауэром, оставались в силе; особенно это касалось использования ЦРУ. Продолжалось осуществление его программ; некоторые из них не только не соответствовали законодательству и Конституции, но и прямо нарушали их. В частности, продолжалась запланированная без утверждения конгрессом и без его участия подготовка к вторжению на Кубу. В дополнение к 800 советникам, направленным во Вьетнам, было послано 16 тыс. военнослужащих, и это количественное изменение привело к коренной трансформации американской активности во Вьетнаме.

Линдон Джонсон, особенно после его убедительной победы на выборах 1964 года, способствовал дальнейшему усилению роли личности президента. Он расширил вьетнамскую войну, хотя его правовые и конституционные полномочия в данном случае казались сомнительными. Джонсон мало заботился о нормальном функционировании других органов исполнительного аппарата, используя сотрудников в целях, которые совершенно не соответствовали их задачам. А они предусмотрены законодательством и Конституцией. В частности, он поручил председателю Верховного суда США возглавить расследование убийства президента Кеннеди, американскому представителю в ООН заняться урегулированием отношений с забастовавшими работниками оперного театра, а одного из членов

Верховного суда назначил своим личным советником. Джонсон относился к сенату так, как если бы это была палата представителей, а к ней самой — как будто бы она обладала полномочиями, предоставленными в соответствии с Конституцией сенату. Имеются свидетельства того, что он довольно свободно распоряжался органами ФБР и ЦРУ.

Никсон поднял личную власть президента на новую ступень. Он осуществил вторжение в Камбоджу, даже не воспользовавшись прикрытием резолюции конгресса, как это обстояло в случае с «тэнкинским инцидентом». Никсон по своему усмотрению распоряжался выделенными на определенные цели средствами. Он неверно использовал свои полномочия по отношению к ФБР и ЦРУ и злоупотреблял ими, причем не только в рамках деятельности этих организаций в качестве составной части правительственного аппарата, но и при проведении политических кампаний.

Не совсем ясен характер деятельности администрации Картера. Ему удалось избежать некоторых ловушек, которые подстерегают человека, вступающего на президентский пост. Однако мало признаков того, что он стремится к ограничению личной власти президента или имеет совершенно четкое представление о пределах его полномочий, соответствующих Конституции. Одна из первых акций, предпринятая им сразу после своего официального вступления на пост президента, состояла в установлении власти над вице-президентом. Его он отправил в поездку по зарубежным столицам (что совершенно не входит в обязанности вице-президента, определенные Конституцией). Затем Картер утвердил свою персону президента и поднял значение «царствующей семьи». Он направил своего младшего сына Чипа в Китай, свою мать Лилиан — на похороны президента Индии в качестве личного представителя, а свою супругу — с дипломатической миссией в Латинскую Америку.

Президент Картер принял на себя также роль морального проповедника — не только выступающего от имени страны, но и поучающего ее. В определенной мере на это претендовал и Никсон, когда он заявил, что президент является моральным лидером страны. Картер же стремится подчеркивать свое влияние в этом качестве в завуалированной форме. Он часто говорит о президентском и личном сострадании или прощении, предпочел помиловать противников призыва в армию, но не объявлять амнистии.

Президент Картер говорил также о взятой на себя личной ответственности за деятельность ЦРУ. Именно так поступил президент Никсон. Господин Картер поступил бы правильнее, если бы заявил, что несет ответственность за деятельность ЦРУ как президент, а не как частное лицо.

Увеличение личного влияния президента не просто результат индивидуальных особенностей занимающего этот пост человека или даже исторических условий, хотя сами события, подобные войнам, вообще говоря, действительно приводят к расширению, по крайней мере временному, президентской власти. Тенденция к персонализации президентской власти характерна более целостным, последовательным осуществлением политической деятельности и государственного управления.

В конституционный порядок избрания членов конгресса и президента заложено три принципа. Палата представителей должна была избираться путем прямого голосования в каждом из избирательных округов по всей стране. Первоначально по два сенатора от каждого штата избиралось законодательным собранием этого штата, а не голосованием населения. Таким образом, в процедуру избрания включался дополнительный этап, умалявший мнение избирателей. Президент должен избираться коллегией выборщиков, в свою очередь избираемых в каждом из штатов, а не в результате прямого всеобщего голосования. Хотя Конституция не содержала положения, требующего, чтобы выборщики от одного штата выступали как единое целое, почти каждый штат в конечном итоге приходил к выводу о необходимости отдать все голоса своих представителей за того кандидата в президенты, который одержал победу в этом штате.

Коллегия выборщиков, получившая одобрение со стороны Токвилля, в наши дни в силу ряда причин подвергается критике. Кое-кто выступает за проведение прямых общенациональных выборов президента с тем, чтобы на этот пост избиралось лицо, получившее абсолютное или относительное большинство голосов. Реализация подобного предложения устранил существующую сейчас практику предоставления всех голосов выборщиков от данного штата кандидату, одержавшему в нем победу на выборах, она также приведет к ликвидации такого «недемократического института», как коллегия выборщиков.

Довольно любопытен тот факт, что доводы в пользу изменения избирательной системы раздаются в момент,

когда требования в отношении личных качеств, способностей и политической компетенции президента высоки, как никогда раньше. И их весьма затруднительно сформулировать. Одновременно могут быть выдвинуты и убедительные доводы в пользу уточнения и совершенствования избирательной процедуры с тем, чтобы окончательный выбор осуществлялся не в результате прямых выборов, а лицами, которые избраны населением для принятия решения. Подобная система близка к одной из форм парламентского правления. Выборщики несли бы за свои решения либо персональную ответственность, либо как представители политических партий.

Подвергшийся серьезным нападкам принцип, предусматривающий предоставление голосов всех выборщиков победителю промежуточных выборов, то есть, по существу, правило о единообразном голосовании выборщиков от одного штата, был бы либо изменен, либо отменен. Подобной же острой критике подвергается и институт выборщиков в том виде, как он существует в настоящее время. Обычно в защиту участия каждого штата в президентских выборах как единого целого выдвигают утверждение, что культурные, экономические и политические различия между штатами будут наилучшим образом учтены, если при выборах президента они выразятся в обобщенном виде. Остается открытым вопрос о том, насколько обосновано было подобное утверждение в XIX веке. Независимо от этого вряд ли можно доказать его состоятельность в наши дни. Различия внутри большинства штатов оказываются гораздо значительнее, нежели между самими штатами или районами страны. Расхождения между городом Нью-Йорком и избирательными округами по выборам в конгресс на периферии штата Нью-Йорк более резкие, чем представленные в общем виде противоречия между штатами Нью-Йорк и Висконсин. В городе Милуоки многие проблемы оказываются совершенно аналогичными тем, какие существуют в городе Нью-Йорке. То, как голосуют выборщики, совершенно не соответствует существующим в пределах одного штата различиям. И они лишь косвенным образом, и подчас вовсе неправильно, находят отражение при коллективном голосовании представителей штата на выборах президента.

Если исходить из предпосылки о желательности сохранения системы представительства (то есть из необходимости избрания выборщика, обязанного принимать ответственное решение), то представляется весьма целесообраз-

ным избрание выборщиков в каждом из округов в масштабах всей страны. Окончательный выбор, как предполагается, должен осуществляться после завершения в установленных разумных рамках демократического процесса. Если же и существует необходимость компромиссов, то их лучше достигать на заседаниях коллегии выборщиков, а не на съездах двух крупнейших политических партий. Ведь после них два компромисса преподносятся в виде народного волеизъявления.

Токвилль одобрительно относился к избирательной системе с участием выборщиков, однако считал ошибочным допускать повторное избрание одного и того же лица на президентский пост. «Интриги и коррупция представляют собой естественные пороки выборного правительства;— писал он,—однако, когда глава государства может быть переизбран, они преступают все границы и создают угрозу самому существованию страны. Если рядовой кандидат добивается успеха путем интриг, его деятельность затрагивает лишь ограниченную сферу. Но, когда в списки кандидатов попадает сам глава государства, он может прибегнуть к использованию всей мощи правительственного аппарата для защиты своих интересов». Таким образом, по мнению Токвилля, «во-первых, это вопрос о человеке, располагающем очень скудными средствами; во-вторых же—о государстве, которое, располагая колоссальными ресурсами, занимается интригами и коррупцией».

Поразительно, насколько точно эти слова могут быть отнесены к уотергейтскому делу. В ходе него, как и других, связанных с ним злоупотреблений, люди Никсона использовали огромные ресурсы государства для преодоления сопротивления политических противников, сбора средств по проведению кампании за повторное избрание Никсона на президентский пост и, наконец, для создания помех в ходе расследования уголовных преступлений.

Однако уотергейтская операция не является прямым следствием конституционного положения, допускающего избрание президента на второй срок. Некоторые из президентов в конце своего второго срока пребывания на этом посту могли бы поступить так же, как администрация Никсона, ради сохранения власти за своей партией, хотя это и маловероятно.

Я считаю, что ограничение времени пребывания в должности президента одним сроком предпочтительнее существующего в настоящее время положения о допустимости повторного его избрания. Эта самая неудачная из

всех возможных форма неизбежно приводит к крайней осторожности в деятельности администрации в течение первого срока пребывания у власти и к возможности безответственного отношения к своим обязанностям на протяжении второго. Если бы продолжительность деятельности в качестве президента не была ограничена вообще, то человек, оказавшийся на этом посту во второй раз, заботился бы о своем переизбрании на третий срок. И стремился бы предотвратить позорный для него отказ собственной партии от выдвижения его кандидатуры на очередных выборах или не менее позорное поражение в ходе всеобщих выборов. Отказ от установления максимально допустимого периода, в течение которого президент может находиться у власти, устранил стимул к проведению хитроумной политики во время первого срока в надежде на ничем не стесняемое наслаждение жизнью в случае избрания на второй срок.

Токвиль также размышлял о конституционных положениях, касающихся отстранения президента от власти. Поскольку единственной санкцией после признания президента виновным в нарушении законов является лишение его президентского поста, такая процедура «представляет собой скорее административную меру, чем правовую норму». Содержащаяся в Конституции ссылка на порядок обвинения по делам о «государственных преступлениях» подтверждает подобную точку зрения—они не подпадают под юрисдикцию обычных судебных органов, поскольку могут быть совершены только определенными лицами. В Соединенных Штатах к ним относится президент в тех случаях, когда он занимается вопросами осуществления внешней политики или выполняет функции верховного главнокомандующего.

В отношении предшественников Никсона действия, связанные с обвинением кого-либо из президентов в нарушении законов, ограничивались, как их называл Токвиль, «административными» мерами. «Преступные» по характеру нарушения законов—как это определяется действующими правовыми нормами—привели к возникновению ряда новых проблем в связи с предъявлением обвинения президенту. Большинство этих проблем до сих пор не нашло своего разрешения. По мнению Токвиля, характер нарушений, в отношении которых президенту может быть предъявлено обвинение, определен очень нечетко. Он также считал, что относительная мягкость наказания—отстранение от должности—делает маловероятным выне-

сение решения о виновности.

Дальнейшие комментарии Токвилля по данному вопросу запутанны, если не сказать противоречивы. Со всей очевидностью он предполагал, что обвинения президентов в нарушении законов будут иметь место и в будущем, если только кто-либо из них, убоявшись возможности выдвижения против него подобных обвинений, не проявит крайней осторожности в выполнении своих обязанностей. «Величайшие преступники, несомненно, не побоятся серьезных осложнений, связанных с такой процедурой», — писал он. И будут действовать решительно, несмотря на возможность обвинения в нарушении законов. Люди же меньшего масштаба поступят иначе, поскольку, по мнению Токвилля, «рядовые граждане рассматривают его (обвинение в нарушении законов) как решение, подрывающее их положение, пятнающее их честь и обрекающее на бездействие, что хуже смерти». Как считал Токвилль, именно мелкие люди избирались в прошлом на президентский пост, и он предполагал, что такого же типа лица окажутся на этом посту в будущем. По мнению Токвилля, дело в том, что «еще никто не изъявлял готовности рисковать своей честью и своей жизнью ради того, чтобы стать президентом Соединенных Штатов... Судьба должна дать нам шанс на огромный выигрыш, чтобы подобные отчаянные люди появились в списках кандидатов. До сих пор ни один кандидат не был в состоянии возбудить горячих симпатий. Причина подобного положения довольно проста — когда человек становится главой правительства, он располагает слишком небольшой властью, богатством или славой, чтобы разделить их со своими друзьями. А его влияние на государство слишком мало, чтобы любая из группировок пришла к выводу, что ее успех или провал зависят от продвижения этого лица к власти».

Так обстояло дело около 150 лет назад. С тех пор убито четыре президента и совершено покушение на некоторых других находившихся на этом посту лиц. Резко возросла власть президента. Однако порядок предъявления ему обвинения в нарушении законности остается неизменным. Если не считать попыток, вызванных политическими соображениями, свалить вину на Эндрю Джексона, эта процедура не подвергалась практической проверке вплоть до момента, когда речь зашла о предъявлении обвинения Ричарду Никсону. Даже и в этом случае дело прекратилось на полпути вследствие его отставки. Положения Конституции в их первоначальном виде и преду-

смотренный ею порядок предъявления президенту обвинений в нарушении законов оказались неудовлетворительными.

В равной мере неэффективны и положения двадцать пятой поправки к Конституции США. Подобно тому как двадцать вторую поправку сформулировали после обусловившего ее возникновения события (а именно — четырехкратного избрания Ф. Рузвельта на этот пост), двадцать пятая поправка была принята конгрессом в связи с возникновением, как считалось, критических ситуаций. Они состояли в неопределенности президентских полномочий во время двукратного заболевания Дуайта Эйзенхауэра и в тот период, когда Линдон Джонсон в отсутствие вице-президента исполнял обязанности президента вместо убитого Джона Кеннеди. Основная цель двадцать пятой поправки заключается в обеспечении функций во время болезни президента или при невозможности выполнять их. Однако сама эта поправка использовалась после того, как вице-президент Спиро Агню подал в отставку в связи с угрозой вынесения ему обвинительного решения суда.

Следует рассмотреть шесть возможных путей решения проблемы обеспечения преемственности президентских полномочий.

1. Необходимо ликвидировать пост вице-президента. Его существование вносит сумятицу в процедуру выборов из-за использования «сбалансированного» бюллетеня, а также в силу других обстоятельств. Выстраивается очередь за обладание постом президента из тех, кто в ином случае не был бы на него избран.

2. Следует отменить двадцать вторую поправку к Конституции и разрешить президентам выдвигать свою кандидатуру с целью избрания на очередной четырехлетний срок столько раз, сколько им заблагорассудится. Предусмотренное Конституцией ограничение пребывания в должности президента двумя четырехлетиями неизбежно приводит к безответственной, часто противоречивой деятельности. Во время первого срока она направлена на обеспечение повторного избрания, а во время второго отсутствуют сдерживающие факторы. Они связываются с ожиданием избрания в третий раз или опасением быть исключенным из избирательных списков собственной партии.

3. Следует отменить двадцать пятую поправку к Конституции. Установление факта недееспособности президента не должно входить в функции вице-президента, членов

правительственного кабинета и конгресса, а, по моему мнению, должно быть возложено на Верховный суд. Президенту не должно предоставляться право уходить со своего поста временно или насовсем без одобрения со стороны конгресса.

4. На основании соответствующего закона или поправки к Конституции должен быть определен порядок назначения лица, исполняющего обязанности президента в случае его смерти, недееспособности или смещения; предпочтительно, чтобы в качестве исполняющего обязанности президента выдвигалось лицо не из числа членов конгресса, а кто-либо из сотрудников исполнительного аппарата. Для этой цели вполне подойдет почти любой член кабинета.

5. Законом или поправкой к Конституции для заполнения вакансии на президентском посту необходимо предусмотреть две процедуры: одна должна применяться в случае смерти или недееспособности президента (я предлагаю просто созыв той же коллегии выборщиков, избравшей президента), а вторая — в случае предъявления обвинения в нарушении законов и признания виновным либо (утвержденной конгрессом) отставки из-за невыполнения своих обязанностей. В этих условиях на палату представителей должна быть возложена обязанность осуществления выбора, подобно тому как проводится избрание президента, если ни один кандидат не получил большинства голосов в коллегии выборщиков.

6. Должна быть предусмотрена процедура изменения президентской политики, помимо представления ему обвинения в нарушении законов или снижения предоставляемых ассигнований.

Эффективность президентской деятельности должна определяться существом связанных с нею обязанностей и полномочий, а не личностью человека, занимающего эту должность в данное время. Власть президента огромна, но она определенно ограничена Конституцией. Пределы власти должны быть установлены с максимально возможной четкостью, и их следует соблюдать на практике. Если противоречащее Конституции использование президентских полномочий не будет своевременно пресечено, то возникнет совершенно очевидная опасность. Она сведется к тому, что конгресс в ответ на это, а иногда и с целью затушевывания собственных упущений и неудач займет враждебную по отношению к президенту позицию и станет оказывать противодействие даже в случае приемлемого осуществления президентом своих полномочий. Реак-

ция подобного рода, как показали события после вьетнамской войны и уотергейтского скандала, приводит не только к нарушению Конституции при руководстве страной, но и снижает его эффективность.

ГЛАВА XI

Демократия в Америке: общий обзор

Токвилль писал о двух Америках: о той, которую он видел и о которой ему рассказывали, и о той, какой, по его мнению, она станет в будущем. Многое из того, что он предсказывал — плохое и хорошее, — оправдалось. Многие проблемы, институты, идеи остались почти без изменений. Мы все еще не разрешили расовой проблемы. Мы добились очень скромных успехов как в изучении причин, так и в устранении преступности. Реальную угрозу представляет собой демагогия.

Для того чтобы дать оценку Америке, подобно тому, как это сделал Токвилль, необходимо признать наличие пяти значительных изменений в существующих институтах. Ни одно из них, очевидно, не предполагалось в эпоху принятия Конституции либо даже тогда, когда Токвилль знакомился с американской демократией, ее принципами и институтами.

Первое из таких изменений относится к власти президента. Токвилль считал, что президент неизбежно должен оказывать огромное влияние на внешнеполитическое положение страны, поскольку «переговоры могут быть начаты и доведены до успешного окончания только одним человеком». Он уверовал, что такая политика должна быть последовательной и постоянной. Однако Токвилль считал, что в те времена выборы президента в США подобной угрозы не создавали. Он писал: «В основном американская политика по отношению к внешнему миру проста. Можно почти с уверенностью утверждать, что Соединенные Штаты не нужны никому, им также никто не нужен. Их независимость никогда не оказывалась под угрозой». Токвилль приводил выдержки из прощального обращения к народу Джорджа Вашингтона, который рекомендовал соблюдать нейтралитет во внешней политике Соединенных Штатов, используя временные союзы в случае возникновения каких-то чрезвычайных обстоятельств. По его словам, такая политика «в гораздо большей мере состоит в

том, чтобы проявлять сдержанность, чем что-либо предпринимать».

Видимо, Токвиль также полагал, что при осуществлении внешней политики состоящее из аристократов правительство обладает значительно большими преимуществами по сравнению с (базирующимся на демократических принципах) демократическим правительством. Последнее, считал он, «будет испытывать трудности при согласовании деталей какого-нибудь крупного мероприятия и сосредоточит свои усилия на осуществлении выработанного плана, его решительной реализации вопреки всем препятствиям». Причина этого, по его мнению, состояла в том, что «демократия обладает ограниченными возможностями для скрытого объединения усилий и терпеливого ожидания результатов». Кроме того, он был уверен, что в условиях демократии люди слишком сильно полагаются на свои чувства. По словам Токвиля, это проявилось во время Французской революции, когда только огромное влияние Вашингтона предотвратило вступление Америки в войну против Англии на стороне Франции.

Реалии современных международных отношений включают в себя существование мощного Советского Союза и возрастающую силу Китая, распространение атомного оружия среди малых стран, наращивание экономического и политического потенциала стран—производителей сырья, особенно нефти, а также широкие обязательства США перед самыми различными районами мира в соответствии с международными договорами.

Дело заключается не только в существе проблемы, но и в ее форме, и в ее динамике. Весьма вероятно, что авторы Конституции США, если бы они могли предвидеть период, когда внешняя политика составит столь большую долю деятельности правительства, выступили бы в Конституционном конвенте в пользу парламентской или подобной ей системы. Они не поддержали бы систему, предусматривающую ратификацию сенатом международных соглашений, утверждение им кандидатуры на пост государственного секретаря и аккредитацию иностранных послов. Было бы также подвергнуто сомнению довольно туманное положение о том, что внешняя политика в целом должна определяться и осуществляться в соответствии с указаниями и с одобрения сената.

В то время когда создавалась Конституция, в договоры включались конкретные и ограниченные обязательства. Не так обстоит дело в наши дни. Теперь мы имеем всеохватывающие многосторонние договоры, соглашения

по разрешению практических задач, долгосрочные обязательства, касающиеся огромных денежных средств. Палата представителей стала принимать большее участие в решении вопросов внешней политики, поскольку финансирование превратилось в один из важнейших аспектов ее деятельности.

Особенно явное игнорирование сената при решении вопросов внешней политики проявилось в 60-е годы XX века. В то же время администрация становилась все более самоуверенной в проведении своей внешнеполитической деятельности. Линдон Джонсон и Ричард Никсон почти единолично принимали решения в этой области. Их теоретизирование относительно президентских полномочий в международных делах совершенно некритично воспринималось многими американцами, пока вьетнамская война не заставила еще раз заглянуть в Конституцию. Даже после ее окончания наблюдалась тенденция одобрять личную дипломатию Генри Киссинджера и восхищаться ею, вместо того чтобы настаивать на действенном участии сената в формировании внешней политики.

Те, кто выступал с критикой политической деятельности Никсона и Киссинджера, не обращали внимания на важность соблюдения установленных норм. В ходе предвыборной кампании 1972 года сенатор Джордж Макговерн, например, предложил осуществить крупное сокращение находящихся в Европе американских войск. Это означало бы внесение существенных корректив в американские обязательства в этой части света. И Макговерн не обещал, что в качестве президента он провел бы консультации с сенатом по этому вопросу.

Даже те, кто нападает на осуществление президентами независимой внешней политики, делают это только в связи с позитивными или агрессивными акциями. В то же время они готовы позволить президенту принимать самостоятельные решения об отказе в поддержке в пользу кого-либо или сокращении войск, что может оказать существенное воздействие на договорные обязательства и проводимую политику. В период администрации Эйзенхауэра государственный секретарь Джон Ф. Даллес отказался от содействия в строительстве Асуанской плотины в Египте, хотя правительство (с одобрения конгресса) приняло на себя такие обязательства. Его политические решения не оспаривал никто. Совершенно свободно высказывается об изменении внешней политики президент Картер.

Второе существенное изменение институционального поряд-

ка состоит в усилении влияния военных кругов. Вопрос не в том, нужен ли нам армейский аппарат, а в том, правильным ли путем происходило его формирование и нет ли необходимости обеспечения лучшего руководства и более строгого контроля над ним. Совместима ли военная машина таких масштабов со свободным демократическим обществом? Неизбежно ли ее превращение в самостоятельную, обладающую чрезмерным влиянием силу?

Токвилль не уделил большого внимания роли президента как верховного главнокомандующего. Видимо, он не считал ее слишком важной по части соответствия Конституции в условиях, существовавших в начале XIX века. Он отмечал, что президент действительно командует войсками, однако «армия состоит из 6 тыс. солдат; военно-морским флотом, но он располагает лишь несколькими кораблями; он определяет отношения США с другими странами. Отделенные от остального мира океаном, все еще слишком слабые, чтобы стремиться к господству на море, США не имеют врагов, а их интересы редко вступают в противоречия с другими странами мира».

Вместе с тем Токвилль пустился в пространные рассуждения о военной роли США в будущем, об отношениях между военным аппаратом, демократическим правительством и обществом, а также о демократии и войне.

Он считал, что, если Америке и придется участвовать в крупной войне, то это должно будет произойти на ее границе с Мексикой. Однако нищета и отсталость последней, по его мнению, не могли ей позволить еще в течение длительного времени претендовать на видное место среди других стран. Тем временем изоляция оказалась благодатной для Соединенных Штатов. «Насколько же прекрасным является расположение Нового Света,—рассуждал он,—где человек до сих пор не имеет других врагов, кроме себя самого. Быть счастливым и свободным—вот к чему следует стремиться». До войны с Мексикой оставалось двадцать лет, но она представляла собой слабую и отсталую страну.

Токвилль предсказывал: обладая значительными преимуществами в области природных ресурсов и тяготая к торговле, Соединенные Штаты однажды «превратятся в ведущую военно-морскую державу мира». По его словам, «американцы рождены, чтобы господствовать на морях, подобно тому как римляне—завоевать мир». В XIX веке американцы проявили себя великими моряками, судостроителями и торговцами, однако господство американских боевых кораблей на морях не ощущалось вплоть до второй

мировой войны. И значение его упало почти сразу после этой войны в результате появления ядерного оружия у Советского Союза и роста его морской мощи.

Большее значение, чем его конкретные предсказания, имеют теоретические рассуждения Токвилля относительно военной мощи, войны и демократии. Он считал, что армия в демократическом обществе постоянно является источником угрозы войны или революции. «Ибо армии проявляют гораздо больше нетерпения во времена мира, если хотя бы однажды они испробовали вкус войны...— писал он.— Я предвижу, что для всех великих лидеров военного времени, которые могут появиться в ведущих демократических странах, окажется легче осуществить завоевания при помощи своих армий, чем заставить их жить в мире. Для демократических стран всегда трудно сделать две вещи: начать войну и завершить ее».

Американский опыт не полностью подтверждает теорию Токвилля. Но он и не позволяет целиком отвергнуть ее. Вслед за крупными войнами, которые вела наша страна, немедленно предпринимались меры по резкому сокращению размеров наших вооруженных сил. Так обстояло дело и после второй мировой войны, хотя ряд обстоятельств препятствовал этому процессу: блокада Берлина, корейская война, «холодная война» и разработка доктрины сдерживания. После корейской войны резкого сокращения военной мощи не произошло, а, скорее, обнаружилась тенденция к увеличению военной силы. К 1960 году — последнему в период президентства Эйзенхауэра — военный бюджет достиг примерно 45 млн. долл. В своей прощальной речи, за которую его неоднократно хвалили, Эйзенхауэр предупредил страну об опасности, исходящей от военно-промышленного комплекса: «В деятельности нашего правительства мы должны проявлять бдительность по отношению к усилению незаконного воздействия, происходит ли это преднамеренно или непреднамеренно, военно-промышленного комплекса... Мы никогда не должны допускать, чтобы давление со стороны этого союза поставило под угрозу наши свободы или демократические порядки».

В ходе кампании 1960 года кандидат демократической партии обвинял администрацию Эйзенхауэра в том, что она допустила относительно отставание по сравнению с русскими. «Отставание в области ракет» превратилось в воинственный лозунг в течение кампании. Когда после выборов обнаружилось, что его вовсе не существует, милитаристы и военно-промышленный комплекс стали

выражать беспокойство по поводу тех или иных нехваток в военной сфере. Министр обороны объявил, что национальная политика состоит в подготовке «двухсполовинной войны»: ядерной войны плюс «обычной войны» (она характеризовалась как последняя из подобных войн, которую вела страна) и новой «полувойны» — усовершенствованных партизанских операций. Последующие администрации довели эту концепцию подготовки такой войны до той черты, когда соревнование идет не столько с потенциальными противниками, сколько с уровнем военной мощи, достигнутым предшествующей администрацией.

Лидеры военного времени, как их охарактеризовал Токвилль, или военные руководители мирного времени не столь охотно вовлекали страну в войну, как это предполагал французский наблюдатель. Некоторые из них после окончания своей военной карьеры или даже до ухода в отставку занимались политической деятельностью. Начало этой традиции было положено избранием Джорджа Вашингтона первым президентом Соединенных Штатов. Она была продолжена, когда в 1828 году избрали Эндрю Джексона, поскольку он стал главным военным героем войны 1812 года. Эта традиция еще больше усилилась после Гражданской войны вследствие избрания президентом У. Гранта — генерала, завершившего победу Севера. Некоторым шумом сопровождалась кампания по выборам на пост президента адмирала Джорджа Дьюи после испано-американской войны и генерала Джорджа Першинга — после первой мировой войны. Однако после каждой из них мир наступал настолько быстро, что чувство благодарности и уважения к военному руководству не оказывало сильного влияния на политическую жизнь.

Иначе обстояло дело после второй мировой войны, поскольку с ее окончанием мир не наступил. Генералы ринулись в политику, или их вовлекали в нее. Генерал Дуглас Макартур пытался добиться выдвижения своей кандидатуры на президентский пост от республиканской партии еще в 1948 году. Генерал Дуайт Эйзенхауэр, которого пытались выдвинуть и республиканцы, и демократы, согласился выступать от имени республиканской партии и был избран в 1952 году, а затем переизбран в 1956 году. Военно-воздушные силы, где политические и военные традиции не столь давние и труднее выделить героические фигуры, выдвинули из своей среды одного не очень заметного кандидата. В 1968 году генерала Кертиса Лемейя включили в качестве претендента на пост вице-

президента совместно с Джорджем Уоллесом в избирательный список американской независимой партии.

Вьетнамская война привела к повышению в должности ряда военнослужащих. Сама она стала настолько непопулярной, что выдвижение в армии непосредственно не приводило к успехам в гражданской политической жизни. Генерал У. Вестморленд, больше всех занимавшийся политикой среди участвовавших во вьетнамской войне генералов, использовался президентом Джонсоном в качестве специалиста по ее пропаганде. Верхом политических вожделений этого генерала явилась попытка получить от республиканцев пост губернатора штата Южная Каролина, однако он потерпел поражение на предварительных выборах.

Военный аппарат Соединенных Штатов после второй мировой войны отличался тем, что создавал возможности для приобретения его сотрудниками опыта, который позволял бы работать и в гражданских отраслях. Обычно армейская среда обеспечивала продвижение по военной службе, после же выхода на пенсию — хороший доход. Хотя мирные условия не способствовали продвижению по службе, они не исключали такого повышения. Военнослужащие Соединенных Штатов «не стремятся страстно к войне», как это предсказывал Токвилль, «из-за того, что война создает вакантные места и в конечном итоге позволяет обойти положение о продвижении по службе в зависимости от выслуги лет, этой основной формы достижения привилегий в условиях демократии». Причина кроется в том, что вооруженные силы превратились, как говорил Токвилль, в «небольшое самостоятельное государство, обладающее политическими, экономическими и культурными институтами, сравнимыми с теми, какие существуют в гражданском обществе». Поездки военных в другие страны приобретают квазидипломатический характер. В ряде случаев военные институты копируют гражданские. Косвенным образом обеспечив военные органы субсидиями для изучения проблем и проведения исследований, удалось создать в самих вооруженных силах особую систему подготовки. Она призвана осуществлять управление программами переквалификации военнослужащих. Для военных существовала самостоятельная пенсионная служба, почти всеохватывающая сеть медицинского обслуживания (включая выплаты пособия в случае смерти). И даже на послевоенный период было распространено страхование жизни, введенное на время боевых действий. Тем, кто в результате призыва в армию оказался оторван-

ным от розничной и оптовой торговли, предоставили возможность заниматься этим бизнесом в гарнизонных магазинах. Военная организация зашла столь далеко, что предпринимались попытки предварительного изучения унификации различных религий, исповедуемых в рядах вооруженных сил, в частности, затем, чтобы избежать использования для верующих своих капелланов. Задача состояла в создании единой религии в армии, способной удовлетворить потребности всех военнослужащих.

Как именно распространяется влияние военных на гражданскую сферу, можно судить по деятельности инженерных войск армии США в современных условиях. Созданные еще в 1802 году для строительства фортификационных и военно-инженерных сооружений, эти войска позднее получили права на контроль за созданием навигационных объектов не только на морском побережье, но и на водных путях всей страны. Поскольку ежегодный бюджет инженерного корпуса составляет примерно 2 млрд. долл., он имеет возможность проводить работы, не имеющие никакого отношения к военным потребностям или действиям. Сосредоточив усилия на проведении противопаводковых мероприятий и обеспечении судоходства, эти войска приобрели влияние и власть. Благодаря этому им удалось привлечь персонал, у которого возникли перспективы для продвижения по службе в самой американской армии. Притом в масштабах, несравненно превышающих все, что могло бы быть достигнуто в случае проведения сугубо военных строительных работ. Полномочия на утверждение и отклонение различных проектов по обеспечению судоходства и строительства противопаводковых сооружений позволяют оказывать огромное влияние на членов конгресса. Сами они конкурируют между собой в попытках добиться разрешения на строительство различных гражданских объектов.

Руководство инженерных войск не спешило активизировать деятельность по техническому обеспечению охраны окружающей среды, но уже появились признаки растущего внимания к этой сфере. Корпус армейских инженеров может заполучить полномочия на осуществление контроля за качеством окружающей среды. У него есть шансы на проведение работ по планировке рельефа и восстановлению земель после добычи полезных ископаемых открытым способом. Тогда это откроет ему громадные возможности для расширения своей разносторонней деятельности, позволит приобрести еще большее влияние и, значит, создаст дополнительные возможности для продвижения

его сотрудников. Аналогично обстояло бы дело с занятыми в военных организациях учеными, если бы они приобрели контроль над производством атомной энергии, к чему всегда стремились.

В кульминационный период накануне отставки с президентского поста Ричарда Никсона в военных кругах — и это неудивительно — пустились в размышления о возможных вариантах действий в случае политического кризиса. Нельзя предполагать, что военные окажутся вне политики и политических влияний. Любая организация, по своей мощи идентичная военной машине Соединенных Штатов, приобретает ту или иную политическую ориентацию, неизбежно вмешивается в национальную политику. Совсем не странно, что в 1965 году американская армия заключила контракт с авиастроительной корпорацией «Дуглас» на изучение и разработку программы по обеспечению порядка в мире. Первоначально этот исследовательский проект именовался «Пакс Американа» — «Мир по-американски». Более того, возможно, не следовало удивляться и тому, что армейская разведка собирала сведения, а также вела досье не только на потенциальных внешних врагов и на собственный военный персонал, но и на гражданских лиц.

Хотя в ходе военных действий, вне сомнения, открываются пути к более быстрому, а возможно, и легкому (однако более опасному) продвижению по службе, известные возможности для карьеры в столь разветвленной и сложной военной организации, какой обладают Соединенные Штаты, существуют и в мирное время. В силу этого честолюбивые личности, несущие армейскую службу, не испытывают потребности в самой войне. Однако они могут стремиться к росту военной машины, а также к расширению функций вооруженных сил далеко за пределы чисто военных рамок.

Каковы непосредственные последствия, вытекающие из существования большой военной машины для демократии, Токвилль не задумывался. Но он много размышлял о том, в чем будет состоять воздействие войны на демократический строй и как сама демократическая система станет реагировать на военные действия. Он отмечал двоякую опасность, заключающуюся в войне для демократии. Во-первых, писал он, «хотя война вполне удовлетворяет армию, она беспокоит, а порой даже доводит до отчаяния ту бесчисленную толпу граждан, которым для удовлетворения своих мелких страстишек необходим повседневный мир. Поэтому существует определенная опасность, что

она может вызвать — в иной форме — те же самые беспорядки, которые обязана предотвратить». Видимо, здесь идет речь о волнениях внутри страны или даже о революции. История американского участия в войнах вплоть до войны во Вьетнаме не подтверждает рассуждений Токвилля. Большинство войн прошлого пользовалось поддержкой. Вместо того чтобы вызывать волнения внутри страны, они приводили к уменьшению расхождений и по крайней мере замедляли развитие внутренних противоречий. Поддержка войны народом или оппозиция по отношению к ней в большей мере зависят от характера войны, чем от некоей, пусть даже фундаментальной, теории о возможной реакции демократического общества на эту войну.

Во-вторых, он говорил: «Любая длительная война влечет за собой возникновение опасности для свободы в демократическом обществе. Дело не только в том, что после каждой успешной войны следует остерегаться захвата суверенной власти генералами-победителями, как это сделали Сулла и Цезарь. Тревогу также вызывает другое. Война не всегда приводит к подчинению демократического общества военному правительству. Она должна непременно и в неизмеримых масштабах привести к увеличению полномочий гражданского правительства, что почти автоматически влечет за собой сосредоточение всех нитей управления в его руках». Самым очевидным образом правильность этого положения проявилась во время второй мировой войны, особенно в результате создания Центрального разведывательного управления и расширения военных органов разведки. Контроль при этом осуществлялся самими военными. Каждая из этих служб в обход закона осуществляла сбор информации об американских гражданах. Методы, допускавшиеся в военное время, были распространены и на мирный период, притом без малейшей заботы об их правомерности.

Имеются серьезные основания сомневаться, что, помимо условий действительно военного времени, правительство, базирующееся на принципах представительства, и демократическое общество могут допускать расширение разведывательных операций за определенные, очень узкие рамки. Особенно это справедливо, если секретность и почти неограниченный выбор способов обмана, мошенничества и насилия не могут быть ограничены лишь внешней деятельностью разведорганов. Покушение на демократические свободы в военное время и в условиях борьбы соперничающих разведслужб есть нечто иное, чем посяга-

ние на них в обстановке «холодной войны» или при политических дебатах. Факты, собранные в ходе уотергейтского дела и последующего расследования деятельности ЦРУ, показали, что эта организация занималась не только разведкой, но и привлекалась к сфере дипломатии. А в этой области, как считали в прошлом, в отношении самих способов действия выдвигались более традиционные требования. Как оказалось, применяемые ЦРУ средства и методы, созданные и, по некоторым утверждениям, приемлемые в отношениях с иностранными государствами, были без недолгих сомнений применены к внутренним делам для обеспечения правительственных мероприятий и политических акций.

Токвилль предложил два пути решения комплексных проблем в случае выхода армии из повиновения. Первый состоял в создании демократической армии. По его мнению, это естественно вытекало из теории и опыта демократии: гражданские лица станут способствовать порядку и дисциплине в армейской среде. «Если вы воспитали дисциплинированных, честных и свободных граждан, то будете располагать вымуштрованными и послушными солдатами». По убеждению Токвилля, поскольку в условиях демократии люди не стремятся стать солдатами, демократические страны для обеспечения необходимого их количества раньше или позже должны прибегать к введению воинской повинности. (Опыт Америки показал, что это не совсем так. Отношение к службе в армии зависело от характера войны.) Он писал, что при введении обязательной воинской повинности «бремя равным образом и без дискриминации распределяется между всеми гражданами».

В условиях ничем не стесняемой, полностью поддерживаемой демократии можно предположить, что военная служба окажется уважаемым делом. К ней настолько будут стремиться, что при отсутствии потребности в большом количестве солдат набор станут производить обычным жребием. Те, кто окажется призванным, будут считать себя избранныками; именно такими посчитают их окружающие. В условиях приверженности принципам демократии добровольцы не потребуются.

В войнах XX века Америка применила смешанную систему формирования армии, используя как принцип добровольности, так и обязательную воинскую повинность. Обе эти формы достаточно хороши, особенно когда во время крупных войн мощь армии обеспечивалась за счет гражданского населения. Обязательная повинность вытеснила набор добровольцев, в целом это произошло в

открытую, достаточно гласно и без дискриминации. Таким образом, подтвердилось заключение Токвилля, согласно которому «демократическое правительство может делать все, что ему угодно, при условии, что его распоряжения распространяются одновременно на всех; неравенство распределения бремени, а не его тяготы обычно вызывает сопротивление».

Неравенство и дискриминация (вызванные законами и правилами призыва на военную службу во время вьетнамской войны) действительно породили сопротивление и протесты и в значительной мере толкнули правительство к экспериментированию по созданию армии полностью на добровольных началах. В силу практических соображений она была создана как армия наемников и не отражала (в отличие от формируемой на основе обязательного призыва по жребию) характера той цивилизации, которую призвана защищать и представлять. Опасности, а их возникновение Токвилль связывал с наличием крупной, состоящей из профессионалов постоянной армии должны возрасть по мере того, как армия становится все менее демократичной, все слабее учитывает мнение общественности и оказывается все больше от нее изолированной. Выдвинутые недавно публично предложения о создании профсоюзов в армии не вызывают удивления: вооруженные силы все сильнее изолируются от общества, лишаются духа патриотизма, а широкие слои населения перестают осознавать их значение.

По мере усиления профессионализма в армии существует опасность уменьшения общественного контроля над деятельностью военных. Иначе обстоит дело при обязательной воинской повинности. Как заметил Токвилль, призывники рассчитывают на возвращение к гражданской жизни. «В условиях демократии рядовые солдаты остаются в основном штатскими людьми, именно они в наибольшей степени сохраняют приверженность к национальным привычкам и подвержены влиянию общественного мнения. В первую очередь на солдат можно надеяться при создании демократической армии, проникнутой такой же любовью к свободе и уважением к законности, которые были воспитаны у самой нации». Существует опасность, что армия, состоящая из профессиональных военных, приведет к снижению степени общественного и морального контроля со стороны гражданских властей над военной деятельностью, по крайней мере обусловит возникновение тенденции в этом направлении. В результате право принятия решений относительно участия в военных действиях

будет принадлежать военным. Проявлением подобной тенденции явилось утверждение, что только добровольцы, а не призывники обязаны принимать участие в непопулярной вьетнамской войне.

Согласившись на существование армии, состоящей из добровольцев, американцы пренебрегли несколькими предупреждениями Токвилля. Первое из них заключалось в том, что такая армия будет формироваться за счет более бедной и менее образованной части населения, в то время как слой, определяемый Токвиллем «элитой», станет избегать службы в вооруженных силах в невоенное время. Во-вторых, добровольная армия будет находиться под руководством профессиональных военных. В-третьих, состоящая из добровольцев армия «в конечном итоге превращается в небольшое самостоятельное государство, обладающее более низким интеллектуальным уровнем и более грубыми навыками, нежели нация в целом. Однако эта крохотная нецивилизованная нация обладает оружием и знает, как им пользоваться».

Иное решение проблемы непокорной армии, по мнению Токвилля, состояло попросту в сокращении ее размеров. «Однако это средство не может быть применено любой нацией», — отмечал он.

Есть и еще одно обстоятельство, которое Токвилль не отметил. Дело в том, что политические указания, затрагивающие проблемы войны, обязаны быть всегда ясными и четкими. У военных не должно оставаться сомнений. Они не могут позволить себе подвергаться неким посторонним соблазнам или давлению — таким, которые способны вызвать стремление разработать собственную политическую программу и определить самостоятельные политические цели. Могущественная военная машина неизбежно заполняет политический вакуум — прежде всего во внешних делах, а затем, особенно если обратиться к Европе и Южной Америке, и во внутренней жизни страны.

Весьма показателен опыт Вьетнама. Армию вовлекли в операции, не имея четкого политического руководства. В первые годы войны провозглашенная нами политика имела в виду стабилизацию правительства в Южном Вьетнаме. По мере того как там увеличивалось число американских военных, в 1965 году стали все чаще говорить о необходимости предотвратить интервенцию с Севера. К следующему году американская военная мощь во Вьетнаме достигла таких масштабов, что возникла потребность более исчерпывающе объяснить причины ее присутствия во Вьетнаме. В качестве новой задачи выдвигалось спасение всей

Юго-Восточной Азии от коммунизма, и сверх того — от захвата ее Китаем. В 1967 году в виде реальных целей войны указывалось уже обеспечение безопасности Соединенных Штатов, защита их национальной чести и будущего свободного мира.

Основные провалы во вьетнамской войне носили невоенный характер. Скорее, дело заключалось в том, что американские гражданские лидеры не смогли определять политику, отдавать приемлемые указания и устанавливать пределы допустимого. Они не сумели предпринять дипломатические шаги, необходимые для прекращения войны без применения всей военной мощи. Более того, они были не в состоянии со всей ответственностью отнестись к своим действиям, не заботясь о том, каким образом могло бы квалифицироваться подобное окончание войны: поражение, капитуляция, тупик или победа.

При демократии больше, чем при любой другой системе правления, война обязана являться продолжением политики. Политика не должна превращаться в продолжение войны или военной мощи.

Токвиллем сделаны также и другие важные замечания относительно соотношения войны и демократии. По его словам, стремление людей в условиях демократии сводится к быстрому достижению результатов, скорым победам. «Никакое из видов величия не является более привлекательным для воображения демократически настроенных людей, чем военное, блистательное, достигнутое в кратчайший срок. Без больших усилий, не связанное ни с каким другим риском, кроме риска собственной жизнью». Во второй мировой войне стремление к быстрой, если не легкой победе проявилось в таких действиях, как наступление генерала Паттона и применение атомных бомб против Японии. Такая же тенденция стала очевидной, но на практике безрезультатной в ходе вьетнамской войны.

Токвилль также отмечал, что для демократических стран окажется очень трудным делом начать войну, но не менее простым закончить ее. Кроме того, сами эти страны будут втягиваться в войну, которую ведут другие демократические государства. По его словам, они настолько взаимозависимы, что «почти невозможно двум из них вести войну в изоляции. Интересы всех оказываются настолько переплетены, их точки зрения и их потребности настолько совпадают, что ни одна из стран не может остаться в стороне от всеобщего смятения. Таким образом, войны становятся реже, однако, когда они все-таки возникают, они охватывают большую территорию».

Конечно, Соединенные Штаты медленно втягивались как в первую, так и во вторую мировую войну. Видимо, наше участие в них также подтверждает мнение Токвилля, что демократическая страна не может остаться в стороне, когда подобные ей государства ведут войну. Боевым кличем первой мировой войны стало создание безопасного мира для демократии. И во вторую мировую войну мы вступили, по крайней мере частично, во имя демократии и ее спасения. Что касается периода «холодной войны», справедливость замечаний Токвилля кажется менее очевидной. Хотя по своим масштабам другие войны не были столь обширными, как мировые, наше вмешательство в них оказалось быстрым, а выход — длительным.

Поскольку войны между демократическими странами в значительной мере имеют идеологическую подоплеку, признание поражения оказывается гораздо более трудным делом. И точка зрения военных — а она не предусматривает полной победы — вряд ли найдет поддержку. К примеру, Соединенные Штаты после так называемой «потери Китая» избежали необходимости признать свое поражение. Создав эмигрантское правительство на Тайване и обеспечивая его поддержку более двадцати лет, мы в то же время отказывались признать факт существования материкового Китая дипломатическим путем. Аналогичным образом после провала вторжения в заливе Кочинос Соединенные Штаты отвергли дипломатическое признание Кубы.

После второй мировой войны заметным образом изменились те идеологические стимулы, которые определяли американское участие в военных действиях. Реакция страны на события определялась не столько ее интересами в отношении самой демократии, сколько соображениями негативного характера — антикоммунизмом. В частности, наша интервенция в Доминиканской Республике в 1965 году не имела идеологического оправдания. Она никак не могла изображаться в виде усилий по созданию демократического правительства, а представляла собой антикоммунистическую акцию. Наше участие в свержении правительства Чили и поддержка осуществленного военной хунтой переворота не являлись стремлением установить демократию в Чили, а являлись мерой по устранению марксистского правительства.

Существенной институциональной силой, вызывающей возникновение проблем в условиях американской демократии, является корпорация — продукт общества, существующий как юридическое лицо на основе одобренных им правовых

норм. Однако из-за концентрации экономической мощи, ограниченного характера понятия «юридическое лицо», олицетворяющего собой корпорацию, из-за распыления ответственности и уклонения от нее, корпорация превратилась в инородную силу для американского общества, в нечто неуправляемое и антидемократическое.

Предполагавшийся в прошлом исторический процесс перехода от феодализма к капитализму свободной конкуренции, а затем — к социализму не является вполне очевидным. Развитие событий носило скорее циклический характер — от феодализма к капитализму свободной конкуренции, а затем — возвращение к более совершенному и высокоорганизованному корпоративному феодализму. Неофеодализм не подчиняется законам теоретически свободной и конкурентной экономики. Он скорее характеризуется достигнутыми соглашениями между феодальными властями и централизованным правительством. В наши дни центральное правительство в отличие от королевского — а оно представляло собой регулирующую, или третейскую, силу в докапиталистическом феодализме — избирается демократически.

В демократическом обществе проблема осложняется стремлением обеспечить для себя некую часть доходов или собственности.

Дело в том, что имело место все прогрессирующее отчуждение населения от традиционного, можно сказать, естественного принципа частнопредпринимательского владения. При нем собственность определяется как физическая субстанция в виде земли, строений, скота, инструментов и машин. На смену приходит косвенное владение в форме документов, представляющих собой акции, контракты или трудовые соглашения. Подобное изменение, видимо, привело к отступлению от прежнего права собственности и традиционных основ владения (использование недвижимости, предшествующее наследование, ранее принадлежавшие права и т. д.). Затем происходит следующее — не имеющие собственности, то есть утратившее ее или вообще не обладавшие ею, предпринимают соответствующие усилия. Путем применения демократической процедуры они стремятся обеспечить себе получение большей доли того, что производится обществом, — вне зависимости от того, идет ли речь о государственной или частной собственности.

Дебаты в связи с принятием поправки к Конституции о подоходном налоге 1913 г. породили вопрос о том, можно ли требовать от некоторых людей выплаты прогрессивно-

го подоходного налога по более высоким ставкам, чем остальные налогоплательщики. И тем самым заставляя их брать на себя большую часть бремени по обеспечению общества. Проблема приобретает иной смысл, когда прогрессивный налог применяется для получения средств, предназначенных для других целей. Речь идет об обеспечении тех лиц, которые не пользуются государственной системой социального обеспечения, однако зарабатывают меньше других граждан, также выплачивающих налоги.

Предложение о введении «негативного подоходного налога», частично воплощенное в законе о налогах 1975 года, представляет собой признание этого принципа перераспределения богатств. Относительное отличие (а его рассматривают так абсолютное) состоит в том, что, поскольку перераспределение осуществляется за счет текущего дохода (обычно он включает заработную плату, проценты, дивиденды и оклады), собственность остается нетронутой. Вследствие этой трактовки опасность незаконного изъятия собственности возникает только тогда, когда перераспределение затрагивает капитальные средства тех, кто облагается налогом. Предупреждение о возможности возникновения подобной тенденции можно обнаружить у Токвилля. «Главное и в определенном смысле единственное условие, необходимое для достижения успеха в централизации верховной власти в демократическом обществе, состоит в том, чтобы любить равенство или доказать другим, что ты его любишь,—писал Токвиль.—Искусство деспотизма, некогда столь сложное, упростилось—можно утверждать, что оно низведено до соблюдения единственного принципа».

Поучительным является положение, возникшее в Англии.

Борьба за осуществление политического контроля в значительной мере концентрируется там вокруг вопроса о том, каким образом должно распределяться богатство или доход. И какие в этом случае создаются возможности для удовлетворения нужд как общественных служб, так и потребителей.

В Соединенных Штатах подобная борьба не достигла открытого конфликта. Она ограничивалась более узкой сферой, например тяжбой между рабочими и управляющими; движением тех, чьи доходы непосредственно зависят от правительственных выплат (служащих государственных органов, военных и пенсионеров из числа лиц, входивших в эти категории). Она сводилась к стремлению добиться повышения доходов и заработков слоев населения, в

известной мере зависящих от государственной политики: фермеры, предприниматели в сельскохозяйственном производстве и компании, деятельность которых регулируется, такие, как авиакомпании и железные дороги.

Последним примером политического столкновения по данному вопросу явилась предвыборная кампания 1972 года, когда сенатор Джордж Макговерн, кандидат от демократической партии, призвал к значительному увеличению налогообложения богатых слоев населения. На одном из этапов кампании он предложил ввести стопроцентный подоходный налог на любое наследство, превышающее 500 тыс. долл. Позднее он отказался от своей позиции и предложил предельный уровень налога на такие наследства в размере 77 процентов. Сенатор Макговерн предложил также отказаться от системы социального обеспечения, отныне ее должна была заменить автоматическая выплата государственной субсидии размером в 1 тыс. долл. каждому американцу. Лица, чей доход ниже уровня нищеты, получают эту сумму в свое полное распоряжение. Группы населения с более высокими доходами станут возвращать часть полученной субсидии по мере того, как будет увеличиваться сумма их дохода (и соответственно — размер налога). Происходило много споров о том, падет ли основное бремя расходов на наиболее богатые слои или средний класс должен будет покрывать затраты, связанные с осуществлением предложения Макговерна. Во всяком случае, выдвижение этого предложения явилось одним из факторов, обусловивших сокрушительное поражение сенатора Макговерна на выборах 1972 года.

Мы приближаемся к моменту, когда большинство зарегистрированных в стране избирателей, если они достигнут политического единства, путем голосования обеспечат себе увеличение доходов за счет заработков или капитала всего общества. В такое большинство войдут:

Лица, пользующиеся системой социального обеспечения	33 000 тыс.
Лица, получающие пособия по безработице	8 560 тыс.
Федеральные гражданские служащие	2 823 тыс.
Пенсионеры федерального правительства	1 644 тыс.
Военнослужащие	2 049 тыс.

В совокупности это превышает 48 млн. человек, в то время как на выборах 1976 года за президента голосовало 82 млн. американцев. Более того, число американцев, действительно получающих значительные выплаты от государства, выше, чем указано нами. Например, более 11 млн. американцев пользуются средствами в соответствии с программой помощи семьям, имеющим на своем иждивении детей. Хотя дети, которым предоставляются блага социального обеспечения, не могут принимать участия в голосовании, за них это могут делать старшие родственники.

Собственные интересы в состоянии толкнуть социальные группы к образованию избирательного блока. Особенно если сформируется мнение, будь оно правильным или ложным, что в результате несовершенства экономической системы пенсионеры не смогут быть обеспечены, а более молодые люди будут лишены возможности работать и получать приличный доход.

Возможности общества для противодействия таким стремлениям со стороны большинства были ограничены в результате существующего права государства на принудительное отчуждение частной собственности. Заложенный в основу такого права принцип все более и более активно использовался для передачи частных земель государству с целью иного использования их частными владельцами. Пока такой принцип применялся главным образом ради приобретения земельных участков, предназначенных для военных баз, правительственных зданий, государственных дорог и т. п., само право собственности затрагивалось лишь незначительным образом. Однако, когда его распространили и на операции по строительству железных дорог корпорациями, само понятие неприкосновенности собственности оказалось расшатанным. Когда же введение таксации земель и увеличение налогов привели к вынужденной продаже земель, изменение понятия собственности становится неизбежным.

Свидетельства общественного беспокойства и сомнений в связи с существованием права государства на принудительное отчуждение частной собственности были особенно заметны в период Великой депрессии. Тогда зона отчуждения железных дорог, первоначально предоставленная на основе государственных полномочий, была захвачена безработными, мигрирующими рабочими и бродягами.

Во время же нехватки бензина в 1974 году, когда бензозаправочные станции закрывались рано, владельцы автомашин сочли за благо ставить их непосредственно на

подъездных путях к этим станциям. Подобная небольшая иллюстрация свидетельствует по крайней мере, что нет никакой ясности в вопросе о том, где кончается собственность и где начинается право на ее использование.

Еще одна проблема в демократическом обществе, которую Токвилль наблюдал на ранних стадиях его развития, состоит в формировании политических партий. В свое время наблюдался отход от использования выборной формы правления и попытки обеспечить большую эффективность политического процесса в условиях усложняющихся общественных отношений путем создания специальных институтов.

В значительной мере пренебрежение выборной формой правления проявилось в принятии семнадцатой поправки к Конституции — ею предусматривалось избрание сенаторов путем всеобщих выборов. До этого они избирались лицами, представлявшими фракции меньшинства в отдельных штатах. (Такая система напоминала коллегия выборщиков, представляющих отдельные штаты, которые на специальном заседании решают вопрос, кому быть следующим президентом.) В тот же период утверждался порядок выдвижения кандидатов на предварительных партийных съездах. В силу ряда обстоятельств это облегчило избирателям принятие решения о судьбе самих кандидатов.

Позднее были выдвинуты требования о представительстве на партийных съездах и в партийных органах на основе установления количественных норм для расовых, возрастных групп, а также по принадлежности к полу. После проведения в 1968 году съезда демократической партии раздавались призывы внести изменения в правила предвыборной кампании с целью обеспечить в будущем более точное отражение состава партии на ее съездах. Был принят перечень принципов, определявших порядок отбора делегатов: в соответствии с ними состав делегатов на съездах обязан отражать разнообразные категории членов партии. Однако такие критерии могут привести к тому, что не будут представлены лица или группы, чья политическая позиция не определяется возрастом, полом или расовой принадлежностью. По существу, идеальной была бы такая система, в соответствии с которой пропорциональный отбор делегатов от различных групп производился по жребию из числа всех членов партии. Это привело бы к дальнейшему углублению демократии.

Правительство Англии, будучи неспособным или не желая решить вопрос об участии своей страны в «Общем

рынке», предпочло проделать это с помощью референдума. В итоге нация решительно высказалась за вступление в «Общий рынок». Правительство как представительный орган проявило больше осторожности, чем следовало.

В Соединенных Штатах неудовлетворенность результатами недавних президентских выборов (1978), последовавшая за малоудачным отбором партийных кандидатов, обусловила выдвижение некоторыми политическими лидерами предложения о проведении прямых президентских выборов. В этом случае исключается концепция выборного руководства, содержащаяся в конституционных положениях о коллегии выборщиков.

Существует ряд возражений против предложения о прямом и всеобщем голосовании. Одно из них состоит в том, что население сможет получить большее представление о президенте, чем при существующем порядке выборов; однако не исключено, что ему не будут известны важные сведения о кандидатах в президенты. Населению все становится труднее делать собственные заключения относительно приемлемости кандидатур по мере того, как усложняются функции руководства страной.

Более разумной и упорядоченной мерой явилось бы совершенствование системы представительства таким образом, чтобы соответствующее мнение формировали люди, способные лучше или точнее определить требования, предъявляемые к президенту. Согласно положениям Конституции о коллегии выборщиков, они должны были бы излагать свои предложения определенному кругу избирателей. И при этом несли бы ответственность в качестве представителей политической партии или кандидата, а получив поддержку в ходе выборов, голосовали бы за свои рекомендации в коллегии выборщиков.

Для обеспечения эффективности подобного процесса необходимо ввести изменения в формирование коллегии выборщиков. И тогда в ней самой можно было бы отказаться от существующей практики единообразного голосования штатов. Первоначально соблюдение принципа «все голосуют за победителя» обосновывалось в некоторой степени политическими соображениями. Небольшие по размерам штаты, как считалось, будут обладать большей силой, если проголосуют как единое целое. Кроме того, между штатами всегда существовали культурные, экономические и социальные различия, и они нашли бы отражение при таком голосовании. Однако подобные доводы в наше время не имеют силы. Различия между

штатами в основном исчезли. В целом дифференциация между отдельными группами внутри штатов, например, между жителями городов и сельскими жителями, сильнее, нежели между самими штатами.

С точки зрения выборной формы правления было бы оптимальнее, если бы страна при выборах президента была разделена на 2—2,5 тыс. избирательных округов. От каждого из них избирался бы выборщик. Кампании в округах проводились бы в основном так же, как нынешние политические предвыборные мероприятия. Партии выдвигали бы своих кандидатов, а независимые могли бы принимать участие в выборах с соблюдением определенных обоснованных требований. Повторное голосование при равных результатах могло бы иметь место так же, как ныне, при проведении некоторых предварительных выборов. Каждый округ насчитывал бы около 100 тыс. человек, из которых приблизительно 70 тыс. обладали бы правом голоса. Затраты на проведение кампании при столь небольшом количестве избирателей будут минимальными. Результаты в большой степени зависели бы от доверия избирателей к личным качествам и здравому смыслу кандидата в выборщики. И этим лицом, вероятно, стал бы деятель, хорошо известный всем избирателям, ему верят, и он может нести ответственность за свои обещания и действия.

Важным политическим событием станет не съезд одной из партий, а конвент коллегии выборщиков, призванный избрать президента США. Глава исполнительной власти может избираться непосредственно путем голосования внутри партии, если большинство выборщиков принадлежат к ней. С другой стороны, он может оказаться победителем и на коалиционной основе. И такой президент будет отвечать всем требованиям Конституции, обладать всеми конституционными полномочиями на протяжении четырехлетнего срока. Нестабильность утверждаемого парламентом правительства не будет присуща президентскому правлению, поскольку срок его пребывания у власти твердо зафиксирован. Ожесточенную борьбу между партиями в конгрессе и за президентский пост можно было бы если не полностью устранить, то, безусловно, сильно смягчить. Если бы выборщик от небольшого избирательного округа превратился в основную фигуру, затраты на избирательную кампанию резко снизились бы. Крупномасштабные кампании, призванные навязать кандидатов в президенты, стали бы менее вероятны, а дорогостоящие усилия с целью достижения победы в целом

штате, не будучи более необходимыми, уже не оправдывали бы себя.

Чрезмерное значение личности президента также может быть устранено. И соответственно замыслы покушаться на него из политических ли побуждений или просто маниакальных резко убавятся, если не исчезнут вовсе. Прошло много времени с 1812 года, когда имело место последнее убийство британского премьер-министра. С другой стороны, лидеры более значительного масштаба, подобные Шарлю де Голлю и американским президентам последнего времени, жили в постоянной опасности насильственной смерти. Поскольку парламентское большинство несет ответственность за обеспечение непрерывного выполнения обязанностей премьер-министра, стимулы к осуществлению покушения оказываются незначительными, так как вместо убитого руководителя будет тем же составом парламента избран другой. Если бы выборщики президента стали достаточно известны и была признана их полная ответственность за происходящее, избиратели вполне могли бы порицать их за избрание данного лица на пост президента, а не предъявлять претензии к тому, кто избран. Маловероятно, чтобы какой-нибудь сумасшедший замыслил бы покушение на президентского выборщика.

Серьезная угроза механизму американской демократии возникла со стороны правительственных органов, или, как их называют, «бюрократической машины». Сложность проблем в быстроизменяющихся условиях, стремление лидеров избежать политической ответственности и подобные факторы привели к учреждению многочисленных бюро и агентств. Они непосредственно завладели законодательными, правовыми и исполнительными полномочиями.

Вряд ли стоит обобщать деятельность правительственных агентств или бюро. Между ними имеются существенные различия ввиду особенностей их организации, выполняемых функций и применяемых методов. Динамизм некоторых из них определяется внутренними факторами и совершенно не зависит от внешнего контроля или руководства. Другие учреждения отражают особенности своего лидера, как обстояло дело с ФБР при Эдгаре Гувере. Отдельные агентства неизбежно превращаются в вотчину занятых в них специалистов. Имеются и такие, сущность которых целиком определяется применяемыми ими методами, как это можно видеть на примере ЦРУ. Ряд правительственных органов превращается в некие неуязвимые сообщества, относительно свободные от правового

надзора и контроля со стороны конгресса и президента.

Наиболее очевидным примером подобной независимости является деятельность ЦРУ. Это управление было создано главным образом в качестве разведывательного органа правительства. Предполагалось, что конгрессу будут сообщаться лишь минимальные сведения о его деятельности и над этим ведомством будет осуществляться лишь самый ограниченный контроль. Вместе с тем, как определено, ЦРУ действует в соответствии с общими рамками национальной и внешней политики, а значит, находится под тщательным контролем со стороны исполнительных органов. Ими вскоре была признана целесообразность передачи ряда функций государственного департамента этому управлению. В этом случае выполнение таких задач не осуществлялось под контролем конгресса и общественности. ЦРУ в свою очередь распространило приемлемые и оправданные для военного времени методы на период «холодной войны» и использовало их даже в обычной дипломатической практике. С введением в действие принципа секретности стало ясно, что агентство может само определять способы своих действий. С его стороны сразу же возникает стремление к достижению полной независимости, даже и от исполнительных органов правительства. Теоретически, в соответствии со своим статусом они обязаны осуществлять прямой контроль над этим агентством. В условиях подобной свободы ЦРУ разрабатывает и осуществляет совершенно независимую политику. Недавние разоблачения роли ЦРУ в политических убийствах и того факта, что оно длительное время имело в своем распоряжении яды (даже после совершенно определенных указаний не хранить их),—все это свидетельствует об опасности, связанной с такой независимостью. К тому же ЦРУ, по своему статусу строго обязанное ограничивать свою деятельность ведением внешней разведки, начало осуществлять операции в самой стране.

Вопросы несколько иного характера возникают в связи с деятельностью налогового управления США. Попытки найти на них ответ приводят к необходимости рассмотрения фундаментальных конституционных прав личной неприкосновенности, свободы и обеспечения правопорядка. Применение упрощенной системы налогообложения усложняется характером деловой жизни с ее запутанностью источников доходов, как и разнообразием и мобильностью в правилах проживания, видах деятельности, семейных и других общественных отношениях, присущих американцам. В той мере, в какой законы о налогах преследуют

цель приспособиться к этим усложненным реалиям, от них требуется максимально возможная регламентированность. Но составление столь разветвленных, предусматривающих все нюансы законов оказывается невозможным. Тогда прибегают к предоставлению широких оперативных полномочий правительственному учреждению, в данном случае — налоговому управлению.

Впадая в возвышенную риторику, обычно говорят об огромных преимуществах «добровольной» налоговой системы США. Отмечают более честное отношение налогоплательщиков к своим выплатам сравнительно, например, с гражданами такой страны, как Италия. Действительно, факты относительно налогоплательщиков, насколько они сопоставимы, говорят в пользу американцев. Однако их поступки никак не «добровольны». Ведь они определяются угрозами самых серьезных наказаний со стороны правительства как в административном, так и в уголовном порядке. Притом в отношении любого гражданина или корпорации, которые не платят налоги в строгом соответствии с установленными регламентациями. Налоговое управление действует с такой кипучей энергией, что лишь четвертая часть дел, переданных для рассмотрения в суд, была им проиграна. Однако его чрезмерная активность оправдывается тем, что составляет неотъемлемый элемент системы санкций, с помощью которых обеспечивается функционирование «добровольного» метода взимания налогов. Федеральное налогообложение — одна из обширных областей правовых конфликтов. В этой сфере доказательство правоты возлагается на гражданина, которому предъявляется обвинение. Это также такая постоянная разновидность административной деятельности, при которой на личную неприкосновенность обращают меньше всего внимания.

Более ограничено функционирование таких органов, как советы по контролю над заработной платой и ценами. Здесь полномочия обычно разделены в соответствии с федеральными принципами между верховным правительством, большим бизнесом и руководством профсоюзов. Значительную роль в экономике играет также отдел по выполнению антитрестовского законодательства министерства юстиции. Он действует на основе крайне непостоянного, определяемого им же самим свода правил. Не менее важна и комиссия по обеспечению равных возможностей для трудоустройства. В принципе ей вменено в обязанность обеспечивать соблюдение законодательных положений о запрете дискриминации при найме на основе расо-

вой, религиозной или национальной принадлежности.

Окончательная бюрократизация демократического процесса была завершена в результате принятия в 1974 году закона о проведении избирательных кампаний в федеральные органы. Им предусматривается правительственное финансирование президентских выборных кампаний. Условия получения средств для такого финансирования определены законом. К тому же была учреждена федеральная комиссия по выборам для контроля за соблюдением этого закона. Она наделена законодательными, правовыми и административными полномочиями. Сочетание их привело к тому, что работа комиссии стала напоминать действия мирового судьи. Ее порядок работы приобрел именно такой характер, против которого в первую очередь была направлена сама Декларация независимости. И именно о такой опасности предупреждал Томас Джефферсон и другие авторы американской Конституции.

Бюрократия в условиях демократического общества близка к совершенству. С помощью политических мер выявляются правительственные сотрудники, а затем ими определяется официальная политика и методы руководства. Они осуществляются органами, создаваемыми самим правительством. В этом в наиболее чистом виде проявляется тирания большинства—тирания, которую большинство обращает против себя же.

СОДЕРЖАНИЕ

США: настоящее в контексте прошлого. Предисловие (проф. Р. Ф. Иванова)	5
Вступление. Замышляя грандиозные планы	14
Глава I. Индейцы: «стать свободными»	30
Глава II. Черные американцы: большие беды	47
Глава III. Заключение: никто не думает об их перевоспитании	58
Глава IV. Религия: нация с душой, исполненной веры	81
Глава V. Чего следует ожидать от экономики	104
Глава VI. Закон и адвокаты	124
Глава VII. О средствах массовой информации	143
Глава VIII. Добровольные ассоциации: естественное право людей ...	160
Глава IX. Политика: еще один вид хаоса	167
Глава X. Деятельность президента: заставьте этого джентльмена в Белом доме спустить его флаг	187
Глава XI. Демократия в Америке: общий обзор	211

Редактор *Д. Б. Петров*
Художник *В. В. Ерёмин*
Художественный редактор *В. А. Пузанков*
Технический редактор *Е. Ю. Кирьянова*
Корректор *В. В. Евтюхина*

ИБ № 2378

Сдано в набор 24.12.1980 г. Подписано в печать
16.6.1981 г. Формат 84×108/32. Бумага офсетная.
Гарнитура таймс. Печать офсетная. Условн. печ.
л. 12,6. Уч.-изд. л. 13,77. Тираж 100 000 экз.
Заказ № 2692. Цена 85 к. Изд. № 29928

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Прогресс» Государственного
комитета СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли.
Москва 11921, Zubovskiy bulvar, 17

Ордена Трудового Красного Знамени
Калининский полиграфический комбинат
Союзполиграфпрома при Государственном
комитете СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли.
г. Калинин, пр. Ленина, 5.

- * Заставьте этого джентльмена в Белом доме спустить его флаг
- * Демократия в Америке: общий обзор
- * Закон и адвокаты
- * Добровольные ассоциации
- * Чего следует ожидать от экономики
- * Политика: еще один вид хаоса
- * О средствах массовой информации
- * Черные американцы
- * Религия: наша с душой, исполненной веры
- * Индейцы: «стать свободными»
- + Заключенные: никто не думает об их перевоспитании

